

МЫСЛИ ОБЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

МЫСЛИ
ОВЪ
ИСТОРИИ РУССКАГО ЯЗЫКА
И
ДРУГИХЪ СЛАВЯНСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

И. И. Срезневскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 78.
1887.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
I. Значеніе народной науки Русской. Исслѣдованія о языкѣ Русскомъ—яя необходимая часть. Важность историческаго направленія въ этихъ изслѣдованіяхъ	1
II. Періоды развитія языка: 1) періодъ развитія формъ; 2) періодъ превращеній; характеристическія отличія каждаго. Связь исторіи языка отдѣльнаго народа съ исторіей языка цѣлыхъ племенъ. Главные вопросы исторіи языка: 1) о развитіи языка до отдѣленія народа отъ другихъ родственныхъ народовъ; 2) о развитіи языка послѣ отдѣленія народа	3
III. Примѣненія общаго взгляда на исторію языка къ исторіи Русскаго языка. Первый вопросъ исторіи Русскаго языка—о древнемъ первобытномъ языкѣ Русскомъ. Общій взглядъ на главные черты его, въ его составѣ и въ строѣ, въ отношеніи къ степени развитія формъ.	17
IV. Другой вопросъ исторіи Русскаго языка—о его измѣненіяхъ со времени основанія самостоятельности Русскаго народа до нынѣшняго времени. Необходимость отдѣлить исторію языка простонароднаго отъ исторіи языка книжнаго	29
V. Общій взглядъ на исторію языка Русскаго въ народѣ. Отдѣленіе нарѣчій. Общій ходъ измѣненій его на пути превращеній сравнительно съ ходомъ измѣненій другихъ Славянскихъ нарѣчій.	34
VI. Общій взглядъ на исторію языка книжнаго: 1) періодъ отдѣленія его отъ языка народнаго; 2) періодъ сближенія его съ народнымъ: до какой степени это сближеніе возможно?	75
VII. Соотношеніе исторіи языка Русскаго съ исторіей Русской литературы.—Заключеніе	82

Дополнительныя примѣчанія:

I. Объ иностранныхъ словахъ въ древнемъ Русскомъ языкѣ	103
II. Образцы переходнаго состоянія Западныхъ Славянскихъ нарѣчій	123
III. Образцы переходнаго состоянія Русскаго языка изъ памятниковъ XIII—XIV вѣка	143

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

«Мысли объ исторіи Русскаго языка», бывшія предметомъ чтенія на актѣ С.-Петербургскаго университета 8 февраля 1849 года и въ томъ же году напечатанныя, давно уже стали библіографическою рѣдкостью. Въ настоящемъ изданіи трудъ этотъ является пополненнымъ многими прибавленіями и замѣтками, которыя И. И. Срезневскій дѣлалъ постепенно и въ разное время на экземплярѣ, бывшемъ у него въ постоянномъ употребленіи. Очень можетъ быть, что при этихъ прибавленіяхъ онъ имѣлъ въ виду лекціи, такъ какъ «Мысли» постоянно служили ему основаніемъ при чтеніи курса Исторіи Русскаго языка.

Какъ кажется, самъ И. И. не считалъ сдѣланныхъ имъ прибавленій достаточными для новаго изданія. Постоянныя изслѣдованія основъ Русскаго языка составляли его смотрѣть на «Мысли» какъ на трудъ еще недостаточно полный, требующій значительной обработки. Этимъ, по всей вѣроятности, можно объяснить то, что на первой страницѣ своего экземпляра И. И. приписалъ въ видѣ эпиграфа слѣдующія слова Гримма: «Die in der ersten Ausgabe mitgetheilten allgemeinen Sätze über den historischen Gang der Sprache sind als unreife

Erörterungen jetzt bei Seite gelegt worden» (J. Grimm. D. Gram. 2-e Ausg.). Это же было, можетъ быть, причиною того, что И. И. не приступалъ къ новому изданію «Мыслей», не смотря на просьбы и совѣты многихъ.

Тѣмъ не менѣе, при печатаніи «Мыслей объ исторіи Русскаго языка», намъ казалось необходимымъ включить сдѣланныя И. И. прибавленія. Тѣ изъ нихъ, которыхъ мѣсто было имъ ясно указано или легко опредѣлимо, вставлены въ самый текстъ; другія же, мелкія замѣтки, приписанныя на поляхъ, помѣщены внизу страницы вмѣстѣ съ подстрочными примѣчаніями. Правописаніе въ выпискахъ изъ памятниковъ исправлено по указаніямъ И. И. и провѣрено по изданіямъ ихъ или по снимкамъ вездѣ, гдѣ это было возможно.

I.

Останавливаю вниманіе читателей на одной изъ тѣхъ задачъ, которыхъ рѣшеніе должно зависѣть отъ усилій нашей Русской науки.

Она есть, эта Русская наука. На нее, какъ на частную долю науки общечеловѣческой, имѣетъ Русскій народъ право столь же исключительное, какъ и каждый другой народъ, сочувствующій успѣхамъ науки, на свою собственную долю. Чѣмъ народъ сильнѣе духомъ, своебытностію, любовію къ знаніямъ, образованностію, тѣмъ его доля въ наукѣ болѣе; но у cadaго народа, не чуждаго свѣта просвѣщенія, есть своя доля, есть своя народная наука. Народъ, отказывающійся отъ нея, съ тѣмъ вмѣстѣ отказывается и отъ своей самобытности — на столько же, какъ и отказываясь отъ своей доли въ литературѣ и искусствѣ, въ промышленности и гражданственности... Главный долгъ народной науки—изслѣдовать свой народъ, его народность, его прошедшее и настоящее, его силы физическія и нравственныя, его значеніе и назначеніе. Народная наука въ этомъ смыслѣ есть исповѣдь разума народа передъ самимъ собою и передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Народъ выражаетъ себя всего полнѣе и вѣрнѣе въ языкѣ своемъ. Народъ и языкъ одинъ безъ другого представленъ быть не можетъ. Оба вмѣстѣ обусловливаютъ иногда нераз-

дѣльность свою въ мысли однимъ названіемъ: такъ и мы Русскіе вмѣстѣ съ другими Славянами искони соединили въ одномъ словѣ «языкъ» понятіе о говорѣ народномъ съ понятіемъ о самомъ народѣ.—Такимъ образомъ, въ той долѣ науки, которую мы можемъ назвать нашей Русской наукой, необходимо должны занять мѣсто и изслѣдованія о Русскомъ языкѣ.

Языкъ есть собственность нераздѣльная цѣлаго народа. Перехода отъ человѣка къ человѣку, отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ вѣка въ вѣкъ, онъ хранится народомъ какъ его драгоценное сокровище, которое по прихотямъ частныхъ желаній не можетъ сдѣлаться ни богаче, ни бѣднѣе,—ни умножиться, ни растратиться. Частная воля можетъ не захотѣть пользоваться имъ, отречься отъ его храненія, отречься съ этимъ вмѣстѣ отъ своего народа; но за тѣмъ не послѣдуетъ уменьшеніе цѣнности богатствъ, ей не принадлежащихъ. Независимый отъ частныхъ волей, языкъ не подверженъ въ судьбѣ своей случайностямъ. Все, что въ немъ есть, и все, что въ немъ происходитъ, и сущность его и измѣняемость, все — законно, какъ и во всякомъ произведеніи природы. Можно не понимать, а потому и не признавать этой законности; но отъ того законы языка не перестанутъ быть законами. Можно не понимать ихъ, можно и понять, — и разумѣніе ихъ необходимо должно озарять своимъ свѣтомъ наблюденіе подробностей языкознанія.

Народъ выражаетъ себя въ языкѣ своемъ. Народъ дѣйствуетъ; его дѣятельностію управляетъ умъ: — умъ и дѣятельность народа отражаются въ языкѣ его. Дѣятельность есть движеніе; рядъ движеній есть рядъ измѣненій;—измѣненія, происходящія въ умѣ и дѣятельности народа, также отражаются въ языкѣ. Такимъ образомъ, измѣняются народы,—измѣняются и языки ихъ. Какъ измѣняется языкъ въ народѣ? Что именно въ немъ измѣняется, и по какому пути идетъ рядъ измѣненій? Безъ рѣшенія этихъ вопросовъ не возможно уразумѣніе законовъ, которымъ подлежитъ языкъ, какъ особенное явленіе природы. Рѣшеніе ихъ составляетъ исторію языка; изысканія о

языкъ, входящія въ составъ народной науки, не возможны безъ направленія историческаго. — Исторія языка, нераздѣльная съ исторіей народа, должна входить въ народную науку, какъ ея необходимая часть. Къ исторіи языковъ примыкаетъ или, лучше сказать, тѣсно съ нею связана этнографія. Мѣстные нарѣчія суть видоизмѣненія языка одного народа; различные языки одной отрасли народовъ суть видоизмѣненія одного и того же способа выражать словами чувства и понятія. Можно это разнообразіе разсматривать по-народно, группируя языки по племенамъ и племена по свойствамъ ихъ языковъ; можно отдѣлить и опредѣлить признаки сходства и сродства языковъ, — и наблюденія, на сколько они могли теперь быть вѣрны, привели къ заключенію, что всѣ языки по своему строю распадаются на два главныхъ разряда: на безстройные, въ которыхъ матерія не подчинилась формѣ, и стройные, въ которыхъ матерія и форма представляются въ правильномъ сліяніи. Тѣ и другіе распадаются на нѣсколько отраслей по-племенно. Такими-ли и всегда были, какими представляются теперь языки тѣ и другіе, и если измѣнялись, то какъ: это задача исторіи языковъ, задача, до нѣкоторой степени нерѣшимая, но только до нѣкоторой степени.

II.

Первоначальное образованіе языковъ—тайна, которая вскрывается очень медленно, болѣе угадывается, чѣмъ сознательно постигается въ слѣдствіе изысканій. Менѣе подлежатъ сомнѣнію выводы о дальнѣйшемъ развитіи языковъ, выводы о двухъ главныхъ періодахъ ихъ развитія.

Языкъ въ первомъ началѣ своемъ вѣроятно былъ собраніемъ звуковъ безъ внутреннего строя. Немного звуковъ, немного и словъ, образованныхъ изъ нихъ, гораздо менѣе чѣмъ представленій, которыя бы могли быть ими выражены. Каждое слово само себѣ корень, несродный съ другими, коротко, и не под-

лежало измѣненіямъ *). Темно, неопредѣленно, безотчетно выражалъ языкъ жизнь и мысль народа, столь же темную, неопредѣленную, безотчетную. Одно и то же слово было вмѣстѣ названіемъ и предмета, и дѣйствія его, и качества, и впечатлѣнія, ими производимаго въ умѣ, точно такъ же какъ и въ умѣ народа все это оставалось неотдѣленнымъ.

Въ этой безжизненности языка есть уже впрочемъ зачала жизни, и по времени они все болѣе развиваются. Звукъ одинъ постепенно развивается въ нѣсколько сродныхъ звуковъ, дробится, слагается и разлагается; одно слово-корень получаетъ различный выговоръ и разнообразить этимъ свое значеніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ слова-корни прежніе умножаются новыми, иначе звучащими: многіе изъ нихъ погибаютъ; но многіе и остаются надолго, даже навсегда. Гораздо болѣе силы жизненной даетъ языку фантазія народа, управляя словами, какъ символами понятій. Представленія, почему нибудь казущіяся сходными, выражаются однимъ и тѣмъ же словомъ; слово переходитъ отъ смысла къ смыслу, и съ приобрѣтеніемъ cadaго новаго смысла все болѣе опредѣляется. Долго эта творческая сила фантазій остается въ кругѣ видимаго мира; но переходитъ потомъ и въ миръ духовный, и становится тогда еще могучѣе. Сила эта никогда уже не оставляетъ языкъ. Обусловливаясь вліяніемъ природы, среди которой живетъ народъ, образомъ его жизни, взглядомъ на свой миръ внѣшній и внутренній, она крѣпнеть все болѣе по мѣрѣ усиленія образованія народа.

Между тѣмъ, число понятій народа умножается: въ умѣ народномъ они слагаются и разлагаются. Сложеніе и разложеніе понятій отражается въ языкѣ сложеніемъ и разложеніемъ словъ. Слова отдѣляются отъ корней: корень слова, бывшій доселѣ словомъ, можетъ и остаться словомъ; но кромѣ словъ-

*) Pott. Et. Forsch. II. 359—360.

Grimm. Urspr. 24—25.—L. Benloew (De quelques caractères du langage primitif. Paris 1863) доказываетъ, что первичные языки были односложные, что и. пр. Китайскій и сохранилъ доселѣ.

корней являются во множествѣ слова не-корни, образованныя изъ разныхъ корней, слова опредѣленные формально. Въ такомъ образованномъ словѣ сначала всѣ части одинаково важны для опредѣлительности его значенія; но постепенно одна часть дѣлается главною, остальные сохраняютъ только придаточное значеніе. Къ одному и тому же главному корню прибавляются различныя придаточныя корни, какъ частицы опредѣлительныя, какъ члены, обусловливающіе смыслъ, выражаемый главнымъ корнемъ, срастающіеся въ нераздѣльныя слова съ тѣми словами, которыя опредѣляютъ. Съ этой поры въ языкѣ является производительность, столь же разнообразная, сколько и сильная. Умъ народа перестаетъ нуждаться въ средствахъ для выраженія оттѣнковъ своихъ понятій, и самъ развивается съ развитіемъ выразительности языка.

Необходимая принадлежность выразительности языка въ этомъ новомъ положеніи есть отличеніе разныхъ разрядовъ словъ—частей рѣчи, и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняемость большей части словъ, отдѣльная для каждого разряда. Являются условія отличенія трехъ родовъ, трехъ степеней сравненія, трехъ чиселъ, трехъ лицъ, трехъ главныхъ падежей, трехъ залоговъ, трехъ видовъ, трехъ главныхъ временъ, трехъ главныхъ формъ сочетаній словъ и т. п.

И мало по малу все, что могло жить въ языкѣ подъ условіями опредѣленной формы, все оживляется и живетъ, подчиненное этимъ условіямъ, — и народъ, вполне сочувствуя формальной стройности языка своего, боится нарушить ее, бережетъ ее, какъ святыню.

Разумное начало возобладало въ языкѣ, на сколько могло выразиться строгостью формъ,—и нисколько не ослабило начала поэтическаго, а только придало ему художественность. Какъ во всемъ, такъ и въ языкѣ поэтическое только тогда становится художественнымъ, когда подчиняется закону разума. Только на условіи этого подчиненія языкъ дѣлается художественнымъ выраженіемъ мысли народа. Художественность языка видна тогда не только въ красотѣ языка внутренней — въ прекрасно пра-

вильномъ его соотношеніи съ мыслію и въ его живописности, но и въ красотѣ внѣшней—въ благозвучности. Только къ этому времени въ языкѣ развивается правильная система звуковъ,—и сочетанія ихъ въ отдѣльныхъ словахъ и въ цѣлыхъ рѣченіяхъ становятся такъ же согласно плавны и глѣбучи, какъ онѣ согласно выражаютъ мысль народную. Благозвучность, какъ законная принадлежность языка въ этомъ положеніи, какъ слѣдствіе разумнаго вкуса народа, сближая языкъ съ другимъ художествомъ, владѣющимъ звуками, съ музыкой, подчиняя его тѣмъ же условіямъ, которымъ подчинена и музыка, условіямъ мѣры и размѣра, производитъ въ языкѣ формы стиховъ, въ которыхъ логическая связность словъ подчинена гармонической связности звуковъ....

Время развитія формъ языка составляетъ первый періодъ его исторіи. Этотъ періодъ долгъ, для иныхъ языковъ какъ будто безначаленъ и нескончаемъ; тѣмъ не менѣе онъ есть только первый; за нимъ долженъ послѣдовать и второй.

Этотъ второй есть періодъ превращеній. Не всегда онъ начинается тогда, когда уже совершенно оконченъ первый: онъ можетъ начаться и гораздо ранѣе, такъ что начало его совьется въ двойную нить съ продолженіемъ перваго; но рѣшительно отличный отъ перваго по основному началу, въ немъ господствующему, онъ всегда можетъ быть отличенъ отъ перваго. Съ самаго начала этого періода прежняя стройность формъ языка разстраивается; новая стройность касается не формъ, а самой матеріи, не матеріи языка, а мыслей, имъ выражаемыхъ. Все равно помощію той или другой формы, лишь бы выразилъ языкъ то, что онъ долженъ выразить. Въ народѣ остается на долго стремленіе поддерживать прежнюю формальную самостоятельность языка; но тѣ или другія обстоятельства, внутреннія и внѣшнія, потрясаютъ ее все болѣе. Связи народа промышленныя, умственныя, политическія, религіозныя, кровно-родственныя съ другими народами: это самое важное изъ обстоятельствъ внѣшнихъ. Мысль о нендобности грамматическихъ формъ, о возможности обойтись безъ нихъ, начинающая свое

дѣйствіе смѣшеніемъ формъ, и доходящая постепенно до почти полнаго ихъ отрѣшенія и забвенія, мысль не рѣдко зависящая въ своемъ проявленіи отъ трудности управиться съ богатствомъ и разнообразіемъ формъ, эта мысль есть самое важное обстоятельство внутреннее. Эта мысль и зарождается и крѣпнеть въ умѣ народа безъ всякой зависимости отъ его сознанія, часто на перекоръ ему, безотчетно и произвольно; но крѣпнеть по времени все болѣе, все болѣе получаетъ силу закона. Обстоятельства внѣшнія и внутреннія дѣйствуютъ на языкъ заодно,—и измѣняютъ языкъ иногда до того, что онъ возвращается, во внѣшнемъ своемъ видѣ, къ тому хаотическому состоянію, въ которомъ былъ сначала. Онъ уже конечно не тотъ, но почти таковъ же по своей безсвязности, по раздѣльности своихъ составныхъ частей, и можетъ начать съизнова путь своего развитія.... Впрочемъ только во внѣшнемъ своемъ видѣ: по содержанію, если только народъ не огрубѣетъ, отрехшись отъ просвѣщенія, онъ можетъ остаться вполне выразительнымъ, богатымъ и сильнымъ орудіемъ мысли.—Такъ какъ второй періодъ исторіи языка обрисовывается всегда постепеннымъ паденіемъ прежнихъ формъ, постепеннымъ замѣненіемъ ихъ другими, замѣненіемъ такими другими формами, которыя не такъ неотрѣшимо сплавляются со словами, которыхъ употребленіе не такъ произвольно, которыя мѣняются, превращаются; то его едва ли можно назвать иначе, какъ періодомъ превращеній.

Вступая въ періодъ превращеній, языкъ прежде всего измѣняетъ свою звучность. Звуки перемѣшиваются, замѣняются одни другими, не берегутся по прежнему въ ихъ коренномъ значеніи; увеличиваются иногда числомъ, часто и пропадаютъ, ничѣмъ незамѣненные, слившись съ другими: увеличивается болѣе количество звуковъ сложныхъ, составныхъ, уменьшается болѣе количество звуковъ простыхъ, нераздѣльныхъ.

Отъ измѣненій въ системѣ звуковъ измѣняется и система корней языка. Корни словъ тоже перемѣшиваются; первоначально различные совпадаютъ въ одно сочетаніе звуковъ; первоначально однозвучные и однозначительные распадаются на

различныя, повидимому совсѣмъ не похожіе. Нѣкоторые совершенно пропадаютъ или остаются въ бѣдныхъ остаткахъ, какъ ненужныя, потому что въ языкѣ нашлись другія средства для выраженія тѣхъ же идей. Связи съ другими народами облегчаютъ заимствованія чужихъ словъ, и чужія слова становятся тѣмъ необходимымъ, чѣмъ сильнѣе эти связи.

Формы образованія словъ теряютъ постепенно коренное значеніе: формы, различныя по значенію, становятся однозначительными, однозначительныя—разными. Образованныя слова нуждаются въ приложеніи иныхъ формъ къ прежнимъ, для выраженія тѣхъ же понятій безъ малѣйшаго отгѣненія, изъ-за того только, что форма прежде данная уже потеряла силу выражать это отгѣненіе смысла. Мѣсто одного слова заступаетъ иногда два, три, и на оборотъ. Къ словамъ приставляютъ особенныя независимыя частицы для опредѣленія ихъ значенія. Чужія слова принимаются въ языкъ безъ примѣненія ихъ формы къ древнему характеру языка.

Формы измѣненія словъ теряютъ также свой прежній смыслъ и важность. Разнозначительныя формы смѣшиваются въ значеніи; изъ прежнихъ формъ образуются новыя; другія погибаютъ. Погибаніе старыхъ формъ начинается частностями: нѣкоторые слова, прежде измѣнявшіяся по всѣмъ для нихъ возможнымъ формамъ, остаются только въ какой нибудь одной формѣ неподвижно, или въ немногихъ, болѣе рѣзкихъ. За частными случаями слѣдуютъ и общія перемѣны. То одно изъ чиселъ, то одинъ изъ родовъ, то одно изъ временъ становится ненужнымъ, излишнимъ. Мѣсто временъ простыхъ заступаютъ сложныя; сложныя мѣшаются, сокращаются. Окончанія падежныя теряютъ свою выразительность, обуславливаются предлогами, потомъ и совсѣмъ исчезаютъ....

Вслѣдствіе ослабленія формъ словоизмѣненія постоянно измѣняется и прежній характеръ формъ словосочетанія. Многія изъ нихъ пропадаютъ. Мѣсто ихъ занимаютъ другія, болѣе подвижныя. Потомъ и эти однѣ за другими исчезаютъ: отсутствіе формъ замѣняется условіями логики народа, вовсе не

зависящими отъ прежняго строя языка. Формальная опредѣленность смѣняется описательностью.

Превращеніе строя языка, будучи вмѣстѣ и превращеніемъ его состава, превратитъ и логику народа, и понятія его о красотѣ выраженій внутренней и виѣшней. Превращеніе языка въ отношеніи къ красотѣ его выразительности отразится на всемъ складѣ рѣчи въ прозѣ и въ стихахъ. И въ отношеніи къ складу рѣчи языкъ можетъ лишиться прежняго разнообразія и прежней опредѣленности формъ, даже потерять ихъ вовсе....

Все это можетъ идти въ разныхъ языкахъ до нѣкоторой степени различно и доходить не совершенно къ одному и тому же концу; но направленіе всегда одно и то же: превращеніе, ослабленіе формъ. Въ одномъ и томъ же языкѣ не все превращается равномѣрно, иное скорѣе, другое медленнѣе, — и вслѣдствіе этого, языкъ становится связью частей разновременно образованныхъ, древнихъ и новыхъ; но все-таки постепеннаго превращенія нельзя не видѣть въ измѣненіи всего его строя и характера. Сродненіе народа съ народомъ можетъ привести ихъ языки къ полному, совершенному превращенію. Изъ двухъ или нѣсколькихъ языковъ можетъ образоваться новый языкъ, по формамъ своимъ и похожій и непохожій на тѣ, изъ которыхъ онъ произошелъ, и до такой степени новый, что законы, которыми управлялись тѣ языки, въ своихъ формахъ могутъ до нѣкоторой степени служить только объясненіемъ его состава; но и въ его составѣ и въ строѣ господствовать должны уже не они, а другіе, и свою формальную организацію онъ начинаетъ снова.

Наблюдая явленія превращенія языка, нельзя не замѣтить, что при всей постепенности и непрерывности превращенія языка, бываютъ для него особенныя години, когда онъ выражаетъ сильнѣе, рѣшительнѣе свое естественное стремленіе превращаться, когда онъ болѣе и болѣе овладѣваетъ новымъ, которое должно вытѣснить то или другое старое, когда новизна борется со стариной сильнѣе, упорнѣе. Такое состояніе языка,

состояніе переходное можно въ нѣкоторомъ отношеніи сравнить съ состояніемъ чловѣка при переходѣ отъ дѣтства къ возмужалости, отъ мужества къ старости, или съ состояніемъ растенія при переходѣ отъ сѣмени къ стеблю, отъ цвѣта къ плоду и т. п. Безъ сомнѣнія, такое состояніе языка не независимо отъ состоянія народа, который говоритъ имъ.

Таковъ вообще путь, проходимый языкомъ каждаго народа, но не каждаго отдѣльно отъ другихъ народовъ. У многихъ народовъ одного происхожденія языкъ, по первоначальному своему образованію, одинъ и тотъ же. Онъ развился на много разныхъ языковъ уже послѣ, съ теченіемъ времени, въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ. Это развитіе языка въ языки и каждаго изъ языковъ отдѣлившись идетъ однимъ и тѣмъ же путемъ, подлежа одному и тому же закону; но подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ выражается различно. Оттѣнки различія могутъ касаться и состава и строя языка. Языкъ одного племени можетъ повести нить развитія формъ далѣе и все болѣе умножать ихъ въ себѣ, между тѣмъ какъ языкъ другого сроднаго племени будетъ принужденъ ранѣе начать періодъ превращеній и по богатству формъ далеко отстать отъ перваго, не смотря на одинаковость начала. Тѣмъ не менѣе, начало того и другого одно и то же: языка племени нельзя объяснить исторически безъ знанія языка семьи племенъ, изъ котораго онъ произошелъ. Народы одного племени остаются однимъ нераздѣльнымъ народомъ до тѣхъ поръ, пока не отдѣляются одинъ отъ другого, однимъ народомъ нераздѣльнымъ по условіямъ народности, по образованности, нераздѣльнымъ и по языку. Только со времени отдѣленія отъ другихъ народовъ племени своего, народъ начинаетъ свою отдѣльную жизнь, но не съ самаго начала, а продолжая жизнь уже прежде бывшую, и отражаетъ ее въ языкѣ, но въ языкѣ, уже готовомъ къ этому, уже такъ или иначе образованномъ. Народъ развиваетъ свою личную народность изъ народности своего племени, и языкъ его, хотя и становящійся постепенно выраженіемъ этой отдѣльной народности, только продолжаетъ путь, уже прежде начатый.

Путь этот может быть имъ и не оконченъ. Языкъ не только до отдѣленія народа отъ родственныхъ народовъ, но и долго послѣ остается нарѣчіемъ другого языка; потомъ самъ дробится на нарѣчія; каждое изъ этихъ нарѣчій можетъ въ свою очередь образоваться въ отдѣльный языкъ. — Такимъ образомъ исторія языка каждого отдѣльнаго народа есть только часть исторіи языка цѣлыхъ племенъ. Въ языкѣ каждого отдѣльнаго народа остаются слѣды его прежнихъ судебъ: изъ его состава и строя можно увидѣть, въ какой онъ порѣ жизни, какую часть пути прошелъ онъ и что у него впереди. Все его прошедшее, хотя бы и не связанное исключительно съ судьбою его народа, какъ народа отдѣльнаго, есть его прошедшее. Не разумѣя этого прошедшаго, нельзя уразумѣть и того, что за нимъ послѣдовало. Само собою разумѣется впрочемъ, что изслѣдованіе первоначальныхъ судебъ языка какого бы то ни было народа должно быть сдержано въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ не можетъ быть произвола для воображенія, въ которыхъ умъ изслѣдователя не нуждается въ очевидныхъ данныхъ и можетъ не смѣшивать видимое съ кажущимся. Языкъ, какъ самъ народъ, какъ всякое произведеніе природы, и безъ условій непосредственнаго сродства можетъ представлять родственныя черты сходства съ другимъ языкомъ: онъ любопытенъ, онъ важенъ для изслѣдователя, но какъ данныя для рѣшенія вопросовъ не генеалогіи языковъ, а ихъ природы, ихъ естественныхъ свойствъ, всѣмъ одинаково общихъ. Безграницность генеалогическихъ наведеній въ языковѣдѣніи можетъ только мѣшать открытію истины; ихъ сдержанность уменьшить конечно количество выводовъ, но болѣе всего количество тѣхъ выводовъ, которые раньше или позже будутъ признаны невѣрными и не столько убѣждаютъ, сколько поражаютъ или забавляютъ. Позволю себѣ выразиться яснѣе. Языкъ, какъ и народъ, есть естественное произведеніе, удобно и правильно сравниваемое со всякимъ другимъ естественнымъ произведеніемъ. Основные правила изслѣдованія разнообразія естественныхъ произведеній должны быть всюду общи—въ языковѣдѣніи, какъ

напримѣръ, и въ зоологіи или въ ботаникѣ. Всѣ испытатели природы ищутъ единства въ разнообразіи и стараются подводить его подъ первообразы; но зоологу не приходится въ голову отыскивать рѣшеніе вопроса, какъ, напримѣръ, развились изъ своего общаго первообраза левъ, тигръ, ягуаръ, пантера, леопардъ, рысь, оцелоть, кошка — и какой изъ этихъ родовъ древнѣе, и какой болѣе, какой менѣе утратилъ свойствъ общаго первообраза; такъ и ботанику не приходится въ голову добираться до отысканія общаго первообраза малины, ежевики, земляники, глога и до разъясненія судебъ, по которымъ онѣ сдѣлались такъ отличны. Такъ бы, казалось, не должно было добираться и языковѣду до первообраза языковъ той или другой отрасли, употребляя для этого въ помощь ихъ сравненіе, сравнивая языки сродные только какъ проявленіе первообраза, но не какъ порожденія его, не какъ потомство одного предка. Всякій пойметъ, какъ Греческій языкъ развился еще въ древности на нѣсколько нарѣчій и какъ изъ него же произошелъ языкъ Новогреческій, какъ отъ одного общаго предка явились нарѣчія Романскія, Германскія, Славянскія; но добираться тѣмъ же путемъ этимологіи до общаго предка языка Нѣмецкаго и Русскаго, Финскаго и Татарскаго, Санскритскаго и Славянскаго, сколько бы ни было въ нихъ чертъ сходства — едвали можно считать дѣломъ осторожной науки. Сдѣлаю еще сравненіе: языкъ, какъ даръ слова, принадлежитъ роду человѣческому столько же какъ всякое искусство, или какъ всякое знаніе, какъ, напримѣръ, письменность, театръ, медицина, ваяніе, астрономія, и еще въ своихъ связяхъ съ жизнью обществъ, гораздо менѣе общее разнымъ обществамъ, разнымъ племенамъ — и однако дознано, что, несмотря на повсюдную распространенность знаній, каждое изъ нихъ зачиналось и развивалось много разъ независимо и сходно. Почему бы не было того же въ языкахъ? Почему племена сродныя по всему, а между прочимъ и по языку, отличались отъ другихъ менѣе сродныхъ, а не отличались между собой — по языку — только потому что сродны, а не какъ потомки языка одного народа? Священное преданіе

начинает исторію рода человѣческаго разнообразіемъ языковъ: ужели отвергнуть его? Или гдѣ средства опредѣлить счетомъ это первоначальное разнообразіе? Въ вопросахъ, мною представляемыхъ, нѣтъ мысли отвергнуть этимологию; но дать ей безграничную свободу сравненій и выводовъ, внушаемыхъ близостью языковъ и качествъ ихъ строя и состава, ихъ матеріи и формы, едва ли законно. Нужно положить границу и тутъ, какъ полагается она на всякомъ пути человѣческаго ума къ отысканію первичныхъ началъ. Нельзя, мнѣ кажется, не уважать стремленій современнаго языковѣднія отыскать и разъяснить родственную близость языковъ и ея различныя признаки и явленія; нельзя не дорожить матеріаломъ, ими собираемымъ и разбираемымъ; но позволяю себѣ остаться при убѣжденіи, что большая часть ихъ трудовъ будетъ современемъ пособіемъ для другихъ цѣлей. Одна изъ этихъ цѣлей—дознаться до основаній, по которымъ человѣческой разумъ достигалъ средствъ выраженія идей звуками, то однихъ и тѣхъ же, то сходныхъ, то несходныхъ. Попытки этого рода бывали очень издавна, есть онѣ и теперь, но направленіе, болѣе занимательное, заставляетъ ихъ забывать и даетъ этимологіи значеніе иногда не совсѣмъ ея достойное,—и между тѣмъ мѣшающее положительности изслѣдованій историческихъ о каждомъ языкѣ въ отдѣльности. Чѣмъ осторожнѣе опредѣлены будутъ данныя относительно, такъ сказать, предварительнаго образованія языка народа, тѣмъ съ болѣею отчетливостію можно будетъ приступить къ объясненію дальнѣйшихъ судьбъ языка въ зависимости отъ развитія характера народа, его климатическаго и политическаго положенія, его образованности и т. п.

Такимъ образомъ, сближая съ исторіей каждаго отдѣльнаго народа исторію его языка, наблюдатель въ отношеніи къ этой послѣдней долженъ имѣть въ виду два вопроса:

— Одинъ вопросъ:—Что былъ языкъ народа въ то время, когда народъ, какъ особенный народъ, отдѣлился отъ другихъ народовъ своего племени?

— Другой вопросъ:—Какъ постепенно измѣнялся языкъ въ

народѣ, примѣняясь къ его особенному положенію, къ его личной народности, къ успѣхамъ его образованности, внѣшней и внутренней; какъ сохранялъ и распространялъ ее?

Оба вопроса суть только двѣ половины одной и той же задачи.

При ея рѣшеніи надобно обратить вниманіе: 1) на строй и на составъ языка и 2) на его измѣненія въ отношеніи къ его естественной измѣняемости и къ обстоятельствамъ внѣшнимъ, которыя имѣли вліяніе на его измѣненія въ народѣ и въ литературѣ.

Въ исторіи языка, какъ и во всякой исторіи, должно отличать явленія случайныя, одновременныя, остающіяся безъ всякихъ или по крайней мѣрѣ безъ важныхъ послѣдствій, отъ явленій, свивающихся какъ волокна въ одну нить. Слѣдить за первыми часто нѣтъ ни нужды, ни даже возможности, но тѣмъ болѣе нужно отличать значеніе вторыхъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ временныя прихоти моды, высшаго общества, прихоти писателей и т. п. Безграмотный переводчикъ употребилъ то или другое слово или выраженіе, ту или другую форму словообразованія или словосочиненія; по случаю его переводъ остался однимъ изъ памятниковъ языка, важныхъ по древности: плоды его безграмотности—факты ли они исторіи языка? Часть общества, которому дѣла нѣтъ до стройности языка, пустила на время въ ходъ нѣсколько словъ и поговорокъ, обезображивающихъ языкъ и помыкала ими пока не наскучило: ужели это факты исторіи языка? Порывы ложнаго патріотизма или космополитизма, побуждавшіе того или другого писателя искусственно поддерживать чистоту языка или искусственно наводнять его чужимъ добромъ, порывы безъ слѣдствій: стоитъ ли ихъ считать фактами, замѣчательными въ исторіи языка? Въ общемъ ходѣ судебъ языка не все то важно, что касалось языка не всего народа, а той или другой его частички. Нельзя отвергать важности вліянія высшихъ классовъ общества (на писателей, но нельзя быть опрометчивымъ и легкомысленнымъ въ опредѣленіи степени его силы и позволять себѣ выводы для этого изъ фак-

товъ всякой цѣнности безъ разбора. Во всякомъ случаѣ судьбы языка въ народѣ и судьбы его въ письменности и въ высшемъ классѣ общества должно разсматривать какъ бы отдѣльные предметы, взаимно зависящіе, но зависящіе различно: судьбы языка въ народѣ зависятъ отъ письменности и высшей образованности въ частностяхъ, въ мелочахъ; судьбы языка литературы и высшего класса зависятъ отъ народа въ общемъ ходѣ ихъ. Ограничивать всю исторію языка въ кругѣ одной изъ этихъ двухъ ея частей невозможно или, по крайней мѣрѣ, не должно. Разсматривая же обѣ во взаимномъ ихъ соотношеніи, нельзя будетъ не увидѣть, какъ явленіе, постоянно продолжающееся—бореніе двухъ противоположныхъ стремленій—отстать отъ старины какъ отъ пошлости и удержать старину какъ святыню. Какъ явленіе не перестающее, оно можетъ быть наблюдаемо всегда, теперь, какъ и прежде. Чтобы понять его, довольно наблюдений одного момента времени; а понявши помощію этихъ наблюдений, не трудно приложить ихъ ко всѣмъ временамъ. Сообразите требованія одного лица относительно чистоты, правильности и изящества языка—и наблюдение сдѣлано, и вѣрная точка для направленія наблюдений всѣхъ временъ отыскана: одинъ и тотъ же скажетъ, что старинное соединеніе прошедшаго причастія на въ, въши съ временемъ настоящимъ или прошедшимъ вспомогательнаго глагола (я еще не уставши, мы были еще неуживавши) — пошлость; что ненарушеніе старины въ несклоненіи словъ иностранныхъ или вообще въ оставленіи ихъ въ ихъ иностранной формѣ (онъ не носитъ пальта; вы не увидите Маріа)—пошлость; что несоблюденіе старины въ неизмѣненіи есть для всѣхъ лицъ и чиселъ—грубость, невѣжество; что несоблюденіе родовъ въ именахъ прилагательныхъ множ. (смиранныи вороныи)—невѣжество, безграмотность. Изъ такихъ примѣровъ состоитъ весь языкъ. Старину гонять, мертвять, — а она все еще живетъ; ее удерживаютъ мертвую, показываютъ какъ живую, а она предъ всѣми глазами разсыпается въ прахъ, а люди продолжаютъ увѣрять себя и другихъ, что это только такъ кажется. Кому долженъ тутъ вѣрить безпристрастный наблюда-

тель? Отгадать не трудно, какъ не трудно повѣрить, что «сильнѣющему сила, умершему покой».

А между тѣмъ этимъ бореніемъ, постоянными уступками старины новизнѣ обозначается общій ходъ измѣненій языка. Считай прошедшимъ то, что удерживается силой, искусственно; считай будущимъ то, что все болѣе пробивается въ жизнь языка, хоть иногда частностями, по мелочамъ.

Но было бы странно ограничивать взглядъ на судьбы языка кругомъ наблюденій формъ языка и словъ, его составляющихъ, безъ отношенія къ словесности: слогъ и языкъ, словесная производительность и языкъ....

Какъ примѣнить этотъ общій взглядъ на исторію языка къ исторіи Русскаго языка? Я думаю, объ этомъ говорить не къ чему много. Границы времени—между столѣтіями IX и XIX; границы пространства—сосѣди Русской земли; границы сравненій и объясненій—въ однородствѣ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, какъ нарѣчій одного языка, и во вліяніи языковъ сосѣдей близкихъ и дальнихъ. Границы наведеній—въ родственномъ сходствѣ языковъ Индо-Европейскихъ, преимущественно Европейскихъ. Точка исхода наблюденій: чѣмъ былъ Русскій языкъ когда онъ отдѣлился отъ другихъ нарѣчій Славянскихъ, какъ отдѣльное нарѣчіе. Цѣль, ходъ: какимъ путемъ достигъ онъ современнаго состоянія въ народѣ и въ книгѣ?

Говорить ли о важности исторіи Русскаго языка такъ понимаемой? Въ отношеніи этнографическомъ—она пособие для объясненія судебъ быта народа. Въ отношеніи литературномъ—она указатель хода литературы....

Нашей Русской наукѣ принадлежитъ рѣшеніе этой задачи въ отношеніи къ языку Русскому.

III.

Народъ Русскій есть одинъ изъ народовъ племени Славянскаго, племени, которое вмѣстѣ съ племенами Литовскимъ, Германскимъ, Кельтскимъ, Греческимъ, Романскимъ, Иранскимъ, Индійскимъ, принадлежитъ къ одной семьѣ народовъ, къ отрасли Индо-Европейской. Хотя издавна различныя племена и народы этой отрасли, разселяясь почти по всему пространству земной суши, вѣтвями своими сроднялись узами крови и образованности съ народами другихъ отраслей, до сихъ поръ однако удержали всѣ главныя черты своего родства. Всѣ языки народовъ этой отрасли, отличаясь отъ всѣхъ другихъ, поразительно сходны между собою и по составу, и по строю; всѣ они—только разнообразныя видоизмѣненія одного первообраза. Каждый народъ, отдѣляясь отъ другихъ народовъ соплеменныхъ, только продолжалъ измѣненіе языка уже начатое,—одни скорѣе, другіе медленнѣе, — одни такъ, другіе иначе, но по одному и тому же направленію. Такъ и начало Русскаго языка теряется въ глубинѣ вѣковъ давнопрошедшихъ, и его собственная, такъ сказать, личная исторія, какъ языка исключительно Русскаго народа, есть только продолженіе исторіи языка племени Славянскаго, а эта — часть исторіи языка всей отрасли Индо-Европейской.

И такъ въ исторіи Русскаго языка прежде всего долженъ быть рѣшенъ вопросъ:

— Что былъ языкъ Русскій въ то время, когда онъ только что отдѣлился—какъ мѣстная доля языка, общаго всѣмъ Славянамъ, какъ одно изъ нарѣчій Славянскихъ,—отъ другихъ нарѣчій своего племени? Что былъ онъ тогда по своему строю и составу, т. е. въ какой порѣ развитія былъ по своимъ формамъ и что выражалъ своими словами, какъ символами понятій и нравовъ, быта и обычаевъ народа?

Сколько филологи, столько же и историки, могут оцѣнить важность этого вопроса. Для изученія событій времени позднѣйшихъ есть у историковъ много различныхъ матеріаловъ, — есть лѣтописи, записки современниковъ, памятники юридическіе, памятники литературы, наукъ, искусствъ, живыя преданія народа. Отъ перваго же времени жизни нашего народа не сохранилось почти ничего подобнаго, — и первыя страницы нашей исторіи остаются ненаписанными. Онѣ и останутся бѣлыми до тѣхъ поръ, пока не приметъ въ этомъ участія филологія. Она одна можетъ написать ихъ. Пусть она и не скажетъ ничего о лицахъ дѣйствующихъ, пусть обойдется въ своемъ разсказѣ и безъ собственныхъ именъ; безо всего этого она будетъ въ состояніи разсказать многое и обо многомъ. Она передастъ быль первоначальной жизни народа, его нравовъ и обычаевъ, его внутренней связи и связей съ другими народами — тѣми самыми словами, которыми выражалъ ее самъ народъ, — передастъ тѣмъ вѣрнѣе и подробнѣе, чѣмъ глубже проникнетъ въ смыслъ языка, въ его соотношеніе съ народной жизнію, и проникнетъ тѣмъ глубже, чѣмъ большими средствами будетъ пользоваться при сравненіи языковъ и нарѣчій сродныхъ. Она не можетъ отка-заться отъ возстановленія древнѣйшаго первобытнаго Русскаго языка во всемъ его строѣ и составѣ, со всѣми его формами и словами — если не со всѣми безъ исключенія, то по крайней мѣрѣ со всѣми главными. Объ этомъ думать могутъ ученые не какъ о мечтѣ, не какъ о забавѣ, за которою привольно отды-хаться воображенію, утомленному мелочными изысканіями, а какъ о прямомъ своемъ долгѣ. Выполнить его окончательно, безъ сомнѣнія, будетъ не по силамъ одного человѣка, и не одинъ изъ ученыхъ, отъ недостатка силы соображенія и знанія всего того, что слѣдуетъ сообразить, можетъ обмануть и себя и дру-гихъ увлекательной невѣрностью своихъ выводовъ; но терни-стый путь ошибокъ, вольныхъ и невольныхъ, долженъ привести наконецъ къ желанной и уже видной цѣли, и раньше или позже филологія наша, съ отчетливой правдивостью науки, покажетъ, какъ и что выражали наши древніе предки на языкѣ своемъ...

Вспомогательныя изысканія только что начаты ею; но начаты такъ разнообразно и при такомъ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, что и теперь можно видѣть, къ какимъ главнымъ выводамъ приведуть они.

Позволяя себѣ остановиться на главныхъ чертахъ древняго первобытнаго Русскаго языка, я ограничиваюсь на этотъ разъ немногими общими замѣчаніями о его состояніи въ то время, когда уже онъ отдѣлился отъ другихъ Славянскихъ нарѣчій, сдѣлавшись исключительнымъ достояніемъ Русскаго народа.

Языкъ Русскій этого времени, въ отношеніи къ своему строю, былъ при исходѣ развитія своихъ первобытныхъ формъ, уже начавъ періодъ ихъ превращеній. Это выражалось и въ правильной системѣ звуковъ, и въ богатомъ разнообразіи формъ словообразованія и словоизмѣненія, и въ опредѣленномъ различіи формъ словосочетанія. По своему составу онъ былъ уже богатъ какъ языкъ народа осѣдлаго, земледѣльческаго и до нѣкоторой степени промышленнаго, народа съ развитыми понятіями о бытѣ семейномъ и общинномъ, приготовленнаго къ соединенію въ одно цѣлое, народа съ разнообразными понятіями о природѣ и человѣкѣ и съ вѣрованіями, хотя и закрытыми пеленой суевѣрій, но оживленными мыслию о единомъ Богѣ и безсмертіи духа. Внутреннюю силу языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народа, доказываетъ между прочимъ то, что другіе Славяне, жившіе вмѣстѣ съ Русскими, каковы были, кромѣ другихъ, переселенцы Польскіе, роду Ляпскаго, Радимичи и Вятичи, поселясь между Русскими, хотя и сохраняли нѣкоторое время свою независимость, но подъ конецъ должны были отказаться отъ нея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ особенностей своего говора, и, перенявши отъ Русскихъ ихъ языкъ, не передали своего Русскимъ.

Вникая въ подробности строя древняго Русскаго языка, не можемъ не замѣтить въ немъ чертъ, дающихъ ему право на особенное вниманіе филологів.

Между звуками гласными отличались рѣзко широкіе и тонкіе, чистые или полные и глухіе. Защищая мнѣніе, что гласныхъ

глухихъ (ъ и ь) не было никогда въ языкѣ Русскомъ, не было какъ настоящихъ гласныхъ, а не какъ знаковъ, показывающихъ значеніе предъидущихъ согласныхъ, едва ли можно его подтвердить какими-нибудь основательными доказательствами. Доказательства же мнѣнія противнаго представляются не только въ памятникахъ Русскихъ, но и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Они есть и были и въ другихъ языкахъ. Гласные глухіе относятся къ гласнымъ чистымъ, какъ краткіе къ долгимъ. Въ памятникахъ Русскихъ даже позднѣйшаго времени, напр. XIII—XIV вѣка, они стоятъ часто такъ правильно на мѣстахъ своихъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія, что употреблявшіе ихъ понимали особенность ихъ значенія. Въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, напр. въ Болгарскомъ, Сербскомъ, Хорутанскомъ, Словацкомъ, Чешскомъ, они придаютъ особенный характеръ звучности даже и до сихъ поръ. Нельзя никакъ, съ другой стороны, допустить предположенія, что глухіе гласные звуки не были древней, коренной принадлежностью звучности языка всѣхъ Славянъ, а явились уже въ слѣдствіе измѣненія его строя. Такое предположеніе опровергается тѣмъ, что, присматриваясь къ правильности соответствія гласныхъ глухихъ съ гласными чистыми, въ каждомъ изъ нарѣчій Славянскихъ, отдѣльно и во всѣхъ вмѣстѣ, нельзя не видѣть, что въ нихъ не глухіе произошли изъ чистыхъ, а, напротивъ, большею частью чистые изъ глухихъ, и что отъ этого одинъ и тотъ же глухой звукъ измѣнялся, сообразно съ мѣстными требованіями звучности, въ различные чистые; напр. вмѣсто древняго трѣгъ стали говорить торг, тарг, терг, вмѣсто срьпъ—скърп, серп, сарп, вмѣсто длѣгъ—долг, доуг, дуг, длуг, вмѣсто влѣкъ—волк, воук, вуѣ, вильѣ, вмѣсто днь—дѣнь, ден, дан, дѣнь, дѣнь и пр. Не во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ одинаково употребленіе гласныхъ глухихъ по времени уменьшалось: нѣкоторыя нарѣчія, напр. Болгарское и Хорутанское, хотя и выказали до нѣкоторой степени стремленіе замѣнять глухіе чистыми, но, съ другой стороны, еще болѣе выказали стремленіе противоположное замѣнять гласные чистые глухими;

впрочемъ это пристрастіе къ гласнымъ глухимъ нельзя не разсматривать какъ явленіе мѣстное и позднѣйшее, недоказывающее ни мало новости происхожденія глухихъ звуковъ. Можетъ быть, глухіе гласные звуки и не всегда были въ языкѣ Славянскомъ глухими; но это, кажется, трудно доказать фактами Славянскаго языка, а тѣмъ менѣе Русскаго. Сравнивая съ сродными языками, ѣ уравнивается часто съ у и о, а ѣ съ и и е: этимъ ясно доказывается только то, что ѣ и ѣ сохранили правильно свои мѣста—ѣ въ слогахъ твердыхъ, а ѣ въ мягкихъ.—Что касается до гласныхъ носовыхъ (ж и а), то хотя ихъ выговоръ и утратился, вѣроятно, съ самаго начала отдѣленія Русскаго языка отъ другихъ Славянскихъ нарѣчій, но сознаніе ихъ коренного значенія, отличнаго отъ значенія тѣхъ гласныхъ чистыхъ (у и а), звуки которыхъ они приняли, оставалось еще долго: и въ новомъ своемъ видѣ они сохранили свою характеристическую особенность превращаться въ согласные м и н (напр. дуги—дѣму, жати—жѣну).—Къ числу особенностей древней звучности Русскаго языка нельзя не причислить стремленія къ перемѣнѣ коренного е въ о въ началѣ словъ (одинѣ, осетѣръ, олень, Ольга и пр.), и къ перемѣнѣ ѣ и а, послѣ р и л, при соединеніи съ другой согласной, въ два о или два е (берегѣ, серебро, молоко, молоти, ворогѣ, норовѣ, голова, золото и пр.) *). Какъ быстро проникло въ языкъ это стремленіе, рѣшить трудно; можно впрочемъ думать, что, хотя оно и обнаружилось съ рѣшительною силой при началѣ отдѣленія Русскаго языка отъ другихъ нарѣчій, однако не разомъ разошлось по всему составу языка, и потому-то могло не тронуть нѣкоторыхъ корней, оставивши ихъ при прежнемъ, общемъ Славянскомъ ихъ произношеніи (блѣднѣ, плѣсти, плѣшь, слѣпѣ, слѣдѣ, хлѣбѣ, хлѣвѣ, брѣдѣ, брѣсти, грѣхѣ, дрѣмати, крѣпѣхѣ, стрѣла, стрѣмя, трѣпати, трѣбуха, хрѣнѣ, гранѣ, гладѣхѣ, класти, красти, платѣ, плакати, страхѣ, трава, трата, и пр.).—Гласные звуки долгіе и короткіе не смѣ-

*) Ср. Гр. κλαμβός и κολοβός.

шивались одни съ другими, отъбная смыслъ рѣчи тѣ и другіе отъбльно по своему, и долгота гласнаго звука отличалась отъ ударенія, съ которымъ смѣшалась въ послѣдствіи: это можно заключить отчасти по тѣмъ примѣрамъ удвоенія гласныхъ, которые встрѣчаются въ памятникахъ даже позднѣйшаго времени, отчасти по самому нынѣшнему выговору простого народа, въ которомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно строго наблюдается различіе между долготой ударенія и долготой безъ ударенія, всего же болѣе по сравненію Славянскихъ нарѣчій въ ихъ прежнемъ, древнемъ видѣ и въ нынѣшнемъ *).—Звуки согласные, соподчиняясь съ гласными, удерживали правильно свою твердость и столь же правильно смягчались. Древняя переходная смягчаемость (г въ ж и з, к въ ч и ц, х въ ш и с, д въ ж, т въ ч, з въ ж, ц въ ч, с въ ш, и т. д.) не была смѣшываема со смягчаемостью непосредственною (ръ въ рь, лъ въ ль, дъ въ дь, съ въ съ и т. п.); послѣдняя, не замѣняя первой, не распространялась внѣ своихъ коренныхъ предѣловъ: отъ этого г, к, х не могли, при соединеніи съ ы, измѣнять ы въ и, и пр. **).

*) Здѣсь же мѣсто вниманію къ ѣ и ѣ какъ къ гласнымъ краткимъ, противоположнымъ съ долгими.

ѣ=о, ѣ: зѣвати, вѣвъ, привѣвати; нѣрѣти, нѣра, нѣрати; сѣлати солѣ, сѣлати.

ѣ=ы, ѣ, ж: глѣбѣкъ, глѣба, глѣбина; глѣбѣти, глѣбѣти, глѣбити; дѣхѣти, дѣхати, дѣхъ, дѣти; нѣрѣти, нѣрати, нѣрити; рѣдѣти, рѣжѣ, рѣдо.

ѣ=а: влѣна, влати; влѣгѣкъ, влѣга.

ѣ=е, и: б'рати, берѣ, забирати; сѣ, сѣи, сѣи.

ѣ=и, ѣ, а: вѣрѣти, вѣрати, вѣръ; жѣдати, жѣдати; сѣнымъ, имѣ; нѣвѣ, нѣзати; вѣръ, вѣрѣти; глѣбѣти, глѣбѣти; сѣпѣти, сѣпѣти; жѣръ, града.

ѣ=а: жѣрѣти, жарити; мѣзнѣти, мѣзъ: смѣрѣти, смѣра.

**) Соотношеніе между д и жд, т и шт представляетъ въ нарѣчій Русскихъ особенныя обстоятельства:

1) т и д, смягчаясь сами по себѣ, дѣлаются тш и дж (=ж); дж сохранилось въ Южно-Русскомъ; вождѣжъ, дождѣжъ (=жч).

2) т соединяясь съ ж, ц, ч, превращается въ ч: берѣчѣ=берегѣти, сѣчѣ=сѣкѣти (сѣчѣся=сѣкѣтся), (однако дрожѣти).

3) т, сѣд. съ с, превращается въ щ: рошѣ, овошѣ.

Многія изъ условій этой древней правильности теперь уже утрачены, но не всѣ и не вездѣ, болѣе всего въ склоненіи, и эти остатки вмѣстѣ съ данными, представляющимися въ памятникахъ письменности Русской, и въ другихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, достаточно убѣждаютъ, что подвижность согласныхъ звуковъ была въ древнемъ Русскомъ языкѣ столь же сильна, какъ и въ Старославянскомъ, и въ большей части случаевъ одна и та же. Можемъ ли мы проникнуть въ древній выговоръ Русскій? Можемъ—при помощи сравнительнаго изученія народныхъ мѣстныхъ нарѣчій, хотя бы даже и нашего времени, имѣя при этомъ въ виду и другія Славянскія нарѣчія. Возьмемъ одинъ примѣръ, одинъ изъ тѣхъ, которые касаются самыхъ важныхъ чертъ выговора: отдѣленіе слоговъ твердыхъ и мягкихъ теперь всюду смѣшалось. Великорус. е и и требуютъ постоянно смягченія, а въ Малорос. почти постоянно тверды. Такъ, Мр. землѣю=Вр. землѣю=Др. землѣю; Мр. отца=Вр. отца=Др. отца. Мр. днѣвати или днѣвати=Вр. днѣвать=Др. днѣвати; Мр. днѣват'и=Вр. днѣват'и; но ти въ соединеніи съ ж, ч измѣняется въ ч, слѣд. ти мягкій слогъ: слѣд.=Древ. т'и (Поль. сі); Вр. кое-гдѣ на концѣ глагольныхъ окончаній тъ, въ другихъ краяхъ тъ=Мр. тъ=Вр. цъ=Поль. цъ=Древ. тъ (будеть, ходять).

— Подчиняясь условіямъ выраженія оттѣнковъ понятій, корни древняго Русскаго языка и сами по себѣ видоизмѣнялись, и легко принимали многообразныя формы словообразованія и словоизмѣненія.—Такъ, между прочимъ, въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ, въ причастіяхъ и мѣстоименіяхъ строго соблюдались—и законъ наращенія, и законъ опредѣляемости: слова наращаемыя и опредѣленные разнились въ образованіи и въ измѣненіяхъ своихъ отъ ненаращаемыхъ и неопредѣленныхъ. Съ существительными мужескаго и женскаго рода на ы (рѣмы, любы), мужескаго и средняго на а=а (Старослав. а напр. рама, сѣма, тела), средняго на о (напр. тѣло, небо), женскаго на и (мати, дѣчи), принимавшими наращеніе въ косвенныхъ падежахъ, были въ соотвѣтствіи на-

ращаемыя прилагательныя сравнительной степени мужскаго рода (святѣи, болѣ) и причастія (веды=веда, велѣ=Старослав. велѣ), принимавшія наращеніе и въ косвенныхъ падежахъ мужскаго рода, и во всѣхъ падежахъ женскаго и средняго (имен. жен. будучи, велѣчи, ведѣши, имен. средн. будуче, велѣче, ведѣше). Прилагательныя и причастія неопредѣленныя удерживали склоненіе существительное (чистѣ, чиста, чисту, чистомѣ, чистѣ—веды=веда, ведуча, ведучу и пр.), между тѣмъ какъ опредѣленныя имѣли свое особенное (чисти, чистааго=чистого, чистууму=чистомѣ, чистыимѣ=чистымѣ, чистѣемѣ=чистѣмѣ,—веды, ведучааго и пр.), а мѣстоименія свое отдѣльное (тѣ, того, тому, тѣмѣ, томѣ и пр.).—Рѣзко отличались три рода и три числа, и хотя не всѣ три принимали особенныя окончанія для каждаго изъ семи падежей склоненія, но три главные падежа даже въ двойственномъ числѣ были различны.—Въ глаголахъ отдѣлялись правильно три вида, три залога, три наклоненія, три времени, три лица, три числа.—Наклоненіе неопредѣленное не потеряло еще своей неизмѣнности и употреблялось въ двухъ особенныхъ формахъ: прямой и достигательной (на и и на тѣ или ѣ: нести—нести, печи—печь).—Время настоящее простое употреблялось и въ значеніи будущаго, какъ и во всѣхъ Славянскихъ нарѣчійхъ *). Отдѣлялись два прошедшихъ простыхъ: совершенное и преходящее (на хѣ и на ахѣ: велѣхѣ и велѣахѣ); и при томъ время прошедшее совершенное выражалось двумя отдѣльными формами (напр. обрѣхѣ, рѣхѣ—обретохѣ, рекохѣ).—Времена сложные

*) Шафарикъ (Cas. Ces. Mus. 1847. 167 и слѣд.) предположилъ, что была и особенная форма будущаго: измишж (tabescam) — отъ мити, минжти, обрьснж (tondam) — отъ брити, tondere, пласнж (ardebo) — будто бы отъ плати. Впрочемъ примѣровъ найдено мало, и тѣ еще ничего положительно не доказываютъ: обрьснж съ обрьснжти (ср. бри-сати), пласнж съ пласнжти суть глаголы вида совершеннаго, для котораго настоящее есть будущее.

Миклошичъ (Formenlehre 73) прибавляетъ: измишж (tabescam), отъ ми, въскопыснж (calcitrabo) отъ коп, тѣкыснж (tangam) отъ тѣк, бѣгаснж (curgo) отъ бѣг.

были очень разнообразны не только для отъненія понятій за-
лога страдательнаго, но также и для дѣйствительнаго и сред-
няго, особенно для выраженія условности и соотношенія дѣй-
ствій (напр. видѣи ꙗсмь, видѣи бѣхъ, видѣлъ ꙗсмь, ви-
дѣлъ бѣхъ, видѣлъ быхъ, видѣлъ буду, видѣти буду, ви-
дѣти хочу, видѣти имамъ=иму, и пр.) и для безличныхъ формъ
(напр. бѣ видѣти). — Особенными окончаніями отдѣлялись лица:
между прочимъ 3-е лице всегда почти удерживало при себѣ мѣсто-
именное окончаніе т (напр. виѣтъ, виѣта, виють—вить, ви-
ста, виша(ть)—вишеть, виѣста, виѣхуть *)).

— Богатство, разнообразіе и опредѣленность словоизмѣне-
нія отражались въ складѣ рѣчи богатствомъ, разнообразіемъ и
опредѣленностью формъ словосочетанія. Для каждого изъ трехъ
главныхъ сочетаній словъ—прямаго, вопросительнаго и отно-
сительнаго—были свои отдѣльныя условія расположенія словъ.
Многообразію формъ словосочетанія помогали между прочимъ
времена сложные, формы возвратнаго глагола вмѣсто страда-
тельныхъ (напр. слышиться вмѣсто слышимъ ꙗстъ), дательный
самостоятельный причастный (напр. дню бывъшю, гровъ бу-
дучи), винительный причастный (напр. менѣшати ꙗго умръша),
самостоятельное неопредѣленное наклоненіе въ смыслѣ пове-
лительномъ и условномъ (напр. дати ꙗму вмѣсто дай ꙗму, дати
ꙗму не дай, говорити не говори). Особенную опредѣлен-
ность выраженіямъ придавало употребленіе падежей, изъ ко-
торыхъ ни одинъ не требовалъ передъ собою предлога непре-
мѣнно, и между тѣмъ каждый могъ съ нимъ соединяться: по-
нятіе принадлежности выражалось родительнымъ и дательнымъ

*) ть въ 3-мъ лицѣ прош. сов.: Изверже его изъ землѣ Ростовь-
скы, отъиметь отъ него умъ (Лавр. л. 1169 г.). Такъ же читать кажется
надобно: Изъ негоже озера (Ильмера) потечеть Волховъ и вътечеть...
внидеть...

Взяша градъ Кыквъ... а кого дождеть рука, църньца ли църницѣ
ли, попь ли, попадѣ ли, а ты ведоша въ поганыа. Новг. I. л. 1203 г.
Изыма дворяне и посадника оковаша, а товары ихъ кого рука дождеть.
т. ж. 1210 г.

(рабъ господа, кѣнмазъ Кыкву), орудіе—родительнымъ, дательнымъ, творительнымъ (плѣнъ духа, бысть чуду, кльнеться небомъ), время—винительнымъ, творительнымъ, предложнымъ (зимусь, зимою, зимѣ), мѣсто—дательнымъ и предложнымъ (идеть Кыкву,—бысть Кыквѣ) и пр.

Если сравнить древній Русскій языкъ, въ отношеніи къ строю, съ другими Славянскими нарѣчіями въ ихъ древнемъ видѣ, то нельзя не замѣтить, что онъ въ первобытномъ своемъ состояніи ближе всего подходилъ къ нарѣчію Старославянскому и вмѣстѣ съ нимъ всего болѣе сохранялъ черты первообразнаго общаго Славянскаго строя. Онъ даже превосходилъ его до нѣкоторой степени въ этомъ отношеніи: уступалъ ему, а вмѣстѣ съ нимъ Хорутанскому и Польскому, въ отличеніи гласныхъ носовыхъ, но вѣрнѣе сохранялъ непосредственное смягченіе согласныхъ (р, л, с и другихъ), употребленіе мѣстоименнаго окончанія ть для означенія третьяго лица въ спряженіи и т. д.

Почти всѣ выводы о строѣ древняго языка Русскаго не иначе возможны, какъ на основаніи наблюденій надъ памятниками X — XIV вѣка и еще болѣе поздними памятниками, въ которыхъ языкъ представляется уже въ большей или меньшей степени уклонившимся отъ первоначальнаго своего положенія, и которые при томъ отпечатлѣли на себѣ, одни менѣе, другіе болѣе, черты вліянія языка Старославянскаго, а чрезъ него и Греческаго. Не должно забывать при этомъ, что нѣкоторые изъ нихъ писаны людьми не Русскими, даже не Славянами, людьми, которые худо знали по-Русски, худо понимали требованія языка Славянскаго, мало заботились о томъ, какъ бы избѣгать ошибокъ въ своихъ выраженіяхъ. Въ такихъ памятникахъ нельзя пользоваться одинаково всѣмъ, для опредѣленія особенностей языка даже и того времени, когда они писаны, не только времени прежняго и еще болѣе отъ насъ отдаленнаго. Тѣмъ не менѣе странно было бы отвергать возможность ими пользоваться, и всѣ выводы изъ нихъ о древнемъ Русскомъ языкѣ считать сомнительными. Русскихъ памятниковъ X—XIV вѣка,

даже не прилагая къ нимъ болѣе позднихъ, довольно для того, чтобы правильно судить о языкѣ Русскомъ этого времени, отличать въ нихъ элементъ Старославянскій отъ чисто Русскаго, не смѣшивать описокъ вольныхъ и невольныхъ съ тѣмъ, что правильно, и при сличеніи элементовъ, одного съ другимъ, видѣть, что, не смотря на ихъ отличія, было между ними и много общаго, гораздо болѣе общаго, чѣмъ между языкомъ Старославянскимъ и нынѣшнимъ языкомъ Русскимъ. Отдѣливши изъ языка этихъ памятниковъ все то, что не могло принадлежать языку Русскому, и попало въ нихъ или по вліянію Старославянскаго или по ошибкѣ, не трудно будетъ замѣтить, что Русскій языкъ X—XIV вѣка, точно такъ же какъ и другія Славянскія нарѣчія этого времени, былъ въ состояніи переходномъ. Древнее мѣшалось въ немъ съ новымъ; формы древнія и новыя употреблялись безразлично, — новыя формы, какъ выраженіе того направленія, которое языкъ долженъ былъ принять въ послѣдствіи, а древнія, какъ голосъ еще неумершаго прошедшаго. Отличать древнія формы отъ новыхъ также не трудно, если только не опускать изъ виду общаго хода измѣненія языка, понимать ходъ измѣненій другихъ родственныхъ языковъ и нарѣчій, и, не отказываясь отъ сравненій всего, что можетъ и должно быть сравниваемо, помощію методы сравнительной присматриваться въ памятникахъ къ тѣмъ отрывочнымъ остаткамъ древности, которые, какъ ни кажутся незначительны каждый въ отдѣльности, сближенные между собою, почти всегда очень важны для объясненія условій характера древняго языка. Если же только древнія формы языка отличены отъ новыхъ, и поняты общія качества языка, оставшіяся въ немъ, не смотря на всѣ его измѣненія, неизмѣнными, то остается ихъ систематизировать, — и если весь трудъ веденъ съ должной осторожностью, то и общіе выводы наблюдателя о древнемъ языкѣ не могутъ подлежать сомнѣнію. Наблюдатель можетъ, безъ сомнѣнія, надѣлать въ выводахъ ошибокъ своей невнимательностію при разборѣ фактовъ, своимъ незнаніемъ того, что должно знать, слабостію соображенія; но это его

личная вина, которую поправят другіе, а не вина методы, имъ употребленной для рѣшенія вопроса.

Всего болѣе можетъ мѣшать увѣренность, при которой позволяютъ себѣ оставаться многіе, что языкъ Русскій, при переходѣ отъ древняго своего состоянія къ новому, измѣнялся въ словахъ и слогахъ болѣе чѣмъ въ формахъ, и что въ древнихъ памятникахъ нашихъ формы языка, отличныя отъ нынѣшнихъ, чуть ли не всѣ взяты книжниками изъ Старославянскаго, а въ народѣ никогда не были. При такой увѣренности невозможно дойти до уразумѣнія Русскаго языка не только въ его древнѣйшемъ первобытномъ видѣ, но и ни въ одномъ изъ тѣхъ періодовъ, которые пережилъ языкъ Русскій послѣ. Сравнительное изученіе Славянскихъ нарѣчій, подкрѣпленное разумѣніемъ сходства и сродства, въ характеристическихъ чертахъ и въ измѣненіяхъ языковъ Индо-Европейскихъ вообще, одно можетъ побѣдить эту неосновательную увѣренность и помочь глядѣть на прошедшія судьбы Русскаго языка не какъ на призракъ воображенія. Особенно поучительны для Русскаго филолога памятники Чешскіе, Хорватскіе и Сербскіе XIII—XIV в., какъ памятники нарѣчій, до сихъ поръ живущихъ и уже однако во многомъ противъ прежняго измѣнившихся: изъ нихъ ясно видно, что значить смѣшеніе формъ древнихъ и новыхъ и постепенное угасаніе первыхъ. Сравните формы этихъ памятниковъ съ формами памятниковъ позднѣйшихъ,—и увидите, какъ наконецъ многія древнія формы совершенно угасли, и какъ въ слѣдствіе этого языкъ получилъ новый видъ, хотя большая часть словъ и осталась та же, а въ произведеніяхъ переводныхъ, напримѣръ въ книгахъ Св. Писанія, остался тотъ же и слогъ. Такое переходное состояніе было и въ языкѣ Русскомъ, и выразило себя рѣзко, кажется, въ то же время какъ и въ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ—въ XIII—XIV вѣкѣ. Чѣмъ болѣе будутъ изучаемы памятники Русскіе этого времени и прежняго, тѣмъ яснѣе будетъ понятъ языкъ Русскій въ его древнѣйшемъ состояніи.

IV.

Другой вопросъ исторіи Русскаго языка:

— Какъ языкъ Русскій измѣнялся съ тѣхъ поръ, какъ народъ Русскій занялъ свое отдѣльное мѣсто между народами Европы? Какимъ путемъ достигъ своего нынѣшняго положенія подъ вліяніемъ своеобытной дѣятельности духа Русскаго народа и подъ вліяніемъ обстоятельствъ внѣшнихъ?

Желая остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ этого вопроса, позволяю себѣ предварительно сказать нѣсколько словъ объ измѣненіи границъ Русскаго языка и о необходимости разсматривать въ исторіи Русскаго языка отдѣльно языкъ народа и языкъ книжный.

Границы Русскаго языка измѣнялись постепенно. Не тѣ онѣ были въ древности, что нынѣ. Съ одной стороны онѣ раздвигались все далѣе на востокъ; съ другой, отодвинулись отъ запада къ востоку.

Граница пространства, которое занимали Славяне Русскіе издревле, сколько можно судить по соображенію отрывочныхъ данныхъ, на сѣверѣ шла по украинѣ бассейна сѣверныхъ Чудскихъ озеръ, такъ что въ ней были берега Пейпуса и Волхова и озера Ладожскаго; на востокъ — по Твердѣ она спускалась къ Волгѣ, а по Москвѣ рѣкѣ къ Окѣ, потомъ отъ истоковъ Дона внизъ по Дону къ Соснѣ, мимо вершинъ Оскола къ Донцу и по Орѣли къ Днѣпру и степямъ; на югѣ — касаясь этихъ дикихъ полей, тянулась она къ устью Буга, а за Бугомъ по Черноморскому побережью къ устью Дуная; на западѣ — отъ Дуная поднималась она по Серету къ Бескидамъ, перегибалась по южнымъ скатамъ хребта ихъ къ верховьямъ водъ Тисы и по сѣвернымъ скатамъ къ верхнему Дунайцу, далѣе черезъ восточныя верховья водоската Вислы къ среднему Нѣмню и черезъ Вилью и Двину къ озерамъ. Тутъ на сѣверо-западѣ Славяне Русскіе сосѣдили съ народомъ Литовскимъ и съ по-

морскими колоніями корсаровъ Балтійскихъ; на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ съ Чудью; на востокѣ и юго-востокѣ съ народами Турецко-Татарской крови; на югѣ отчасти съ ними же, отчасти съ поселеніями Грековъ и Румуновъ; на западѣ Русскіе примыкали къ соплеменникамъ своимъ, Славянамъ западнымъ. Нельзя сказать, чтобы въ этихъ границахъ все народонаселеніе было исключительно Русское: колоніи чужеродцевъ не только у границъ, но кое-гдѣ и въ серединѣ земель были, можетъ быть, и довольно значительны; равнымъ образомъ были и колоніи западныхъ Славянъ, подобныя поселеніямъ Радимичей и Вятичей, происходившихъ изъ Ляшскаго рода. Тѣмъ не менѣе главная масса была Русская, которой части отличались болѣе мѣстными нравами, обычаями, степенью образованности, чѣмъ строемъ и составомъ языка. Съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы только въ этихъ границахъ и былъ заключенъ весь народъ Русскій: его колоніи издревле выходили изъ этихъ границъ и на востокѣ и на западѣ. Къ такимъ колоніямъ Русскимъ на востокѣ должно, кажется, причислить Славянское народонаселеніе Болгарскаго Поволжья и Черноморья Тмутараканскаго. На западѣ колоніи Русскія были въ земляхъ Литовскихъ и Польскихъ, между Словаками въ горахъ Карпатскихъ, въ Венгріи, Трансильваніи, Валахіи, въ Болгаріи, Фракіи, Македоніи, Албаніи, Элладѣ. Впрочемъ на западѣ не только не удержались эти колоніи, но и пограничныя части народа Русскаго, смѣшиваясь съ народонаселеніемъ не-Русскимъ, отодвигали, въ продолженіе періода удѣловъ, народную границу Русскую на востокъ и на сѣверъ. Сильно было и вліяніе Литовцевъ, Венгровъ, Поляковъ, Румуновъ и вліяніе степныхъ Ордынцевъ. Уже послѣ періода удѣловъ и еще болѣе съ XVI—XVII вѣка границы языка Русскаго на западѣ, преимущественно на юго-западѣ стали опять раздвигаться и наконецъ дошли до береговъ Чернаго моря и Дуная. На сѣверо-востокѣ и юго-востокѣ, хотя нѣкоторыя колоніи и были въ древнее время задавлены наплывомъ чужеродцевъ, но за то позже новыя колоніи промышленниковъ Русскихъ все болѣе увеличивались, все болѣе стѣсняли

жилиа прежнихъ обитателей, распространяли между ними знаніе Русскаго языка, въ замѣнъ ихъ природнаго, достигли морей Бѣлаго и Каспійскаго и хребта Урала, и потомъ перешли въ Азію. Исторія довольно подробно написала на своихъ страницахъ это и дальнѣйшее распространеніе Русскаго языка вмѣстѣ съ ходомъ развитія политическаго могущества Россіи. И кому не извѣстно, какъ то, что дѣлалось прежде безсознательно торговымъ духомъ купцовъ Новгородскихъ и воинскимъ духомъ ватагъ казацкихъ, получило новый характеръ, силу и прочность съ тѣхъ поръ, какъ расселеніемъ Русскихъ и распространеніемъ Русскаго языка на востокъ стало управлять правительство Русское, употребляя Русскій языкъ какъ орудіе просвѣщенія и образованности. Нельзя при этомъ не замѣтить, что не смотря на разнородныя сближенія Русскаго языка съ иноплеменными, въ очень немногихъ пограничныхъ краяхъ образовались тѣ смѣшанные говоры, въ которыхъ оба языка смѣшивающіеся одинаково тратятъ самостоятельность своего строя *). Несравненно болѣе примѣровъ тому, что и Русскіе переселенцы, при сближеніи съ инородцами, и инородцы, сближавшіеся съ Русскими, только обогащали свой природный языкъ словами для выраженія понятій и предметовъ, прежде для нихъ чуждыхъ, и что за этимъ слѣдовало почти постоянно то, что инородцы принимали Русскій языкъ, только примѣняя его къ своему выговору.

Какъ бы то ни было, исторія Русскаго языка, слѣдя за географическимъ измѣненіемъ его пространства, при обзорѣиіи его измѣненій, не можетъ не отдѣлять языка собственно природнаго отъ языка книгъ и людей, образуемыхъ книгами.

Исторія многихъ народовъ запада и востока представляетъ разительные примѣры силы обстоятельствъ, заставлявшихъ вѣру, законъ, науку и искусство чуждаться общенародности выраженій своихъ положеній, узаконять для себя языкъ, совершенно непонятный народу, и книгу, существующую для жизни, оста-

*) Кяхтинское нарѣчіе.

ваться хоть и подлѣ, но внѣ народной жизни. Такъ было на востокѣ Браминскомѣ, Буддѣйскомѣ, Магометанскомѣ; такъ было и на Латинскомѣ западѣ, гдѣ слѣды этого остаются еще и до сихъ поръ. У насъ было не такъ. Русскій народъ, сколько ни испытывалъ волненій въ бытѣ политическомъ, всегда однако твердо удерживалъ свою самобытность, никогда не поддавался насильственному господству другихъ народовъ, никогда не подчинялъ своего языка игу другихъ языковъ, никогда не былъ принужденъ признавать языка, чужого своему смыслу, орудіемъ вѣры, закона и литературы. Въ христіанствѣ православномъ, прежде чѣмъ Русскій народъ сдѣлался его причастникомъ, уже поднять былъ вопросъ о выраженіи его вѣчно-живыхъ истинъ живымъ народнымъ словомъ. Вѣроятно не слишкомъ долго спустя послѣ Готевъ, и Славяне стали пытаться передавать на своемъ языкѣ мѣста изъ книгъ св. Писанія и молитвы. Славяне юго-западные могли начать эти попытки въ VI—VII вѣкахъ, если не ранѣе, Славяне сѣверо-западные и восточные въ IX. О Русскомъ переводчикѣ Евангелія и Псалтыря сохранилось преданіе, какъ о современникѣ первоучителей Славянскихъ, братьевъ Константина и Мееодія, совершившемъ свой подвигъ прежде, чѣмъ начали свой подвигъ для Славянъ эти святые братья; Чешскія глоссы къ Латинскому тексту Евангелія Іоанна также современны Константину и Мееодію. Подобныя попытки Славянъ переводить Слово вѣры на свой языкъ не могли не содѣйствовать водворенію мысли о народности богослуженія, такъ удачно защищенной братьями первоучителями передъ своими Латинскими противниками, — и когда Русскій народъ обратился къ христіанству, онъ нашелъ уже всѣ книги, необходимыя для богослуженія и для поученія въ вѣрѣ, на нарѣчій, отличавшемся отъ его народного нарѣчія очень немногимъ. Книги эти послужили основаніемъ письменности Русской: она пошла по пути, указанному ими, удерживая постоянно въ близкомъ сродствѣ языкъ свой съ языкомъ народа.

Не смотря впрочемъ на то, что многое, по видимому, содѣйствовало постоянной близости книгъ и народа, въ языкѣ

Русскомъ постепенно отдѣлились одинъ отъ другого, какъ два нарѣчія, языкъ книжный и языкъ простонародный. Главная причина этого отдѣленія заключалась въ необходимой неподвижности языка, освященнаго Церковью: какимъ бы измѣненіямъ ни долженъ былъ подвергнуться языкъ народа, языкъ книгъ богослужебныхъ долженъ былъ оставаться тѣмъ же самымъ, чѣмъ былъ сначала; самъ народъ, чѣмъ болѣе крѣпъ въ вѣрѣ и благочестіи, тѣмъ болѣе почиталъ этотъ языкъ, и, сохраняя его особенности, сколько могъ понимать ихъ, нарушалъ ихъ въ пользу своего народнаго только бессознательно. Скорѣе могли быть допущены въ этотъ священный языкъ заимствованія изъ чужихъ языковъ, не нарушавшія важности его, чѣмъ заимствованія изъ языка обыденнаго, болѣе богатаго жизнью, но за то и болѣе связаннаго съ мелочами жизни. Наука, оставаясь подъ покровомъ вѣры, также должна была держаться языка принятаго вѣрой, и по мѣрѣ того какъ нуждалась въ выраженіи своихъ положеній, развивала этотъ языкъ, не заботясь о томъ, что тѣмъ удаляла его все болѣе отъ языка народнаго. А между тѣмъ, въ слѣдствіе связей съ западомъ, вліяніе иноземное на вкусъ и понятія высшихъ классовъ вообще и особенно людей, въ рукахъ которыхъ была письменность, возрастало все болѣе и все сильнѣе отражалось на языкѣ книгъ и образованнаго общества: языкъ этотъ умножалъ свой составъ массами словъ, болѣе чуждыхъ для народа по звукамъ и значенію, чѣмъ самыя понятія, которыя выражаемы были ими; а вслѣдъ за словами принималъ въ себя и обороты, и формы общаго склада рѣчи, столько же чуждыя обычаю народному. — Съ другой стороны языкъ народный самъ подчинялся обстоятельствамъ, удалявшимъ его отъ прежней близости съ языкомъ книгъ. Подчиненный внутреннему закону измѣняемости, онъ шелъ все далѣе по пути измѣненій въ своемъ составѣ и строѣ. Вліяніе тѣхъ народовъ, съ которыми вступалъ онъ въ связи въ разныхъ краяхъ своего странства, отражалось на немъ такъ же сильно и разнообразно, какъ вліяніе чуженародной образованности на языкъ книжный. Причины внутреннія и внѣшнія дробили языкъ народа на мѣстные

говоры и нарѣчія. Такъ съ теченіемъ времени должны были языкъ книгъ и языкъ народа отдѣлиться одинъ отъ другого довольно рѣзкими особенностями,—и только въ слѣдствіе иныхъ благопріятныхъ причинъ могли они опять сблизиться хотя до нѣкоторой степени въ одно цѣлое.—Такимъ образомъ исторія Русскаго языка представляется связью нѣсколькихъ исторій отдѣльныхъ, и двѣ главныя изъ нихъ — исторія языка простонароднаго и исторія языка книжнаго, литературнаго. На ту и на другую филологъ долженъ обращать вниманіе отдѣльно, и такъ какъ жизнь языка въ книгѣ возможна только потому, что есть или была жизнь языка въ народѣ, то исторію народнаго языка онъ долженъ изучать прежде и даже болѣе, чѣмъ исторію языка книжнаго.

V.

Доказывая, что народный языкъ Русскій теперь уже далеко не тотъ, что былъ въ древности, довольно обратить вниманіе на его мѣстные оттѣнки, на нарѣчія и говоры, въ которыхъ его строй и составъ представляются въ такомъ многообразномъ развитіи, какое конечно никто не станетъ предполагать возможнымъ для языка древняго, точно такъ же, какъ никто не станетъ защищать, что и нарѣчія Славянскія и всѣ сродные языки Европы всегда различались одни отъ другихъ на столько, на сколько различаются теперь. Давни, но не исконычны черты, отдѣляющія одно отъ другого нарѣчія сѣверное и южное—Великорусское и Малорусское; не столь уже давни черты, разрознившія на сѣверѣ нарѣчія восточное — собственно Велико-русское и западное — Бѣлорусское, а на югѣ нарѣчія восточное — собственно Малорусское и западное — Русинское, Карпатское; еще новѣе черты отличія говоровъ мѣстныхъ, на которые развилось каждое изъ нарѣчій Русскихъ. Конечно всѣ эти нарѣчія и говоры остаются до сихъ поръ только оттѣнками одного и того же нарѣчія и ни мало не нарушаютъ своимъ несходствомъ единства Русскаго языка и народа. Ихъ несходство вовсе

не такъ велико, какъ можетъ показаться тому, кто не обращалъ вниманія на разнообразіе мѣстныхъ говоровъ въ другихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, напр. въ языкѣ Итальянскомъ, Французскомъ, Англійскомъ, Нѣмецкомъ, въ нарѣчій Хорутанскомъ, Словацкомъ, Сербо-Лужицкомъ, Польскомъ. Очевидно, что хотя мѣстныя обстоятельства и имѣли свое вліяніе на Русскій языкъ, но, сравнительно, вовсе не столь рѣзкое и сильное какъ въ другихъ языкахъ. Все это правда; тѣмъ не менѣе правда и то, что мѣстныя обстоятельства дѣйствовали и на измѣненія Русскаго языка, что не каждое изъ его мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ одинаково сохранило то, что въ немъ было прежде, что всякое нарѣчіе къ тому, что было прежде, прибавило свое новое, что только въ немъ одномъ и есть. У каждаго нарѣчія была своя собственная судьба, болѣе или менѣе отличная отъ судьбы другихъ. Каждое нарѣчіе отличилось отъ другихъ не только особенными словами и выраженіями, но и формами образованія, измѣненія и сочетанія словъ, болѣе всего впрочемъ выговоромъ, и каждый говоръ отъ другихъ близкихъ почти исключительно однимъ выговоромъ.

Нарѣчіе Великорусское отдѣлилось отъ Малорусскаго болѣе всего необходимою смягчаемостью согласныхъ при ихъ сліяніи съ гласными тонкими и неудержаніемъ коренного выговора гласныхъ, неопредѣляемыхъ удареніемъ. Въ слѣдствіе необходимости смягчать согласныя передъ гласными тонкими буквы г, к, х потеряли свое природное свойство оставаться постоянно твердыми: и послѣ нихъ стало невозможно. Въ слѣдствіе неудержанія коренного выговора гласныхъ, на которыхъ нѣтъ силы ударенія, е безъ ударенія выговаривается то какъ а, то какъ и, въ обоихъ случаяхъ удерживая передъ собою согласную мягкую, о безъ ударенія выговаривается во многихъ мѣстахъ какъ а, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже какъ у. Къ этому прибавить еще должно, что переходная смягчаемость согласныхъ при измѣненіи словъ во многихъ случаяхъ и во многихъ мѣстахъ пропала тамъ, гдѣ бы ее можно было ожидать (рѣкѣ вмѣсто рѣцѣ), роги вмѣсто рози, бѣгить вмѣсто бѣжить и т. п.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она появилась тамъ, гдѣ прежде выговоръ народный могъ обойтись и безъ нея: хотя и не на всемъ пространствѣ нарѣчія, однако во многихъ мѣстахъ вмѣсто дъ и ть стали выговаривать дзъ и цъ (говориць вмѣсто говорить, радзѣць вмѣсто радѣть и т. п.). Это «цвяканье», какъ обыкновенно говорится въ народѣ, считаютъ исключительно особенностью говора Бѣлорусскаго, и столь важною, что по одной ей дали говору Бѣлорусскому названіе особеннаго нарѣчія, въ слѣдствіе чего и дѣлятъ народный Русскій языкъ на три главныхъ нарѣчія, а не на два. Но «цвяканье» можно слышать не въ однихъ западныхъ краяхъ Великорусскаго нарѣчія: на востокѣ, по Окѣ и далѣе къ Волгѣ оно также въ обычаѣ, и, придавая собою звучности рѣчи какую-то рѣзкость, отмѣчается народомъ къ нему непривычнымъ, какъ что-то отвратительное или по крайней мѣрѣ смѣшное. Къ этой особенности говора Бѣлорусскаго прибавляютъ въ дополненіе нѣсколько другихъ, какъ напр. перемѣшиваніе у и в, выговоръ г какъ h, и т. п.; но все это можно слышать въ разныхъ мѣстныхъ говорахъ Великорусскихъ. Вообще до сихъ поръ не отмѣчено въ Бѣлорусскомъ говорѣ ни одной такой черты, которая бы не повторилась хотя гдѣ нибудь въ Великой Руси. Вотъ почему, кажется, гораздо правильнѣе Бѣлорусскій говоръ считать мѣстнымъ говоромъ Великорусскаго нарѣчія, а не отдѣльнымъ нарѣчіемъ. Въ Бѣлорусскомъ есть, конечно, много особенныхъ словъ, непонятныхъ каждому Великоруссу; но и всякій другой говоръ богатъ ими.

Нарѣчіе Малорусское отдѣлилось отъ Великорусскаго преимущественно сжатостію выговора согласныхъ твердыхъ и переходомъ разныхъ гласныхъ широкихъ изъ коренного звука въ другой. Въ слѣдствіе сжатости выговора согласныхъ твердыхъ, нѣкоторые изъ нихъ утратили свой полный звукъ: такъ между прочимъ л твердый или переходитъ въ у полугласное (говорку, поуный), или выговаривается какъ западное l. Отъ сжатости же согласныхъ произошла и утрата ы, которое смѣшалось съ и (мило и мыло, лисъ и лысъ выговариваются одинаково).

Что касается до перехода гласныхъ широкихъ изъ коренного звука въ другой, то въ этомъ отношеніи болѣе всего замѣчательна буква о: на востокѣ она переходитъ въ и, смягчающее предыдущую согласную, не только коренную, но и призвучную, а на западѣ чаще въ у, кое-гдѣ не смягчающее и большею частью смягчающее согласную (вмѣсто богъ говорятъ биг, буг, (буиг), бјуг, вмѣсто отъ—вид, вуд, вјуд, вмѣсто овца—вивца, вувца, вјувца и т. п.). Переходъ о въ и повторился еще только въ одномъ нарѣчій Славянскомъ, въ нарѣчій уже исчезнувшемъ Славянъ Эльбскихъ Люнебургскихъ. Въ числѣ важныхъ особенностей Малороссійскаго нарѣчія ставятъ и выговоръ ѣ какъ и; но это повторяется и въ говорахъ Великорусскихъ. Гораздо важнѣе то, что Малоруссы сохранили несравненно болѣе чѣмъ Великоруссы переходную смягчаемость согласныхъ (бережи—береги, на риди—на рѣкѣ, на пороzi—на порогѣ и т. п.), не перемѣнили ы и и на о и е въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этимъ,—хотя и не всегда,—отличили отъ Старославянскаго свой выговоръ Великоруссы (крыти—крыю, крый, а не крою, крой,—мыти—мыю, мый, а не мою, мой,—лити—лій, а не лей,—вити—вій, а не вей,—хромый, а не хромой,—кый, а не кой,—сій, а не сей). Также очень важно сохраненіе нѣкоторыхъ формъ измѣненія словъ, напр. особеннаго окончанія звательнаго падежа (сестронько, козаче, братику), будущаго сложнаго съ помощью глагола иму-имешь (напр. знат-иму, знат-имешь, знат-иметь—буду знать) и т. п. Мѣстные говоры Малорусскіе такъ же разнообразны какъ и Великорусскіе, и болѣе другихъ замѣчательны своими особенностями говоры западные—въ Черниговской губерніи, въ Галиціи и въ Венгріи, преимущественно говоры горцевъ Бескидскихъ. Тамъ, гдѣ сблизилось Малорусское нарѣчіе съ говоромъ Бѣлорусскимъ, образовались особенные смѣшанные говоры; это явленіе повторилось отчасти и на другихъ границахъ Великорусскаго нарѣчія, напр. въ губерніи Воронежской. То же самое нельзя не замѣтить и на западныхъ границахъ нарѣчія Малорусскаго въ Венгріи: тамъ сближеніе Малоруссовъ со Слова-

ками породило нѣсколько говоровъ Словацко-Русскихъ и Русско-Словацкихъ.

Довольно обратить вниманіе на мѣстныя видоизмѣненія Русскаго языка, чтобы указать, что народный Русскій языкъ теперь уже далеко не тотъ, что былъ въ древности, довольно, если бы даже и не было возможности узпаты ни одного факта касательно древняго Русскаго языка. Но однимъ изученіемъ нынѣшняго разнообразія мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ не можетъ ограничиться филологъ, если у него въ виду объяснить исторически ходъ измѣненій Русскаго языка въ народѣ. Вмѣстѣ съ постепеннымъ развитіемъ языка на мѣстныя нарѣчія шло и его общее постепенное удаленіе отъ первоначальнаго его вида на всемъ его пространствѣ. Идя путемъ превращеній, онъ всюду терялъ, хотя и не всюду въ одно и то же время, свои древнія формы и слова, и вмѣсто ветшающихъ принималъ новыя, хотя и не всюду совершенно одиѣ и тѣ же, но всюду сходныя, и въ этомъ ходѣ превращеній зависѣлъ не отъ мѣстныхъ причинъ, подѣ вліяніемъ которыхъ отчасти образовывались нарѣчія, а отъ общихъ законовъ измѣняемости языковъ. На каждомъ изъ нарѣчій отпечатлѣлся общій ходъ измѣненій языка, но только отчасти, и такъ, что многое, что было въ языкѣ прежде, не сохранилось ни въ одномъ изъ нихъ.

Въ измѣненіяхъ своихъ Русскій языкъ шелъ тѣмъ самымъ путемъ, которымъ шли и всѣ остальные Славянскія нарѣчія. Почти все, что было въ немъ прежде, было и въ нихъ; многое, что по времени терялъ и вновь пріобрѣталъ онъ, теряли и вновь пріобрѣтали также и они. Всѣ нарѣчія Славянскія чѣмъ болѣе измѣнялись, тѣмъ болѣе удалялись одни отъ другихъ, и взаимное удаленіе ихъ во многомъ зависѣло отъ разновременности и разнохарактерности ихъ удаленія отъ первоначальнаго вида подѣ вліяніемъ причинъ мѣстныхъ; тѣмъ не менѣе ходъ измѣненій въ его главныхъ чертахъ и условіяхъ былъ одинъ и тотъ же, и только примѣнялся къ обстоятельствамъ мѣстнымъ.

Такъ измѣненія звучности языка представляютъ между прочимъ слѣдующіе факты:

— Измѣнялась постепенно вся система звуковъ гласныхъ:—одни изъ нихъ—именно носовые ж и а, глухіе ъ и ь, широкое ы—постепенно выходили изъ употребленія, прежде ограничивали кругъ своего значенія, потомъ и совершенно пропадали; другіе звуки—именно двугласные и средніе—являлись вновь, все болѣе умножаясь числомъ и расширяя кругъ значенія. Удаленіе гласныхъ звуковъ отъ первоначальнаго своего значенія выразилось переходомъ ихъ однихъ въ другіе, превращеніемъ въ согласные, выпущеніемъ изъ словъ и приставкою къ словамъ, гдѣ ихъ требуетъ не смыслъ, а понятіе народа о гармоніи или нужда облегчить выговоръ слова. Кромѣ всего этого, звуки гласные долгіе тратили свой характеръ, смѣшивались съ ударенными; ударенія тоже теряли свое прежнее значеніе, подчинялись условіямъ вѣшнимъ, независимымъ отъ значенія слова.

Вотъ нѣсколько частныхъ замѣчаній объ этихъ измѣненіяхъ въ системѣ звуковъ гласныхъ:

«Гласные звуки долгіе и короткіе, съ удареніемъ и безъ ударенія слышны во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, но вовсе не съ одинаковымъ значеніемъ. Въ нарѣчіяхъ югозападныхъ, равно и въ Чешскомъ и Словацкомъ долгота отличается отъ ударенія, и гласные долгіе выговариваются вдвое длиннѣе противъ гласныхъ короткихъ; въ одномъ словѣ можетъ быть на одной изъ гласныхъ долгота, а на другой удареніе; въ нѣкоторыхъ словахъ слышны только долгіе звуки, въ другихъ только короткіе; въ нѣкоторыхъ долгота соединена съ удареніемъ на одномъ слогѣ, и всюду, гдѣ употребляется, употребляется какъ необходимость. Въ нарѣчіяхъ Польскомъ, Лужицкомъ, Полабскомъ долгота уже не необходимость, а только украшеніе, совершенно произвольное, такъ сказать риторическое, принадлежащее почти исключительно слогамъ, обозначеннымъ удареніемъ, и зависящее въ употребленіи отъ воли говорящаго, а не отъ требованій звучности языка.—Равнымъ

образомъ и удареніе не во всѣхъ нарѣчіяхъ одинаково сохранило давній свой характеръ. Съ корней ихъ стали переносить въ словахъ на слоги прибавочные, и наконецъ, подчинивши ихъ внѣшнимъ условіямъ образованія словъ, оставили ихъ неподвижно на опредѣленномъ мѣстѣ во всѣхъ словахъ одинаково, вовсе безъ отношенія къ составнымъ частямъ и формамъ образованія словъ. Такъ въ нарѣчіяхъ югозападныхъ большая часть словъ удерживаютъ удареніе на предпоследнемъ или на первомъ слогѣ; въ нарѣчій Польскомъ удареніе на предпоследнемъ слогѣ сдѣлалось необходимою; въ нарѣчій Лужицкомъ слова двусложныя и трехсложныя удерживаютъ удареніе на первомъ слогѣ, а слова, состоящія болѣе чѣмъ изъ трехъ слоговъ—на третьемъ отъ конца; въ Чешскомъ однимъ кажется необходимою обозначать удареніемъ первый слогъ слова, другимъ произносить слова вовсе безъ ударенія.—Въ Русскомъ для ударенія нѣтъ опредѣленнаго мѣста, и дознаться до правилъ употребленія ударенія очень трудно: слоги и первые, и послѣдніе, и средніе, коренные и придаточные, и тѣ, на которыхъ была, и на которыхъ не была въ древности долгота, одинаково могутъ быть обозначаемы удареніемъ. Повидимому много произвола должно было замѣшаться въ употребленіе удареній; тѣмъ не менѣе на всемъ пространствѣ Русскаго языка большая часть словъ произносятся въ отношеніи къ ударенію одинаково. Равно и долгота слоговъ во всемъ Русскомъ народѣ одинаково сдѣлалась принадлежностью риторики народной, независимой отъ строя языка.

«Звуки носовые уцѣлѣли теперь только въ Польскомъ и то уже не во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ бы можно было ихъ ожидать: полный, ясный выговоръ ихъ сталъ зависѣть отъ ихъ положенія въ словѣ, и число словъ, въ которыхъ они перестаютъ быть слышны, все болѣе увеличивается: такъ въ концѣ словъ (sa, ida, gęka, ście, mę), и передъ окончательнымъ i (wziąi, da) они выговариваются глухо, въ иныхъ краяхъ безъ всякаго отбѣнка носового продолженія; такъ нѣкоторые производныя слова отъ корней съ носовымъ звукомъ остаются безъ

него (gusta, pudzić, piekzyc, sobota, trud). Еще въ большей степени нарушено было правильное употребленіе носовыхъ звуковъ въ нарѣчіи Балтійскихъ Славянъ. Въ другихъ нарѣчіяхъ остались они только въ нѣкоторыхъ словахъ: такъ въ Хорутанскомъ въ Каринтіи, въ Болгарскомъ въ Македоніи и т. д. Въ большей части нарѣчій мѣсто носовыхъ заняли чистые или глухой ѣ: въ Сербскомъ у и е, въ Хорутанскомъ о и е, въ Чешскомъ у, а, е, и, въ Болгарскомъ а, у, е, ѣ.—Въ Русскомъ носовыхъ звуковъ не было, кажется, уже при самомъ началѣ его отдѣленія отъ нарѣчій западныхъ: широкій носовой звукъ ж замѣненъ въ немъ посредствомъ у (судъ, рука, беру, воду, водою, т. е. водоју), а тонкій а посредствомъ а, смягчающаго предъидущую согласную (масо=мясо, имѧ=имѧ, летать=летѧтъ), иногда посредствомъ и и е: земѧ=земле=земли, своѧ=своки=своее=своей.

«Смѣшеніе ж и а (у и а) произвело формы въ родѣ слы-
дующихъ: держуть=держать, садють=садѧтъ, стдють=стдѧтъ. Письменный языкъ силится удержать а (я), а общій выговоръ все болѣе настаиваетъ на перемѣнѣ а (я) въ у (ю).

«Звуки глухіе хотя еще и сохраняются, слившись въ одинъ (ѣ), въ Сербскомъ, Чешскомъ, Словацкомъ, но только въ тѣхъ словахъ, гдѣ ихъ выговору помогаютъ р и л, и то не вездѣ съ одинаковою силой. Въ Хорутанскомъ и Болгарскомъ глухой гласный ѣ слышенъ несравненно чаще, и не вездѣ тамъ, гдѣ бы его можно было ожидать, но и на мѣстѣ другихъ гласныхъ звуковъ: Болгарское нарѣчіе замѣняетъ имъ носовые звуки; Хорутанское—все гласные безъ исключенія, доводя это пристрастіе къ глухому звуку въ нѣкоторыхъ краяхъ до такой крайности, что въ иныхъ выраженіяхъ нѣтъ вовсе никакихъ гласныхъ кромѣ глухого ѣ. (Вотъ для примѣра поговорка: Къ съм върв въ върт въргъ, съм съ търдъ търн въ прѣст вдѣрл; пишутъ ее впрочемъ иначе: Ко sim vèrv v' vèrt vèrgel, sim si tèrdi tèrn v' pèrst vdèrl, но нигдѣ и никогда такъ не выговаривая, какъ пишется). Во всѣхъ другихъ нарѣчіяхъ его нѣтъ: въ Хорватскомъ мѣсто его заняли е, у,

въ Лужицкомъ о, е, въ Полабскомъ о, е, а, въ Польскомъ о, е, а, у, и. И въ Чешскомъ вездѣ, гдѣ нѣтъ подлѣ ъ ни р, ни л, онъ выговаривается какъ е или у, въ Словацкомъ какъ о, е, у, а, въ Сербскомъ какъ а. Равно и въ Болгарскомъ мѣсто ъ заступаетъ нерѣдко о, е, а, а въ Хорутанскомъ о, е. Во всѣхъ нарѣчіяхъ, кромѣ этого, есть обычай совершенно опускать глухой гласный звукъ, ничѣмъ его не замѣняя: болѣе другихъ замѣчательно въ этомъ отношеніи нарѣчіе Польское, въ которомъ это опущеніе возможно и тамъ, гдѣ бы, казалось, ему должно было помѣшать стеченіе согласныхъ (bgiwi, bgrzmienie, grzmi, drwa, drzwi, trwoga).—Въ Русскомъ глухіе гласные звуки оставались долго: ихъ употребляли довольно правильно еще и въ XIV вѣкѣ; хотя впрочемъ и въ памятникахъ XIII вѣка и даже болѣе раннихъ есть уже ясныя слѣды уклоненія отъ нихъ выговора народнаго. Въ послѣдствіи времени они совершенно пропали, будучи или замѣнены чистыми гласными о и е, или же совершенно выпавши изъ выговора (листокъ—листка, палка—палокъ, левъ—льва, тьма—темь). Правописаніе удерживаетъ буквы ъ и ѣ, но дало имъ совершенно другой характеръ, характеръ не звуковъ, отдѣльно выговариваемыхъ, а знаковъ, показывающихъ, какъ должна быть произнесена предъидущая согласная, твердо или мягко. Выговариваніе глухого звука ъ въ нѣкоторыхъ словахъ (гмѣ, брѣ, чѣлаекъ вмѣсто человекъ [срав. древнее Ст. Слав. ч'ловѣкъ], гѣтъ вмѣсто говорить) безъ сомнѣнія замѣчательно, какъ остатки старины, но такихъ словъ очень не много. Нельзя также опускать изъ виду, что въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ говорахъ Русскихъ, такъ какъ и въ нарѣчій Хорутанскомъ, обнаруживается стремленіе замѣнять глухимъ звукомъ всѣ гласные, если на нихъ нѣтъ ударенія; впрочемъ это стремленіе не получило еще, кажется, нигдѣ характера постоянного обычая, такъ что одинъ и тотъ же человекъ въ томъ же словѣ произнесетъ и звукъ глухой и гласный чистый.

«Широкое ѣ остается на западѣ въ общенародномъ выговорѣ только въ нарѣчій Польскомъ и отчасти Лужицкомъ. Въ

другихъ западно-Славянскихъ краяхъ его можно слышать только въ немногихъ мѣстныхъ говорахъ—болѣе всего въ долинахъ между горъ, гдѣ народъ упрямѣе удерживаетъ свой старинный бытъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старинный языкъ и выговоръ. Чехи правильно отличали *ы* отъ *и* въ XV и даже въ XVI вѣкѣ; теперь же хотя и удерживаютъ его въ правописаніи, но этому должны учиться такъ же, какъ учимся мы правильному употребленію буквы *ѣ*. Долгое *ы* они выговариваютъ какъ *ей* (бейти, мейлѣти вмѣсто быти, мылѣти); но этимъ однако не отличилось у нихъ *ы* отъ *и*, которое тоже иногда обращается въ двугласное *ей*, напр. *зеима*—*зима*. Сербы правильно употребляли *ы*, не смѣшивая съ *и* въ XIII и XIV вѣкѣ; и теперь еще они стыдятся выбросить его изъ азбуки, но вовсе не понимаютъ его значенія, и пишутъ гдѣ случится, очень часто не впопадъ.—Русскіе равнымъ образомъ уже не всѣ сохранили *ы*: его удержали Великоруссы и отчасти западные Малоруссы въ горахъ Карпатскихъ; но Бѣлоруссы тратятъ все болѣе, а восточные Малоруссы утратили совершенно, выговаривая безразлично *и* и *и*, не смягчающее предъидущей согласной, какъ замѣчено было прежде. Впрочемъ и Великоруссы, сохранивши звукъ *ы* въ выговорѣ, не удержали его вездѣ, гдѣ было оно въ древности: очень издавна, по крайней мѣрѣ съ XIII—XIV вѣка, мѣсто его стало заступать о въ прилагательныхъ муж. р. имен. пад. (великой вмѣсто великій), въ настоящемъ и повелительномъ глаголахъ на *ы-ти* (кры-ти—крою, крой).

«Появленіе двугласныхъ довольно давне: слѣды ихъ есть въ Чешскихъ памятникахъ XIII—XIV вѣка и въ Хорутанскихъ памятникахъ XV вѣка. Теперь двугласные слышны уже во многихъ нарѣчіяхъ: въ Чешскомъ есть *оу*, *ей*, въ Словацкомъ *оу*, *уо*, *ои*, въ Лужицкомъ *ие*, въ Хорутанскомъ *оу*, *оа*, *уо*, *уе*, *ей*, въ Сербскомъ *ије*. Вездѣ они занимаютъ мѣсто гласныхъ чистыхъ и носовыхъ долгихъ. — Въ Великорусскомъ двугласные вообще не обычны (кромѣ такихъ случаевъ какъ *ае* въ словѣ чѣлаекъ), впрочемъ не вездѣ одинаково: въ сѣверныхъ краяхъ слышно *уо* вмѣсто *о*; въ Малорусскомъ на западѣ они уже

стали необходимостью: уи, уа замѣняютъ мѣсто долгаго о (вмѣсто конь говорятъ куннь, куань).

«Гласные средніе, въ лѣствицѣ звуковъ занимающіе середины между гласными чистыми, сдѣлались также необходимо нѣкоторыхъ мѣстныхъ говоровъ въ разныхъ нарѣчіяхъ. Между ними болѣе другихъ замѣтны по употребленію: а, занимающее середину между а и о, слышно въ Хорутанскомъ; ѓ, среднее между о и у—въ Хорутанскомъ, Лужицкомъ, Словацкомъ и Польскомъ; ̑, среднее между а и е—въ Хорватскомъ, Хорутанскомъ; ѓ, среднее между о и е—тамъ же; ̕, среднее между у и и—въ Хорутанскомъ, Словацкомъ; ѓ, среднее между е и и—въ Польскомъ и пр.—Употребленіе этихъ среднихъ звуковъ уже проникло и въ говоры Русскіе: въ Великорусскомъ на югѣ слышны а и ̑, на сѣверѣ ѓ; въ Малорусскомъ а, ѓ; и др.

«Изъ другихъ гласныхъ звуковъ ранѣе прочихъ подверглась удаленію отъ первоначальнаго звука буква ѣ. Переходъ ѣ въ а и въ и замѣтенъ въ древнѣйшихъ памятникахъ Славянскихъ и теперь повторяется во многихъ нарѣчіяхъ: въ и болѣе всего въ Сербскомъ у Римско-Католиковъ и въ Чешскомъ всегда, когда оно должно выговариваться протяженно (бида, вира); въ а болѣе всего въ Польскомъ (biada, wiaga). Кромѣ того въ Сербскомъ оно выговаривается какъ ије (сриједа, мијесто), въ Хорутанскомъ какъ еи (среида, меиство).—Замѣненіе ѣ посредствомъ и обычно и въ Русскомъ во всѣхъ краяхъ (дитя=дѣтя, дира=дѣра); во многихъ краяхъ на сѣверѣ въ Великорусскомъ и вездѣ въ Малорусскомъ оно сдѣлалось необходимою принадлежностью выговора. Замѣненіе ѣ посредствомъ а не такъ часто, однако встрѣчается не только теперь въ говорѣ народа Великорусскаго, но и въ древнихъ памятникахъ.

«Звукъ а перешелъ теперь въ Чешскомъ въ е во всѣхъ случаяхъ, когда соединенъ въ одинъ слогъ съ предъидущею согласною мягкой (душе, праце вмѣсто душа, праца), а иногда даже и безъ этого условія (напр. теинѣ вмѣсто тайный, ней вмѣсто

най и т. п.). То же повторилось и въ западномъ Малорусскомъ (конк, рѣб вмѣсто коня, рабъ).

Звукъ е довольно часто замѣняется въ Лужицкомъ посредствомъ а (вѣцор вмѣсто вечеръ, ѡденъ вмѣсто єдинъ), въ Лужицкомъ и Чешскомъ посредствомъ долгаго и (хвалені' вмѣсто хваленіе), въ Польскомъ посредствомъ о (wiedę, biogę вмѣсто ведж, берж).—Всѣ эти три формы удаленія е отъ коренного звука повторились и въ Русскомъ. Мѣсто е заступаетъ а или и съ предъидущей согласной мягкой не только въ Великорусскомъ восточномъ и западномъ (Бѣлорусскомъ), если на немъ нѣтъ ударенія, (вѣликъ, лѣгкѣ, нѣсу вмѣсто великъ, легко, несѣ; хочишь, будишь, мѣниа, вмѣсто хочешь, будешь, мѣни), но отчасти и въ Малорусскомъ (шчѣстѣ, здоровѣа, вмѣсто счастье, здорѣвье,—вечир, сѣмъ вмѣсто вечеръ, сѣмъ). Мѣсто е въ Великорусскомъ, хотя и не во всѣхъ говорахъ, заступаетъ о почти всегда, когда на немъ должно опираться удареніе слова (ѡюн, ѡдѡт, вѣчор, самѣсѡмъ вмѣсто лѣнѣ=лѣнѣ, идѣтъ, вѣчеръ, самѣ-сѣмъ), а иногда и безъ этого условія. Этотъ послѣдній случай повторяется чаще въ Малорусскомъ (ѡго, ѡму, чѡго, чѡму, ѡго, ѡму, вмѣсто чего, чему).

Есть случаи перехода и въ е въ Болгарскомъ (прѣрода, стѡтена вмѣсто природа, стѡтина), въ еј въ Чешскомъ (зѣјма, сѣјто вмѣсто зима, сѣто).—Несравненно послѣдовательнѣе, какъ важная особенность нарѣчія Великорусскаго, представляется переходъ и въ е въ нарѣчіи Великорусскомъ, будучи необходимымъ въ именительномъ падежѣ существительныхъ и прилагательныхъ мужескаго рода, и въ повелительномъ глаголъ, если вслѣдъ за и будетъ ѣ (сѡловѣй, сѣй, чѣй, нижней, вмѣсто сѡловіѣй, сѣй, чѣй, нижній,—вѣй, вѣйте вмѣсто вѣй, вѣйте, какъ удержалось всюду въ нарѣчіи Малорусскомъ). Въ Великорусскомъ остатокъ и вмѣсто е виденъ въ глаголѣ гнѣть: повел. гнѣйте, а не гнѣйте, какъ пейте, лейте, вѣйте. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совершенно пропало: въ существительныхъ женскаго и средняго рода, въ неопредѣленномъ наклоненіи, во 2-мъ лицѣ

настоящаго времени (напр. мать, дочь вмѣсто мати, дѣчи, веселье вмѣсто веселиѣ, быть вмѣсто быти, ходишь вмѣсто ходиши), хотя и не до такой степени, какъ кажется: народъ не только въ Малороссіи, но и въ очень многихъ краяхъ Велико-россіи удерживаетъ и въ неопредѣленномъ наклоненіи (быти, ходити), равно и въ словѣ мати и т. п.

«Звукъ у перешелъ въ Чешскомъ послѣ всякой согласной мягкой въ и (итро, либ, чити вмѣсто иутро, луб, чѣути), въ Хорутанскомъ на сѣверовостокѣ въ ѳ (—французское и, напр. крѳг, глѳп вмѣсто кругъ, глупѣ). Всякое долгое у превратилось въ Чешскомъ въ двугласное оу (лоуѳч, оудоли' вмѣсто лучъ, удолиѣ). Передъ согласными во многихъ нарѣчіяхъ у стало выговариваться какъ в (вже вмѣсто уже) — Въ Русскомъ повторяется то же (завтра вмѣсто заутра, вже вмѣсто уже и т. п.).

«Звукъ о переходитъ въ а въ Хорутанскомъ (аче, панижѣн, вмѣсто отъче, понижѣнѣ). Въ Чешскомъ, Польскомъ, Луницкомъ всякое долгое о перешло въ у (кура, двур, буг вмѣсто кора, дворѣ, богѣ); то же замѣтно и въ Хорутанскомъ Нижне-краинскомъ (нуч, сирута вмѣсто ночь, сирота), въ Болгарскомъ (голему чуду вмѣсто големо чудо). Въ Полабскомъ вмѣсто долгаго о употребляется и (нис, сливи вмѣсто носѣ, слово). Въ Хорутанскомъ долгое о перешло кое-гдѣ въ уо, такъ же какъ и въ Словацкомъ (буог, двур, куора) или въ оа (боаг, двоар, коара), а въ Польскомъ Кашубскомъ въ уе (буег, нуеч).— Почти всѣ эти формы замѣненія коренного о другими звуками повторились и въ Русскомъ языкѣ. Такъ въ южномъ Велико-русскомъ и въ Бѣлорусскомъ о безъ ударенія перешло въ а (га́лава, ха́рашо); въ Малорусскомъ западномъ, за Карпатами, о долгое перешло въ у (буг, рудный, вмѣсто богѣ, родный: ср. Велико-русское черемуха вмѣсто чере́моха=черемха, муравей вмѣсто моровой); въ Малорусскомъ восточномъ и въ нѣкоторыхъ краяхъ западнаго о долгое перешло въ и, смягчающее предъидущую согласную (биг, пид, рид, кинь вмѣсто богѣ, подѣ, родѣ, конѣ), а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ ѳи и въ ѳо (буѳиг=буѳаг, куѳинь=куѳанѣ).

— Въ системѣ звуковъ согласныхъ происходили подобныя превращенія: одни изъ согласныхъ пропадали, другіе вновь появлялись, пропадали болѣе согласные простые, появлялись вновь согласные сложные и средніе; терялось равновѣсіе между согласными твердыми и мягкими; въ употребленіи согласныхъ мягкихъ смѣшивались взаимно двѣ различныя формы смягченія—смягченіе непосредственное (дъ въ дь) и посредственное (дъ въ ждъ=ж=з); нѣкоторые изъ согласныхъ (в, н, л, ј, г), стали употребляться какъ евфоническія придыханія къ гласнымъ все чаще. Вотъ нѣсколько подробностей объ этихъ измѣненіяхъ въ системѣ согласныхъ:

«Согласныхъ простыхъ—г (g), г' (h), к, х, ж, ш, з, с, д, т, р, л, н, м, б, п, в, ф — ни одно изъ нарѣчій Славянскихъ не удержало всѣхъ сполна, такъ какъ это должно было быть прежде. Звукъ ф, хотя и слышится во многихъ нарѣчіяхъ, но ни въ одномъ его нѣтъ въ коренныхъ словахъ: вмѣсто его видимъ в, б, ѡ (сравните: *fergeo*—вру, *fabo*—бобъ, *fo-dio*—боду, *ferio*—перу, *flamme*—пламя, *faust*—пестъ и пр.). Случайное удержаніе ф въ очень немногихъ корняхъ (напр. Польское *ufać*) есть исключеніе. Звукъ ф слышится только какъ отзвукъ звука в тамъ, гдѣ в не можетъ быть произнесено (напр. всяк по неволѣ выговаривается какъ фсяк, ровъ какъ роф, лавка какъ лафка). Ни въ одномъ нарѣчии не удержалось правильного различенія г (g) и г' (h); напротивъ того въ однихъ нарѣчіяхъ, какъ въ Польскомъ, нижнемъ Лужицкомъ, во всѣхъ югозападныхъ господствуетъ г (g), а въ другихъ, какъ въ Чешскомъ, Словацкомъ, верхнемъ Лужицкомъ—г' (h). Во многихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ совершенно пропалъ чистый твердый звукъ лъ и чистый мягкій лъ.—Въ Русскомъ слышится г и г', но въ немногихъ говорахъ одно при другомъ, а большею частію преобладаетъ одно изъ двухъ: въ большей части говоровъ Великорусскихъ г, въ Малорусскомъ нарѣчии г'. Исторію этой пары звуковъ въ Русскомъ языкѣ прослѣдить очень трудно, потому что азбука никогда не отличала ихъ. Что касается до западныхъ Славянскихъ нарѣчій, то болѣе другихъ замѣча-

тельные факты представляются въ нарѣчіяхъ верхнемъ Лу-
жицкомъ и Чешскомъ: въ первомъ господствуетъ теперь г',
между тѣмъ въ собственныхъ именахъ мѣстностей сосѣдніе
Нѣмцы издавна писали и теперь выговариваютъ г; во второмъ
г теперь остается въ немногихъ словахъ, а древнѣйшіе памят-
ники (Судъ Любуши и Евангеліе Іоанна IX—X вѣка) не
представляютъ ни одного h, но постоянно g. Изъ этого можно
бы заключить, что г древнѣе чѣмъ г'; но едва ли такое заклю-
ченіе совершенно справедливо. Мнѣ кажется, справедливѣе
думать, что оба звука для Славянскаго языка одинаково древни
такъ же, какъ одинаково древни два подобныхъ звука—к и х.

«Звуки сложные (дж, дз, жд — ждж, —тш=ч, тс=ц,
шт—штш=щ) не всѣ одинаково употребляются во всѣхъ на-
рѣчіяхъ. Общи всѣмъ нарѣчіямъ только три: ч, ц, щ (послед-
ній различно выговаривается, гдѣ какъ шт, а гдѣ какъ шч).
Замѣчательно, что всѣ три принадлежатъ къ разряду отзвуч-
ныхъ. Три другіе—звучные—слышны только въ нѣкоторыхъ
нарѣчіяхъ (дз преимущественно въ Польскомъ, жд — въ Бол-
гарскомъ). И между тѣмъ, предположивши, что одинаково древни
г и г', какъ к и х, надобно предположить, что дж и ж, дз
и з такъ же древни, какъ тш=ч и ш, тс=ц и с; потому
что въ лѣствицѣ звуковъ дж и дз относится къ г (g), а ж и
з къ г' (h) такъ же, какъ тш=ч и тс=ц къ к, а ш и с
къ х; равнымъ образомъ и жд—ждж на столько же должно пред-
положить рядомъ съ д и съ зг, какъ шт—штш=щ рядомъ
съ т и съ се. Не смотря однако на древность этихъ слож-
ныхъ звуковъ, большая часть случаевъ ихъ употребленія въ
нарѣчіяхъ не должна быть отнесена къ древнѣйшему времени
(таковы между прочимъ Польскіе дз и тс=ц, Сербскіе и Сер-
болужицкіе джь и чь, употребляемые вмѣсто мягкихъ дь, ть
и т. п.). Кромѣ этихъ сложныхъ, издавна бывшихъ, появи-
лись вновь прежде не бывшіе сложные звуки. Между ними
особеннаго вниманія достойно шепелявое ѣ, состоящее изъ
соединенія р съ ж или съ ш: въ Чешскомъ и Польскомъ оно
сдѣлалось необходимымъ, какъ единственная форма смягченія

твердаго р; въ Лужицкомъ оно принадлежитъ также къ числу звуковъ очень обычныхъ. Что звукъ *ř* не древній—это очевидно доказывается въ Лужицкомъ Нѣмецкомъ выговоромъ чистаго р въ тѣхъ мѣстныхъ названіяхъ, гдѣ Лужицкій выговоръ требуетъ *ř* вмѣсто р; въ Чешскомъ—древнѣйшими памятниками (IX—X вѣка), въ которыхъ употребленъ одинъ чистый р, а для показанія его смягченія написано послѣ него *i*; въ Польскомъ—народнымъ обычаемъ выговаривать при произношеніи напр. Русскихъ словъ, вмѣсто *ry* всегда или твердое р или *ř*. Къ числу согласныхъ сложныхъ должно отнести и тѣ согласные, которые соединяются съ *j*, *l*, и вмѣсто того, чтобы непосредственно смягчиться. Соединеніе губныхъ согласныхъ съ *l* во всѣхъ югозападныхъ нарѣчіяхъ (напр. земля, капля, вѣплъ, погублати, ловленъ). Вмѣсто *l* употребляется для такого же смягченія предыдущихъ согласныхъ и звукъ *j* почти во всѣхъ нарѣчіяхъ. Не столь распространены сложные звуки: *kx*, употребляемый въ верхнемъ Лужицкомъ вмѣсто чистаго *k*, *tx* (что то въ родѣ *e*), употребляемый въ среднемъ Лужицкомъ вмѣсто мягкаго *t* и т. д.; не стоитъ доказывать, что это—явленіе послѣдующее.—Въ Русскомъ языкѣ, какъ и въ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, съ теченіемъ времени появились звуки сложные. Особенно замѣтны соединенія согласныхъ чистыхъ съ *j*, *l* и *n* для выраженія ихъ смягченія. Смягченіе согласныхъ посредствомъ послѣдующей *l* есть такая же принадлежность Русскаго языка, какъ и нѣкоторыхъ нарѣчій югозападныхъ: земля вмѣсто земя, каплетъ вмѣсто капеть, люблю вмѣсто люблю и т. п. Въ Малорусскомъ говорится и здоровья вмѣсто здоровье. Въ такомъ же смыслѣ употребляется *n* въ нарѣчій Малорусскомъ (напр. мясо вмѣсто мясо), а *j* и въ Малорусскомъ, и во многихъ говорахъ Великорусскихъ (напр. вѣяну вмѣсто вѣяну).—Звуки согласные сложные вообще нельзя не сравнивать въ историческомъ отношеніи съ звуками гласными сложными, т. е. двугласными: тѣ и другіе, отсутствуя въ первобытномъ періодѣ развитія языка, сдѣлались его необходимою при-

надлежностью уже въ послѣдствіи времени, когда въ языкѣ стала превращаться древняя система звучности.

«Къ числу послѣдующихъ явленій звучности языка надобно отнести, подобно гласнымъ среднимъ, и согласные средніе. Въ западныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ такихъ согласныхъ среднихъ есть уже довольно много, хотя и нѣтъ знаковъ для ихъ выраженія ни въ одной изъ азбукъ Славянскихъ. Между ними всѣхъ замѣтнѣе звукъ средній l, ясно выражающійся буквой Латинской: теряя способность смягчать и удерживать твердость звука l (т. е. отличать lъ отъ llъ), многія изъ нарѣчій стали вмѣсто lъ и llъ употреблять одинъ l. Такъ Чешское нарѣчіе удержало теперь только его, и уже Гусъ жаловался на пренебреженіе Чеховъ къ правильному отличенію lъ отъ llъ и на употребленіе l вмѣсто того и другого. Другія западныя нарѣчія Славянскія, за исключеніемъ Польскаго и нѣкоторыхъ говоровъ Словацкихъ, тоже включили въ свою систему звуковъ этотъ l, употребляя его вмѣсто твердаго lъ. — Въ Русскомъ языкѣ вездѣ еще слышны lъ и llъ, но слышно уже и l: въ Малорусскомъ съ е, съ и можетъ соединиться только средній l. Такимъ же образомъ е, и измѣнили передъ собою въ Малорусскомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, выговоръ н, м, б, п и пр., сдѣлавши ихъ изъ твердыхъ средними.

«Какъ гласные звуки издревле въ языкѣ Славянскомъ раздѣлялись на долгіе и короткіе, такъ согласные—на твердые и мягкіе; — и въ самыхъ древнихъ памятникахъ Славянскихъ можно отличить два рода смягченія согласныхъ: одно посредственное, переходное смягченіе, предполагавшее необходимость перехода звука въ другой (напр. г въ ж, к въ ч и т. п.), другое—непосредственное (лъ въ llъ, нъ въ nnъ и т. п.). Первый родъ смягченія, кажется, древнѣе; по крайней мѣрѣ его необходимость проникла въ строй и составъ каждого изъ нарѣчій Славянскихъ; впрочемъ издревле существовалъ и второй. Для каждого рода смягченія было свое особенное мѣсто въ языкѣ: согласные гортанные подчинялись исключительно смяг-

ченію посредственному, переходя въ соотвѣтственные шипящіе и свистящіе (г въ ж, з; х въ ш, с; к въ ч, ц); согласные губные, зубные и язычные подлежали преимущественно смягченію непосредственному, до тѣхъ поръ пока не потеряли силы смягчаться и не стали нуждаться въ помощи лъ или ј, или же въ помощи звука шипящаго для соединенія съ гласными, требовавшими передъ собою согласныхъ мягкихъ. Той и другой смягчаемости согласныхъ не потеряло вполнѣ ни одно изъ нарѣчій Славянскихъ; особенно хранилась смягчаемость переходная, оставшись всюду необходимою принадлежностью видоизмѣненія корней и образованія словъ, а во многихъ нарѣчіяхъ и измѣненія словъ; но прежняя правильность употребленія согласныхъ мягкихъ все болѣе тратилась: оба рода смягченія взаимно мѣшались, и смягчаемость непосредственная постепенно исчезала. Такъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ нарѣчія Старославянскаго замѣтны слѣды пренебреженія къ сохраненію мягкихъ з, с, ц, р (кѣназа и кѣназмъ, вьсакъ и вьсакъ, царя и цара, отьцю и отьцѹ и т. д.). Въ нынѣшнихъ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ утраты смягчаемости согласныхъ несравненно болѣе чувствительны: такъ въ Польскомъ нѣтъ жъ, шъ, зъ, ть, рь; въ Чешскомъ изъ согласныхъ чистыхъ остались при смягченіи непосредственномъ только дъ, ть, нь, ј; въ Сербскомъ—только нь, лъ, ј и пр. Лужицкое нарѣчіе болѣе другихъ сохранило смягчаемость согласныхъ, но и въ немъ далеко не всегда она слышна тамъ, гдѣ бы ее должно было ожидать. — Языкъ Русскій въ этомъ отношеніи также потерялъ многое. Въ говорахъ Великорусскихъ все чувствительнѣе становится пренебреженіе и къ переходному смягченію согласныхъ (на рѣкѣ вмѣсто на рѣдѣ, лягемъ вмѣсто ляжемъ и т. п.) и къ смягченію непереходному (лицо, лица, лицу, лицомъ вмѣсто лице, лица, лицу, лицомъ, боюса вмѣсто боюся, купецъ, отецъ вмѣсто купецъ, отьць, хочеть вмѣсто хочеть и т. п.): случаи этого пренебреженія мягкихъ встрѣчаются и въ древнихъ памятникахъ,

по въ сравненіи съ нынѣшнимъ состояніемъ языка несравненно рѣже *).

«Употребленіе придыханій тамъ, гдѣ они не требовались обще-Славянскими условіями звучности словъ, съ теченіемъ времени все увеличивалось. Нарѣчія Славянскія въ этомъ отношеніи хотя и пользовались однимъ и тѣмъ же числомъ согласныхъ, именно пятью—j, l, n, v, g'; но каждое по своему. Только j и n удержались вездѣ въ тѣхъ границахъ, какъ было и въ древности (напр. jego, jemu, — nego, nemu и т. п.). Вмѣсто j употребляется l въ говорахъ Польскихъ и Словацкихъ (напр. ledva = ledvѣ вмѣсто edva). Что касается до g' и v, то они употребительны преимущественно передъ o (g'остры = востры вмѣсто остри). Придыханіе в употребительно впрочемъ и передъ другими гласными: такъ въ Польскомъ всякое слово, начинающееся кореннымъ носовымъ звукомъ, требуетъ передъ нимъ придыханія (węgiel, wątroba). Придыханія господствуютъ издавна и въ Русскомъ языкѣ, попадаясь впрочемъ въ древнихъ памятникахъ гораздо рѣже чѣмъ въ позднѣйшихъ, и теперь гораздо чаще чѣмъ прежде (юдоля, союзъ, юха вмѣсто удоля, съузъ = сънузъ, уха, — Вольга, вонъ, вотчина, воспа, восемь, вмѣсто Ольга, онъ, отчина, осьпа, осьмъ, — кѣвга, Параскевѣга, гето, генварь вмѣсто Евва, Параскевиѣга, ето, январь, и пр.). Между говорами Русскими есть въ этомъ отношеніи и довольно чувствительная разница (напр. онъ = вопъ = вінъ = јонъ = г'онъ).

«Изъ представленныхъ примѣровъ уже довольно ясно, что согласные переходили одни въ другіе по времени все болѣе. Согласные равнымъ образомъ переходили и въ гласные. Важнѣе другихъ случаевъ — переходъ твердаго lъ въ гласные y, o, a, и въ согласное v. Въ древнихъ памятникахъ Славянскихъ такого перехода не замѣчено; въ памятникахъ XIII—XIV вѣка

*) Нельзя опустить изъ виду и смягченій новаго времени: въ Великорусскомъ и Польскомъ всякая согласная смягчается передъ e и и; это есть и въ Хорутанскомъ (Каринт.): шитро вмѣсто хитро.

попадаютъ примѣры этого, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ довольно часто. Теперь почти каждое изъ нарѣчій Славянскихъ представляется съ особенными условіями такого перехода. Ученое правописаніе большею частію не признаетъ надобности и въ этомъ случаѣ, какъ въ другихъ подобныхъ, отличать требованій выговора народнаго; но требованія народнаго выговора отъ этого не слабѣютъ. Особенно рѣзко отличаются силою такихъ требованій выговора нарѣчія Сербское, Хорутанское, Словацкое и Польское: во всѣхъ четырехъ, въ большей части говоровъ, каждое лъ, оканчивающее слогъ, выговаривается какъ одинъ изъ означенныхъ переходныхъ звуковъ (напр. ходио = ходив = ходиу = ходиа вмѣсто ходилъ, котао = кота = коату = коту = коцѳов вмѣсто котылъ и т. д.); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно на сѣверѣ, даже и при соединеніи съ гласною въ одинъ слогъ, твердое л выговаривается какъ у или в (напр. шов, шва, шво вмѣсто шълъ, шѳла, шѳло). — Въ Русскомъ языкѣ повторяется то же самое на югѣ и на западѣ въ Малорусскомъ нарѣчій, во многихъ говорахъ Бѣлорусскихъ и въ нѣкоторыхъ Великорусскихъ: твердый лъ, оканчивая слогъ, выговаривается какъ в или почти какъ у — пока еще не всегда, а только въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ (преимущественно въ прошедшихъ причастіяхъ на лъ), но съ очевиднымъ стремленіемъ измѣнять все болѣе свой первобытный звукъ.

— Формы словообразованія и словоизмѣненія тратили постепенно свой видъ, значеніе и употребленіе. Видъ этихъ формъ измѣнялся отъ произношенія, въ однихъ случаяхъ сокращался, въ другихъ растягивался. Значеніе формъ измѣнялось такъ, что слова, уже опредѣленные какою нибудь формою, для того чтобы сохранить свою прежнюю опредѣленность, принимали къ прежней формѣ еще другую: слова опредѣленные безъ члена стали требовать члена; падежъ, ясно выражавшій свое значеніе безъ предлога, сталъ требовать предлога и т. п. Употребленіе нѣкоторыхъ формъ все болѣе тратилось: вездѣ утрачивались постепенно прилагательныя опре-

дѣлennыя, неокончателъное достигагельное, нѣкоторыя изъ падежей, во многихъ нарѣчіяхъ простыя прошедшія, двойственное число; мѣсто причастій стали заступать вновь явившіяся дѣе-причастія и т. д. Позволяю себѣ остановиться на нѣкоторыхъ изъ подробностей измѣненій западныхъ нарѣчій Славянскихъ и языка Русскаго въ отношеніи къ значенію и употребленію формъ словообразованія и словозмѣненія.

«Древній обычай отличать въ наращаемыхъ *) именахъ существительныхъ и прилагательныхъ и въ причастіяхъ именительный падежъ единственнаго числа отъ падежей косвенныхъ одинаково слабѣлъ съ теченіемъ времени во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ. Это удаленіе словъ отъ древней первобытной формы пошло двумя путями; или забываема была совершенно идея наращенія, и слово измѣняться стало въ косвенныхъ падежахъ какъ будто не наращаемое, или же и падежъ именительный получалъ форму наращенную. Случаевъ послѣдняго рода гораздо болѣе, но есть и первые: такъ среднія имена на о (тѣло, небо) въ большей части Славянскихъ нарѣчій потеряли наращаемость по крайней мѣрѣ въ единственномъ числѣ; въ нарѣчіяхъ югозападныхъ удержалась она только для множественнаго числа и то не безъ исключеній, и только въ Хорутанскомъ да кое-гдѣ въ Хорватскомъ не совсѣмъ забыта въ числѣ единственномъ (око род. ока и очеса и т. д.). Нарашеніе принято и для именительнаго падежа вездѣ для именъ мужескаго и женскаго рода на ѣ (камень=камен, црква=церква: цркев=церкев и т. д.): въ Хорутанскомъ удержало всюду форму не наращенную только кры (въ род. крѣви). Слово мать=мати удержалось вездѣ въ именительномъ также безъ наращенія, а дочь только въ нарѣчіяхъ югозападныхъ, и то не безъ исключеній, въ сѣверозападныхъ же нарѣчіяхъ приняло р (дцера, цера = цора = цурка и пр.).

*) Оставляю терминъ, къ которому всѣ привыкли, хотя онъ и не выражаетъ идеи, какъ не выражаютъ подлинной идеи и многіе другіе терминъ.

Имена среднего рода съ наращеніемъ н и т удержались въ именительномъ падежѣ безъ наращенія въ большей части нарѣчій, впрочемъ въ Чешскомъ и Словацкомъ наращеніе н господствуетъ уже въ народѣ, все болѣе уничтожая изъ обычая именительный безъ наращенія (рамено, племено, имено). Прилагательныя сравнительной степени вездѣ потеряли возможность являться въ томъ видѣ, въ которомъ видимъ мы ихъ въ древнихъ памятникахъ: въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, особенно въ Сербскомъ, образовались они, безъ помощи наращенія, на н' со смягченіемъ предыдущей согласной (манѣи', болѣи', дужѣи', тврѣдѣи'), или сдѣлались неизмѣнными нарѣчіями (болѣе манѣи и т. п.), а во всѣхъ другихъ приняли и для именительнаго падежа наращеніе ш (худши'—худѣиши', бѣлѣиши'—бѣлѣиши'). То же самое превращеніе испытали и причастія прошедшаго времени, принимавшія наращеніе ш: они или превратились въ неизмѣняемыя дѣепричастія (знав=знавши), или, принявши опредѣленное окончаніе для каждаго изъ родовъ, сдѣлались по формѣ обыкновенными прилагательными. Замѣчательное уклоненіе отъ этого представляется въ Чешскомъ нарѣчій: сдѣлавшись дѣепричастіями, они однако сохранили возможность принимать на себя знакъ числа (един. знав=знавши, множ. знавше). Въ такомъ же положеніи находятся теперь и причастія настоящаго времени, принимавшія наращеніе ш: въ сѣверозападныхъ нарѣчіяхъ, принимая окончаніе рода, съ наращеніемъ въ именительномъ падежѣ, они сдѣлались по формѣ обыкновенными прилагательными (напр. въ Польскомъ: ріја́су, знаја́су, въ Лужицкомъ: ріјасу, знајасу, въ Чешскомъ: ріјісі, знајісі), или, не принимая знака рода, превратились въ дѣепричастія (Польск. знаја́с, Луж. знајо), отличая только въ Чешскомъ нарѣчій единственное число отъ множественнаго (един. буда, budouc, множ. budouce); а въ нарѣчіяхъ югозападныхъ совершенно потеряли измѣняемость (напр. Хорут. delaје, delaјо, delaјос, Серб. играју́чи).—Въ Русскомъ языкѣ законъ наращаемости именъ и причастій долго былъ въ силѣ; нѣтъ сомнѣнія, что не только въ XIV вѣкѣ, но и позже

былъ онъ въ памяти народа; но потомъ все болѣе былъ забываемъ, и теперь представляетъ въ говорахъ народныхъ только бѣдные остатки. Во многихъ именахъ наращеніе срослось съ именительнымъ падежемъ (какъ напр. колесо, веретено, колѣно, мать, дочь, церковь = церква, любовь, ремень и т. п.); во многихъ другихъ оно пропало совершенно (напр. небо, слово, ухо, дерево); въ нѣкоторыхъ только — именно среднего рода, наращаемыхъ посредствомъ т и н, когдѣ удерживается въ косвенныхъ падежахъ, но и то уже все болѣе колеблется (говорится стремя и стремянь, вымя и вымень, темя и темень, дитятю и дитею и т. п. Имена прилагательныя сравнительной степени или обратились въ нарѣчія, или, получивши характеръ степени превосходной, приняли наращеніе и для именительнаго мужескаго (низшій, высшій, большій, — ниже, выше, болѣе и т. п.). Причастія дѣйствительныя настоящія равнымъ образомъ сдѣлались или неизмѣнными дѣепричастіями, или прилагательными, въ первомъ случаѣ безъ необходимости принимать наращеніе (ведя, ведучи, плывучій мостъ, толкучій рынокъ, живучій червякъ, трескучій морозъ, падучая болѣзнь, сыпучій песокъ). Причастія прошедшія сохранили болѣе свой прежній характеръ, не отдѣлившись отъ глаголовъ до такой степени какъ причастія настоящія; но и они или сдѣлались неизмѣнными дѣепричастіями, или приняли наращенія и для именительнаго падежа мужескаго рода (ведши, — ведшій). Нѣкоторые изъ нихъ даже получили характеръ настоящихъ прилагательныхъ именъ (моченныя яблоки, мощеная улица, суженый, раженный, соленые огурцы, запрещенный товаръ).

«Отличеніе прилагательныхъ и причастій опредѣленныхъ отъ неопредѣленныхъ, столь яркое въ древнихъ памятникахъ Славянскихъ нарѣчій, проникавшее во весь строй ихъ сгибленія, постепенно терялось: опредѣленные все чаще употреблялись вмѣсто неопредѣленныхъ, а неопредѣленные все болѣе выходили изъ употребленія. И въ древнихъ памятникахъ встрѣчаются случаи этого смѣшенія однихъ съ другими, но рѣдко.

Въ памятникахъ болѣе позднихъ такихъ случаевъ уже много. Теперь въ большей части нарѣчій Славянскихъ или вовсе утратилась неопредѣленная форма, или сохранилась въ нѣкоторыхъ падежахъ и въ нѣкоторыхъ поговорочныхъ выраженіяхъ. Болѣе всѣхъ другихъ нарѣчій удержало особенности прилагательныхъ неопредѣленныхъ нарѣчіе Сербское, болѣе по тому, что почти каждое прилагательное можетъ быть поставлено въ формѣ неопредѣленной и опредѣленной (добар, добра, добро, — добри́, добро́, добра́); но и въ немъ уже невозможно просклонять неопредѣленного во всѣхъ падежахъ безъ помощи опредѣленныхъ окончаній: въ единственномъ числѣ творительный мужескаго рода, дательный и предложный женскаго, а во множественномъ всѣ падежи кромѣ именительнаго и винительнаго принадлежать склоненію опредѣленному. Нарѣчіе Чешское удержало склоненіе неопредѣленное почти только для прилагательныхъ притяжательныхъ и то не всѣхъ и не для всѣхъ падежей склоненія: самыя правильныя изъ нихъ склоняются какъ существительныя въ единственномъ числѣ, за исключеніемъ падежа предложнаго, а во множественномъ только въ именительномъ и винительномъ; другія только въ именительномъ и винительномъ и по требованію глагола въ дательномъ (welik — welika — weliku). Въ другихъ нарѣчіяхъ пропало склоненіе неопредѣленное почти все сполна. — Русскій языкъ въ народѣ сохраняетъ еще нѣкоторые падежи неопредѣленныхъ прилагательныхъ почти исключительно для единственнаго числа, но и въ немъ они все болѣе выходятъ изъ обычая: въ цѣсияхъ, сказкахъ, пословицахъ они встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ въ живомъ разговорѣ. Въ единственномъ числѣ можно употребить всѣ падежи, во множественномъ только именительный и винительный, но уже смыслъ ихъ до такой степени смѣшался съ падежами опредѣленной формы, что тѣ и другіе можно употреблять безразлично, если только имя прилагательное можетъ принять форму опредѣленную въ именительномъ. Впрочемъ и здѣсь народъ уже не такъ строгъ, какъ правила литературнаго языка: даже и притяжательныя, безъ различія формъ ихъ об-

разованія, начинаютъ принимать форму опредѣленную; нѣкоторыя даже не могутъ быть безъ нея (напр. тѣ, которыя оканчиваются на *се*: *отцовской*, *дѣтской*; даже и окончаніе *ск* въ названіяхъ городовъ перемѣняется на *ской*: *Курской*, въ *Курскомъ*). Примѣры смѣшенія прилагательныхъ неопредѣленныхъ и опредѣленныхъ попадаются уже въ памятникахъ Русскихъ XIV вѣка.

«Въ измѣненіяхъ, которыя потерпѣли нарѣчія Славянскія въ отношеніи къ склоненіямъ, болѣе многого другого замѣчательна потеря двойственного числа. Что оно было во всѣхъ нарѣчіяхъ, это очевидно отчасти изъ древнихъ памятниковъ, отчасти изъ уцѣлѣвшихъ остатковъ его употребленія въ говорѣ народномъ. Примѣры правильнаго употребленія двойственного числа видимъ въ Чешскихъ памятникахъ не только IX—X, но и XIII—XIV вѣка, въ Сербскихъ памятникахъ XIII—XIV вѣка, въ Польскихъ памятникахъ XIV вѣка и позже. Теперь двойственное число сохранилось въ цѣлости, какъ необходимая принадлежность языка народнаго, только у Сербовъ-Лужичанъ и у Хорутанскихъ Словенцевъ, но и то не вполне: родительный падежъ совпалъ съ родительнымъ множественнаго (Лужиц. *gakow, ženow*, Хорут. *gakow, žen*). Въ другихъ нарѣчіяхъ уцѣлѣли только напоминанія о его прежней жизни въ народѣ—въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ: такъ Полякъ доселѣ говоритъ *dwiescie*,—а не *dwa sta, rękoma, uszuma*,—а не *rękami, uszami*; такъ и Чехъ говоритъ *dwěstě, dvě ruce*,—а не *dwě ruky, rukou, rukama, koleno, kolena*,—а не *ruk, rukach, rukam, kolen, kolenach, kolenam, oči, očima*,—а не *oka, oku* и т. д.—Такъ потерялось двойственное число и изъ Русскаго языка: въ XIV вѣкѣ смыслъ его былъ еще понятимъ; но послѣ оно было все болѣе забываемо, и теперь забыто уже до такой степени, что нечаянныхъ случаевъ его употребленія даже менѣе чѣмъ въ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ: двойственное число очевидно только въ словахъ *двѣстѣ*—вмѣсто *два ста* (какъ *триста*), *уши, очи*—вмѣсто *уха, ока* или *ухи, оки* (какъ *окна* или *окны*) и въ очень

немногихъ подобныхъ. Соединеніе существительнаго въ родительномъ единственнаго съ числительнымъ два—двѣ, три, четыре (два, три, четыре слова, двѣ, три, четыре руки) можетъ казаться тоже остаткомъ двойственнаго, но только казаться: эта странная особенность Славянскаго словосочетанія можетъ быть и сродна съ употребленіемъ двойственнаго числа, но получила вездѣ издавна свое независимое значеніе.

«Не менѣе потери двойственнаго числа замѣчательно смѣшеніе склоненія мужскаго и женскаго. Въ древнѣйшихъ памятникахъ есть уже слѣды неотличенія родовъ въ склоненіи, но болѣе неотличенія, зависѣвшаго отъ коренныхъ правилъ Славянскаго склоненія. Такъ напр. въ Старославянскомъ одинаковы для всѣхъ трехъ родовъ именъ существительныхъ — окончанія предложнаго падежа единственнаго числа, родительнаго и предложнаго двойственнаго числа, родительнаго множественнаго, — и для всѣхъ трехъ родовъ именъ прилагательныхъ опредѣленныхъ и мѣстоименій — окончанія родительнаго, предложнаго, дательнаго и творительнаго двойственнаго и множественнаго числа; для мужскаго и женскаго рода одинаковы окончанія винительнаго множественнаго числа; для средняго и женскаго — именительнаго двойственнаго числа. Не смотря на это, въ древности Славянскія нарѣчія представляли много признаковъ, рѣзко отдѣлявшихъ роды, особенно мужскій и женскій. Съ теченіемъ времени каждое изъ нарѣчій по своему уменьшало число этихъ признаковъ, и теперь нѣтъ уже ни одного нарѣчія, въ которомъ бы сохранились они ненарушимо. Лучше другихъ удержали древній строй нарѣчія Польское и Чешское; но и въ нихъ есть уже отпаденія отъ старины. Такъ, между прочимъ, въ Польскомъ смѣшались признаки отличія рода мужскаго и женскаго во всѣхъ падежахъ множественнаго числа кромѣ родительнаго: въ именительномъ смягченіе предъидущей согласной съ мужскаго перешло отчасти и на женскій и не вполне удержалось для мужскаго, въ предложномъ и въ творительномъ женскія окончанія ахъ и ами сдѣлались общими для всѣхъ трехъ родовъ, такъ же какъ въ дательномъ му-

жеское окончаніе омъ. Въ Лужицкомъ смѣшеніе несравненно рѣзче: въ двойственномъ числѣ приняты для женскаго рода почти исключительно окончанія мужскаго рода (ов, омай), равно и во множественномъ въ падежахъ предложномъ, дательномъ и творительномъ (амъ, ахъ, ами), а въ падежѣ родительномъ множ. числа женскій родъ принялъ окончаніе мужскаго (ов: женов, вмѣсто жен). Въ нарѣчіяхъ югозападныхъ во множественномъ числѣ господствуютъ преимущественно женскія окончанія.—Русскій языкъ отклонился отъ древняго своего вида не менѣе другихъ соплеменныхъ нарѣчій, особенно во множественномъ числѣ: именительный мужскаго рода уже во многихъ случаяхъ не обозначается мягкостью послѣдней согласной по примѣру женскаго рода (вонны, миры—какъ и воды, жены), и при томъ въ именахъ прилагательныхъ принимаетъ для всѣхъ трехъ родовъ окончательное и (свѣтлыи, лучи, зори); предложный, дательный, творительный приняли тоже окончанія женскія (ахъ, амъ, ами: войнахъ, воинамъ, воинами, какъ водахъ, водамъ, водами). Въ нѣкоторыхъ только поговорочныхъ выраженіяхъ сохранились старыя формы (пять человекъ вмѣсто человекѡвъ, по дѣломъ вмѣсто по дѣламъ, мы ради вмѣсто мы рады и т. п.).

«Падежи равнымъ образомъ не удержались всѣ въ томъ видѣ какъ были въ древности, хотя впрочемъ и въ древности ихъ отличительные признаки уже нѣсколько перемѣнились въ своихъ значеніяхъ. Такъ между прочимъ въ Старославянскомъ: падежи родительный и предложный, отличенные во многихъ случаяхъ особенными признаками въ склоненіи существительныхъ именъ, въ склоненіи прилагательныхъ и мѣстоименій множественнаго числа смѣшались въ одно окончаніе (великихъ, васъ); звательный падежъ удержалъ свое особенное окончаніе только въ единственномъ для существительныхъ и т. д. Что касается до предложнаго множественнаго числа, равнаго по окончанію съ родительнымъ, то въ этомъ отношеніи замѣчательнѣе другихъ нарѣчій Сербское, удержавшее окончаніе это исключительно для родительнаго падежа (човекахъ, срѣда-

цах, женах — вмѣсто човѣков, срѣдац, жен). Вмѣстѣ съ этимъ Сербское нарѣчіе смѣшало въ одномъ окончаніи творительнаго (двойственного числа) падежи творительный, дательный и предложный множественнаго числа (јеленима значитъ—оленямъ, оленями, оленяхъ). Звательный падежъ еще сохранился для существительныхъ единственнаго числа въ нарѣчіяхъ сѣверо-западныхъ и въ Сербскомъ, но и то уже не во всѣхъ случаяхъ; въ Хорутанскомъ и Хорватскомъ онъ почти пропагъ. Болгарское нарѣчіе почти совершенно потеряло измѣняемость словъ по падежамъ: бѣдные остатки падежей остаются почти исключительно только въ мѣстоименіяхъ, въ существительныхъ отличается только звательный. — Значительныя утраты понесъ въ отношеніи къ падежамъ и Русскій языкъ: звательный сохранился еще въ Малорусскомъ, но въ Великорусскомъ въ большей части говоровъ объ немъ напоминаютъ только нѣкоторыя слова (Боже, Господи). Родительный падежъ единственнаго числа женскаго рода въ существительныхъ мягкаго окончанія и въ прилагательныхъ окончанія твердаго и мягкаго принялъ окончаніе предложнаго и дательнаго (земли, твоей, пахатной)—еще не вездѣ, но въ большей части говоровъ мѣстныхъ, такъ что и тамъ, гдѣ еще слышится старшій родительный (на ѧ, ꙗ, вмѣсто Старослав. ѧ: земля, твоея, пахотноя), онъ уже употребляется съ исключеніями (особенно въ существительныхъ) и смѣшанно съ предложнымъ и дательнымъ. Винительный множественнаго числа слился совершенно съ именительнымъ и родительнымъ. Это ослабленіе значенія формъ падежныхъ показалось въ языкѣ Русскомъ уже издавна: его можно замѣтить уже и въ памятникахъ XIV вѣка. Расширяя все болѣе свой кругъ, оно дошло теперь до такихъ, какъ называется, неправильностей, которыя не могутъ не поражать людей, знакомыхъ съ языкомъ старымъ или съ правилами книжнаго языка. Такъ, между прочимъ, и окончаніе дательнаго множественнаго числа (амъ) употребляется во многихъ краяхъ вмѣсто творительнаго (съ намъ вмѣсто съ нами) и т. п.

«Наклоненіе неопредѣленное довольно долгое время сохра-

няю свою достигательную форму (на ѣ и ѣ): примѣры его сознательнаго употребленія находятся въ памятникахъ XIV и даже XV вѣка. Теперь эта форма сохранилась только въ нарѣчіяхъ Хорутанскомъ и Хорватскомъ, но и въ этихъ нарѣчіяхъ уже она не всегда выражается ясно: въ Хорутанскомъ окончательное и выговаривается въ иныхъ мѣстахъ какъ гласный ѣ очень глухо, почти неслышно (боритѣ=боритъ [три слога]=борит [два слога]; а въ Хорватскомъ и употребляется и опускается часто по произволу (вмѣсто идемъ га зватъ — можно слышать и идемъ га звати, вмѣсто не хтео звати — не хтео зватъ). Въ Чешскомъ нарѣчіи можно тоже замѣтить только темное воспоминаніе о формѣ достигательной: вездѣ слышно выраженіе *jdi spat*, даже и тамъ, гдѣ окончательное и въ неопредѣленномъ наклоненіи не отбрасывается, или гдѣ послѣднее т не выговаривается твердо; но съ одной стороны такихъ выраженій очень немного, а съ другой немного и такихъ мѣстъ, гдѣ бы народъ удерживалъ окончательное и. — Въ Русскомъ, удерживается ли и, или при опущеніи его смягчается согласная т въ ть (чь) или ць, объ отличеніи достигательной формы нѣтъ уже никакого помину. Даже и въ старыхъ памятникахъ она соблюдается не всегда правильно. Появляться стало удвоеніе формы неопр. накл.: иттиѣтъ, клятѣтисѣ (отъ клять, клястѣ), клястѣ = клятть (с = т).

«Двѣ простыя формы времени прошедшаго въ изъявительномъ наклоненіи были въ древности въ общемъ употребленіи у всѣхъ Славянъ, и уже довольно поздно, въ XIV—XV вѣкѣ, стали быть пренебрегаемы все болѣе и болѣе, будучи замѣняемы формами сложными. Впрочемъ и до сихъ поръ онѣ еще не забыты въ большей части нарѣчій Славянскихъ. Во всѣхъ югозападныхъ нарѣчіяхъ онѣ хотя и перестаютъ быть необходимою, но еще твердо удерживаются обычаемъ народнымъ. Болѣе всего онѣ обычны у коренныхъ Сербовъ, которые правильно отличаютъ форму прошедшую (онѣ игра, они играше, онѣ би, они бише) отъ формы переходящей (онѣ играше, они играху, онѣ бијаше = беше, они бијаху = беху). У

Славянь, живущихъ на востокъ и на западъ отъ нихъ, т. е. съ одной стороны у Болгаръ, съ другой у Хорватовъ и Хорутанскихъ Словенцевъ, обѣ эти формы отчасти перемѣшиваются въ значеніи, отчасти замѣняются сложными. У Болгаръ есть обѣ формы, но отличаются только въ единственномъ числѣ (играхъ—игра, би—биха, и играх—играше, бех—беха). Менѣе всего онѣ обычны въ Хорутанскомъ нарѣчій: каждый Словенецъ пойметъ ихъ значеніе, но уже немногіе употребятъ ихъ сами; только въ нѣкоторыхъ горныхъ говорахъ можно слышать ихъ, и то болѣе въ поговоркахъ, чѣмъ въ простомъ разговорѣ, или же въ значеніи не прошедшаго, а настоящаго времени (учисте, дѣласте вмѣсто учите, дѣлате). Что касается нарѣчій сѣверозападныхъ, то изъ нихъ простая прошедшая форма употребляется народомъ, какъ необходимая принадлежность глагола, только въ нарѣчій Лужицкомъ; но уже только одна переходящая (волах, волаше, волаху). Въ нарѣчій Чешскомъ простыя формы были обѣ, но уже смѣшаны были одна съ другою (такъ что въ третьемъ лицѣ множественнаго и переходящее и прошедшее принимали одинаково окончаніе ху: несѣяху—несеху). Теперь онѣ забыты, и остатки ихъ (bych, bys, bychom, byste), получили характеръ сослагательный. Въ такомъ же смыслѣ употребляются остатки ихъ и въ нарѣчій Польскомъ bym и bych, byś, byśmy и bychmy, byście), имѣя впрочемъ (безъ прибавленія by) значеніе и настоящаго времени (spotą śmy szczęśliwi—мы счастливы добродѣтелию). При этомъ нельзя не замѣтить особенной сложной формы настоящаго времени, сохраняющейся въ мѣстныхъ говорахъ Польскихъ: jam jest, tyś jest, myśmy są, wy ście są, т. е. я есмь есть, ты еси есть, мы есмы суть, вы есте суть, болѣе правильной, чѣмъ употребительная въ другихъ говорахъ и въ литературномъ языкѣ: jestem, jesteś, jest, jesteśmy, jesteście, są, въ которой съ помощію jest вмѣсто są образованы и два лица множественнаго числа. Форма эта, замѣчательная отчасти и для объясненія образованія формы прошедшей, употреблялась прежде и у писателей: такъ у Кокановскаго читаемъ — spotą

śmuga sczęśliwi.—Въ Русскомъ языкѣ простыя формы прошедшаго времени господствовали еще и въ XIV вѣкѣ. Въ памятникахъ не только XIV, но XIII и XII вѣковъ, встрѣчаются, правда, ошибки противъ ихъ правильнаго употребленія, въ которыхъ выражается незнаніе отличій лицъ; но ихъ вообще такъ немного въ сравненіи съ тѣми случаями, гдѣ бы ошибки могли повториться и однако не повторялись, что этого достаточно для доказательства, что ошибки сдѣланы переписчиками позднѣйшаго времени. Въ Словѣ Даниіла Заточника есть выраженіе «умъ мой яко нощны вранъ на нырищи забдѣхъ»; но то, что въ немъ кажется ошибкой, произошло не по ошибкѣ, а по желанію дословно внести выраженіе св. Писанія (Псал. СІ. 7—8) «яко нощный вранъ на нырищи (за)бдѣхъ». Въ нѣкоторыхъ спискахъ Хожденія Даниіла есть выраженія явно ошибочныя: «тогда онъ поклонихся; азъ ту стояше»; но всѣ списки Хожденія Даниіла такъ повдиги, что въ нихъ подобныхъ описокъ нельзя не ожидать. Такъ и въ спискахъ Сказанія о побойщѣ Мамаевомъ выраженіе «Дмитрій же слышахъ» есть очевидная описка поздняго писца. Для того чтобы убѣдиться, что это описки, а не ошибки сочинителя, стоитъ сравнить списки, и не въ томъ, такъ въ другомъ найдется и правильное чтеніе. Какъ бы впрочемъ то ни было, въ XIV — XV вѣкѣ простыя формы прошедшаго были народомъ оставлены, такъ же какъ и въ нѣкоторыхъ западныхъ нарѣчіяхъ, и сохранились только въ бѣдныхъ остаткахъ. Къ числу этихъ остатковъ должно отнести форму условную, образуемую посредствомъ бы; хотя, лишившись видоизмѣняемости по лицамъ и числамъ, это бы могло показаться союзомъ, тѣмъ не менѣе оно точно такъ же образуетъ сложное время, какъ образовывало и прошедшее быхъ въ языкѣ древнемъ (я писалъ есть сокращеніе древней формы: я (язъ) есмь писалъ; такъ и я бы писалъ употреблено вмѣсто древняго: я (язъ) быхъ писалъ: писалъ въ обоихъ случаяхъ есть причастіе, только соединенное съ двумя разными формами вспомогательнаго глагола). Мы не измѣняемъ бы на томъ же основаніи, какъ не измѣняемъ и есть, упо-

требяя это третье лице единственного для всѣхъ трехъ лицъ обоихъ чиселъ. И какъ не вездѣ въ языкѣ Русскомъ осталось неизмѣннымъ есть, такъ не вездѣ осталось неизмѣннымъ и бы. Въ Великорусскомъ осталось еще еси не въ однихъ пѣсняхъ (гой ты еси) какъ знакъ второго лица; въ Малорусскомъ восточномъ еще чаще слышится еси и есте; въ Малорусскомъ западномъ употребительны не только вторыя лица, но и первыя: емъ, есмо=смо; — такъ и въ сослагательной формѣ въ Бѣлорусскомъ и въ нѣкоторыхъ говорахъ собственно Великорусскаго еще слышно быси=бысь, въ Малорусскомъ восточномъ бысь и бысте, а въ Малорусскомъ западномъ и бымы, бысмо (отличныя отъ бывъ емъ, бывъ си, были смо, были сте). Къ числу остатковъ простыхъ формъ прошедшаго времени должно отнести и буде=будеть, употребляемое теперь безлично, т. е. въ 3-мъ лицѣ единственного. Форма буду, будешь и пр., хотя осталась издавна въ значеніи будущаго во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, есть однако форма настоящаго времени на столько же, какъ и иду, веду, хожу, ношу и пр., и предполагаетъ подобныя формы для выраженія прошедшаго. Какъ отъ иду было идохъ и идѣахъ, такъ и отъ буду—будохъ и будѣахъ. Отъ будѣахъ третье лице единственного будѣаше извѣстно (напр. изъ лѣтописи Нестора: аще ли будѣаше нужное орудье, то оконцемъ малымъ бесѣдоваше. Пов. вр. л. 1074 г. Сбудѣашется старче слово. т. ж. 1074 г. Хотя видѣти абые уязвенъ будѣаше. т. ж. 1092 г.) Отъ будохъ третье лице единственного было бы буде или съ окончаніемъ т — будетъ, какъ отъ идохъ — иде или идетъ Это буде=будеть такое же прошедшее совершенное какъ и бы, и такъ же какъ бы могло употребляться въ смыслѣ сослагательномъ или условномъ. Но оно издавна утратило уже свою измѣняемость, получивши смыслъ безличный (въ Русской Правдѣ есть будетъ видили), а потому легко могло смѣшаться съ настоящимъ=будущимъ и замѣниться имъ (какъ и въ Русской Правдѣ будутъ крали вмѣсто будоша крали). Не одинъ Русскій языкъ представляетъ форму будѣахъ и будохъ. Въ

Чешскихъ старыхъ памятникахъ budjech—budješe встрѣчается довольно часто (напр. у Далимила: w starších budješe gada, w kupěli je zmujechu, tak wsje nemosi zbudjechu и пр.). Въ Лужицкомъ budžich—budžiše въ смыслѣ сослагательномъ измѣняется вполне и столько же обычно въ простомъ разговорѣ, какъ и другая форма прошедшаго простаго—běch, běše. Въ Болгарскомъ есть быдох—быде, тоже для всѣхъ лицъ обоихъ чиселъ, отличное отъ бех—беше; а по мѣстамъ слышно и быдѣх—быдѣше тоже въ смыслѣ сослагательномъ.

«Формы сложные очень разнообразны представляются и въ самыхъ древнихъ памятникахъ Славянскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ постепенно вышли изъ употребленія; но другія, болѣе сложные, появились позже на ихъ мѣсто, прежде чѣмъ тѣ были забыты. Теперь формы сложные не такъ разнообразны по составу, но за то числомъ ихъ болѣе. Въ числѣ вышедшихъ изъ употребленія особеннаго вниманія достойны тѣ, которыя составлялись помощью причастій дѣйствительныхъ наращаемыхъ. Соединеніе причастія дѣйствительнаго настоящаго со вспомогательнымъ глаголомъ быть было въ древнемъ языкѣ такъ же обычно, какъ и соединеніе съ этимъ глаголомъ причастія настоящаго страдательнаго: примѣры его можно найти и въ памятникахъ Старославянскихъ (напр. въ Остромировомъ Евангелии: и бѣ уча въ сѣботѣ), и въ Чешскомъ (напр. въ одномъ изъ очень старыхъ списковъ Псалтыря: není kto dobuda duše šé=нѣсть взыскаѣи душу мою. Псал. CXLI, 5), и въ Русскомъ (напр. у Нестора: бѣше около града лѣсъ и бѣху ловяще звѣрь). Форма эта не совершенно погибла: въ приморскомъ Сербскомъ и Хорватскомъ ее можно еще слышать, хотя мѣсто причастія и заступило дѣе причастіе (напр. он је био ходеч, када га позвали — онъ былъ ходя, когда его позвали). Что касается до причастія дѣйствительнаго прошедшаго, то его окончаніе въ сравнивали съ окончаніемъ 1-го лица прошедшаго простаго хъ, думали, что оба эти окончанія, вмѣстѣ съ окончаніемъ прошедшаго причастія лѣ, значать одно и то же, «какъ придыханія для устройства слоговъ», и что по

этому-то употреблялись будто бы безъ различія. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться: хъ есть знакъ перваго лица, равный по смыслу съ мъ (срав. его—те, Герм. ich—mich, Лит. аs, тас—тене, Слав. азъ — ма), между тѣмъ какъ лъ и въ — мѣстоименія указательныя, употребленныя для образованія причастій, какъ прилагательныхъ отглагольныхъ. Замѣчено было, что сѣявъ стоитъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ вмѣсто сѣяхъ тамъ, гдѣ теперь мы употребляемъ сѣялъ (Матѣ. XXV, 26). Примѣровъ подобныхъ можно представить много изъ древнихъ памятниковъ Русскихъ (напр. у Нестора: Игорь же совокупивъ вои многи и тали у нихъ поя, — Русь помдоша и приплуша, и всю страну Никомидийскую поплѣнивше и Судъ весь пожьгоша, — Володимеръ слышавъ, яко ятъ бысть Василько ужасеся, и всплакавъ, и рече и пр.). Въ Русскомъ языкѣ эта форма не погибла и теперь: въ сѣверныхъ говорахъ нарѣчія Великорусскаго она сохранилась, хотя и не сохранивши своей прежней опредѣленности, отъ того что вмѣсто причастія, согласовавшагося съ подлежащимъ въ родѣ и числѣ, употребляется неизмѣняемое дѣепричастіе (онъ ужъ вставши, вы были вставши и т. п.). Какъ теперь, такъ и прежде въ этомъ случаѣ настоящее время вспомогательнаго глагола часто опускалось, такъ же какъ опускается у насъ въ прошедшемъ, составленномъ помощью причастія на лъ (онъ сѣялъ вмѣсто онъ есть сѣялъ); но въ Чешскомъ старомъ оно часто оставалось такъ же какъ и другія времена (*jest zaslužíw, budu žiw* и т. п.).—Древніе памятники Славянскіе представляютъ сложныя времена, образованныя помощью глаголовъ: быть, имѣть, начать, хотѣть. Въ памятникахъ позднѣйшаго времени, равно какъ и въ нынѣшнихъ нарѣчійхъ Славянскихъ употребленіе послѣднихъ трехъ глаголовъ уже далеко не такъ обще: ихъ мѣсто заступилъ въ большей части случаевъ глаголъ быть. Впрочемъ и теперь глаголы имѣть и хотѣть еще употребляются для образованія будущаго времени: ему думать вмѣсто буду думать, стану думать, долженъ думать можно слышать въ нарѣчійхъ Чешскомъ, Лужицкомъ,

Польскомъ. Хочу думать въ томъ же смыслѣ слышится въ нарѣчіи Болгарскомъ и Сербскомъ; Болгаринъ вмѣсто этого еще употребляетъ форму хочу да думаю и кромѣ того испорченную форму хочеть думаю, такъ что думаю будетъ неизмѣняться по лицамъ и числамъ, а хочеть останется неизмѣннымъ для всѣхъ лицъ обоихъ чиселъ. Въ Русскомъ народномъ употребленіи глаголовъ вспомогательныхъ тоже измѣнилось. Глаголы хотѣть и начать потеряли характеръ вспомогательности; а глаголъ стать получилъ ее. Глаголъ имѣть сохранился какъ вспомогательный для образованія будущаго только въ Малорусскомъ: ему думать (думат—ему) вмѣсто буду или стану думать. Что касается до глагола быть, то съ усиленіемъ его вспомогательной силы образовались, въ дополненіе къ формамъ древнимъ, новыя формы, болѣе сложныя. Формы есмь думалъ и буду думать остаются во всѣхъ нарѣчіяхъ, хотя и не безъ измѣненій: есмь опускается подразумѣваясь, а быхъ употребляется безъ личныхъ окончаній, какъ неизмѣнное бы; бѣхъ думалъ остается въ Болгарскомъ, Сербскомъ, Лужицкомъ; есмь былъ думалъ въ Сербскомъ, Хорутанскомъ, Чешскомъ; быхъ былъ думалъ въ Хорутанскомъ, Чешскомъ, Польскомъ; есмь бы былъ думалъ въ Сербскомъ; буду думалъ въ Хорватскомъ, Хорутанскомъ, Польскомъ; буду былъ думалъ въ Хорватскомъ. Въ Русскомъ большая часть этихъ формъ совершенно исчезла изъ говора народнаго.

«Превращеніе Славянскаго языка при переходѣ изъ древняго состоянія къ новому очень яркими чертами отразилось на способѣ выраженія чиселъ, родовъ и лицъ.—Вмѣсто трехъ чиселъ, бывшихъ въ древности необходимымъ достояніемъ Славянскаго спряженія, въ большей части нарѣчій осталось только два: двойственное сохранилось теперь только въ Лужицкомъ и Хорутанскомъ. Въ Польскомъ характеристическія окончанія двойственного числа тоже уцѣлѣли въ народѣ, но употребляютъ вмѣсто множественнаго (rojdzwa, rojdzta вмѣсто rójdzisz, rójdzcie). Въ Русскомъ остались они только въ нѣсколькихъ словахъ: пожалуйста то же, что въ старомъ Польскомъ

rozalujszta, по формѣ второе лице двойственного; вы ста ради вмѣсто вы есте ради тоже остатокъ двойственного.—Отличеніе родовъ въ спряженіи потеряно очень давно: въ самыхъ древнихъ памятникахъ Славянскихъ находимъ отличеніе родовъ только въ двойственномъ; оно сохранилось въ двойственномъ и до сихъ поръ тамъ, гдѣ уцѣлѣло употребленіе двойственного числа. Въ Русскомъ за долго прежде, нежели погибло двойственное, окончанія рода мужскаго и женскаго смѣшались, и есвъ, естѣ стали употребляться въ мужескомъ вмѣсто есва, еста.—Что касается до лицъ, то особеннаго вниманія достойно третье. Древній знакъ его тѣ сталъ выходить изъ употребленія уже очень издавна: такъ въ древнѣйшихъ памятникахъ Церковно-Славянскихъ уже не видимъ, кромѣ немногихъ случаевъ, употребленія его въ прошедшемъ времени (да, дааше, даша, дахъ вмѣсто дать, даашеть, дашать, дахъть): только въ нѣкоторыхъ глаголахъ первообразныхъ видимъ тѣ вмѣсто тѣ въ третьемъ лицѣ единственнаго прошедшаго времени (ѣтъ, жать и т. п.). То же и въ древнѣйшихъ памятникахъ Чешскихъ. Только въ Русскомъ языкѣ удерживалось въ этихъ случаяхъ довольно долго употребленіе тѣ; но и то почти исключительно въ переходномъ (даашеть, даахуть). Въ настоящемъ долго удерживался знакъ этотъ въ Старославянскомъ, Чешскомъ, такъ же какъ въ Русскомъ; но и въ Русскомъ, какъ въ другихъ нарѣчіяхъ, онъ не удержался какъ необходимая принадлежность спряженія. Въ западныхъ нарѣчіяхъ онъ сохранился теперь почти только въ нарѣчіи Болгарскомъ и то почти исключительно для одного множественнаго (он дума, они думат). Въ Русскомъ народномъ, хотя и не погибло еще употребленіе тѣ совершенно, но во многихъ говорахъ вмѣсто тѣ слышно тѣ, а въ другихъ для единственнаго числа уже не слышно ни того ни другого, или же, если и употребляется, то самопроизвольно такъ, что можно и опустить тѣ (иде и идеть).

«Появленіе неизмѣняемыхъ словъ очень давне: годѣ (Супр. 422), исполнь, свободъ, средовѣчь (Малал.—Калайд. Іо.

екз. 183) въ Старослав., гузу въ Луж., мани въ Серб. (тодуш-
мави мани бише), въ Мрус. нар. гараздъ; въ древ. Рус-
скомъ такъ же были такія прилагательныя, напр. студень.

— Столь же значительныя потери въ отношеніи къ опре-
дѣленности формъ потерпѣли нарѣчія Славянскія и въ формахъ
словосочиненія. Между явленіями, происшедшими въ слѣдствіе
превращенія древняго строя, особенно замѣчательны: опущеніе
управляющихъ глаголовъ, необходимость сочетанія падежей съ
предлогами, потеря падежей самостоятельныхъ.

«Случаи опущенія глаголовъ управляющихъ, преимуществен-
но существительнаго глагола быть, попадаютъ и въ древ-
нѣйшихъ памятникахъ, особенно въ третьемъ лицѣ единствен-
наго настоящаго времени. Теперь въ большей части нарѣчій
это опущеніе допущено для третьяго лица обоихъ чиселъ. Въ
Русскомъ оно стало въ большей части говоровъ почти необхо-
димостью для всѣхъ трехъ лицъ обоихъ чиселъ.

«Употребленіе падежей безъ предлоговъ все болѣе ограни-
чивается. Такъ между прочимъ въ Хорутанскомъ, Чешскомъ и
особенно въ Лужицкомъ даже творительный, означающій орудіе,
требуетъ передъ собою предлога съ (съ ножомъ рѣзать
вмѣсто ножомъ рѣзать). Мѣстный безъ предлога сохранился
только въ Лужицкомъ (Будишинѣ вмѣсто въ Будишинѣ).
Дательный мѣста сохранился почти только въ горномъ Хору-
танскомъ (Бѣляку вмѣсто къ Бѣляку, въ Бѣлякъ—in Vil-
lach). Въ Русскомъ безпредложный мѣстный падежъ сохранился
только въ поговорочныхъ выраженіяхъ (напр. зимѣ, лѣтѣ,
вмѣсто въ зимѣ, въ лѣтѣ, зимой, лѣтомъ).

«Употребленіе падежей самостоятельныхъ было не очень
распространено въ Славянскомъ языкѣ: такъ между прочимъ
только въ отношеніи къ Старославянскому и древнему Русскому
не остается никакого сомнѣнія, что дательный самостоятельный
употреблялся какъ форма необходимая. Въ старыхъ Чешскихъ
памятникахъ есть случаи самостоятельнаго употребленія не
только дательнаго, но и родительнаго (напр. въ Сгорѣльскихъ
отрывкахъ Евангелія Іоанна: Iesus, pozdwiżenyma ośima w nebe,

řeče. XVII, 1. — Otrpošiwajicim dwěmanadeceti učedlnikom pokazal sje jim Ježiš. Мар. XIV, 14; a ješeć jich newěr'icich ale diwu-cich pro weselé, wese jim. Лук. XXIV, 41); но ихъ такъ мало и употребленіе ихъ такъ принужденно, что едва ли не должно считать эти случаи слѣдствіемъ вліянія письменности Старославянской. Въ Русскомъ употребленіе дательнаго самостоятельнаго сохранялось еще въ XIV вѣкѣ, но уже не съ такою требовательностью какъ прежде, и теперь осталось въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ случайно (напр. въ западно-Малорусской пословицѣ: самому тебѣ в лѣсѣ, товариша не знайдеш: ясно, что при выраженіи самому тебѣ подразумѣвать должно причастіе будущу*).

Составъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ и Русскаго языка, измѣнялся постепенно все болѣе—съ одной стороны отъ утраты старыхъ корней и отъ замѣненія словъ произведенныхъ отъ нихъ, новыми словами, произведенными отъ корней, болѣе обычныхъ,—съ другой стороны отъ заимствованій изъ языковъ иностранныхъ. Утраты были впрочемъ вовсе не такъ велики, какъ можно думать, не обращая вниманія на богатства народнаго языка. Чѣмъ болѣе извѣстны становятся западныя Славянскія нарѣчія и нашъ народный языкъ, чѣмъ съ большею довѣренностью и отчетливостью прислушиваемся къ говору простого народа,—тѣмъ болѣе отыскиваемъ словъ и выраженій древнихъ, считавшихся утраченными, и тѣмъ менѣе можемъ сомнѣваться, что и другія, еще необъясненныя или вовсе неизвѣстныя и важныя для объясненія древняго быта, будутъ такъ же найдены въ той же неизчерпаемой сокровищницѣ—памяти народной. Утратъ болѣе кажущихся, чѣмъ дѣйствительныхъ: инныя слова, прежде измѣнявшіяся по разнымъ формамъ, остались неподвижными въ какойнибудь одной формѣ; инныя частицы, напр. предлоги: па, су, бе, ра, потерявъ

*) Въ Меж. записи Истр. 1325 г. есть дат. самост.: В то време господѹющѣ кнезѹ Албрехту. Ark. za pov. jugoslov. II. 232.

свое независимое значеніе, сохранились въ словахъ сложныхъ (пажить, сурожь, бесѣда, радуга) и т. п.

Разсматривая множество словъ, вновь образованныхъ, нельзя не обратить особеннаго вниманія на то, что, какъ въ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, такъ едва ли даже не болѣе въ нашемъ Русскомъ, созидаются до сихъ поръ слова совершенно новыя, безъ всякаго видимаго пособія прежнихъ употребляемыхъ корней. Воображеніе народа творить ихъ внезапно, безотчетно, и между тѣмъ нерѣдко такъ удачно, такъ ловко выражая понятія, что, не смотря на свое какъ будто случайное появленіе, они остаются въ памяти народной и занимаютъ въ ней мѣсто между словами необходимыми. Въ минуты одушевленной бесѣды они срываются съ языка собесѣдниковъ такъ же невольно, какъ и всѣ другія слова, давно знакомыя; но производятъ впечатлѣніе сильнѣе другихъ, дѣлаются любимыми, расходятся изъ дома въ домъ, изъ села въ село, все далѣе, и потомъ — не одно изъ нихъ уже заставляло этимологовъ задумываться, отъ какихъ бы корней могли они произойти. Едва ли впрочемъ можно считать несомнѣннымъ, что всѣ такія слова — произведенія чистой случайности или личнаго воображенія тѣхъ, кто въ первый разъ ихъ высказалъ; нельзя по крайней мѣрѣ опустить изъ виду, что нѣкоторыя изъ такихъ словъ, какъ ни безотчетно срывались они съ языка, какъ ни были далеки своей звучностью отъ всѣхъ другихъ словъ, извѣстныхъ тому, кто ихъ произносилъ въ первый разъ, находили себѣ подобныя въ другихъ нарѣчіяхъ. Основываясь на этихъ извѣданныхъ примѣрахъ, надобно допустить возможность, что одно и то же такое слово въ одномъ или почти одномъ и томъ же смыслѣ, можетъ быть высказано нѣсколькими людьми въ разныхъ мѣстахъ, совершенно независимо и съ тѣмъ особеннымъ отгѣнкомъ звучности, который требуется характеромъ мѣстнаго выговора. Сверхъ такихъ словъ, какъ будто неизвѣстнаго происхожденія, вновь созидасмыхъ, созидается въ народѣ множество такихъ, которыя, будучи произведены отъ словъ общеизвѣстныхъ совершенно правильно, производятся все-

таки случайно для выраженія понятій, которыя они безъ особенной случайности не могли бы удержать за собою.

Что касается до словъ, занятыхъ отъ другихъ народовъ, то какъ ихъ ни много въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, число ихъ далеко не такъ велико, какъ можно думать, довѣряя нѣкоторымъ простодушнымъ составителямъ словарей: многія изъ нихъ считались занятыми только потому, что людямъ, поставившимъ ихъ въ это число, незнакомы были языки, изъ которыхъ они были ими выводимы. Сравненіе нарѣчій Славянскихъ привело бы ихъ совершенно къ другимъ заключеніямъ. Высшій классъ общества принималъ не всегда съ сопротивленіемъ слова и обороты чужіе; но и онъ—болѣе по требованію моды, по случайному увлеченію, очень часто только на время; массы народа, напротивъ того, постоянно уклонялись отъ этихъ заимствованій, а если брали чужое, то почти всегда передѣлывая сообразно съ характеромъ своего языка *).

Развитіе Русскаго языка на нарѣчія и говоры выражалось все болѣе и въ составѣ его такъ же, какъ и въ строѣ. Безспорно, что этому стремленію народнаго инстинкта къ мѣстному раздробленію языка мѣшало и все болѣе будетъ мѣшать стремленіе противоположное—обобщить языкъ, сдѣлать лучшую долю его богатства общимъ достояніемъ всѣхъ частей народа. И есть уже онъ, общій Русскій языкъ, и силенъ уже онъ своей духовной властью надъ всѣмъ народомъ, и все болѣе упрочиваетъ свое единовластіе всюду, даже въ тѣхъ краяхъ земли Русской, гдѣ мѣстные говоры рѣзко отступаютъ отъ его направленія. Тѣмъ не менѣе разнообразіе состава говоровъ въ разныхъ краяхъ и разныхъ классахъ народа ощутительно силь-

*) Разсматривая занятіе иностранныхъ словъ, надобно замѣтить и занятіе иностранныхъ формъ словообразованія. Вспомнимъ наше Русское ирвать: вояжировать, меблировать, гармонировать. Это ир есть Нѣмецкое *ir*. Это *ir* занято было у Нѣмцевъ и Французами:

— Mais nul ne s'avance de lui laidengier (beleidigt).

— Et quand Henry s'oy de Pietre laidengier (Cuvellier, Mort de Pierre le cruel).

но и поражает наблюдателя своей мелочной пестротой. Есть цѣлыя массы словъ и выраженій, извѣстныхъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ равносильныя имъ по значенію и отличныя по звукамъ господствуютъ въ другихъ; есть цѣлыя массы словъ и выраженій, извѣстныхъ только людямъ одного класса, одного ремесла...

Къ числу очень замѣчательныхъ явленій въ исторіи народнаго Русскаго языка принадлежитъ образованіе такъ называемаго Афинскаго или Офѣнскаго нарѣчія, почти совершенно непонятнаго по составу своему и совершенно правильнаго по строю. Употребляемое ходебщиками, странствующими продавцами, мастеровыми и извозчиками, оно считается у насъ языкомъ, составленнымъ нарочно для того, чтобы можно было скрывать имъ свои мысли и намѣренія, языкомъ разбойниковъ, обманщиковъ и т. п. Едва ли это мнѣніе совершенно справедливо. Безспорно, что этотъ говоръ бываетъ употребляемъ и съ такою цѣлью; но такъ употребленъ можетъ быть всякій неизвѣстный языкъ, каково бы ни было его происхожденіе. Безспорно такъ же, что въ Офѣнское нарѣчіе введены теперь и такія слова, которыя, происходя отъ Русскихъ корней, повторяютъ только ихъ въ вывороченномъ видѣ; но такихъ словъ въ сравненіи съ остальными не много. Съ другой стороны такъ же безспорно, что Офѣнское нарѣчіе есть нарѣчіе мѣстное — Костромское и Владимирское, — что очень многія слова его въ общемъ ходу не только въ губерніяхъ Костромской, Ярославской, Владимирской и другихъ окрестныхъ, но и въ другихъ сѣверныхъ, а нѣкоторыя извѣстны въ разныхъ другихъ краяхъ, — что никто изъ знающихъ его не думаетъ скрывать его какъ тайну, такъ что и дѣти говорятъ по Офѣнски, и всякому воля ему выучиться, лишь была бы охота, — что мошенники и разбойники не вели имъ никогда, сколько извѣстно, своихъ тайныхъ разговоровъ, а употребляли для того ломанный Татарскій языкъ. Всматриваясь же внимательно въ составъ Офѣнскаго нарѣчія, нельзя не остановиться на такихъ словахъ, которыя были въ старомъ Русскомъ, или до сихъ поръ находятся въ другихъ

Славянскихъ нарѣчійхъ, или же относятся къ древнѣйшему достоянію Европейскихъ языковъ. Въ немъ не одно слово заслуживаетъ вниманія филолога, — и жаль, если ни одинъ изъ нашихъ филологовъ, оставаясь при мнѣніи, что оно не стоитъ серьезнаго вниманія, не захочетъ сдѣлать его предметомъ особеннаго изученія....

Возвращаясь отъ современнаго состоянія языка все далѣе назадъ въ вѣка прошедшіе, наблюдатель видитъ въ немъ тѣмъ менѣе признаковъ превращенія, чѣмъ онъ древнѣе. Въ первыя времена отдѣленія нарѣчій Славянскихъ этихъ признаковъ было мало, съ тѣмъ вмѣстѣ мало было и чертъ различія между нарѣчіями*). Еще одинъ шагъ назадъ — и всѣ нарѣчія не могутъ не представляться наблюдателю однимъ нераздѣльнымъ нарѣчіемъ.

VI.

Къ тому времени, когда нарѣчія Славянскія отличались одно отъ другого еще очень немногими чертами, принадлежать первые памятники письменности Славянской и первое начало образованія книжнаго языка. Вотъ почему съ такою легкостью распространялось у всѣхъ Славянъ христіанское ученіе, когда проповѣдывали его братья первоучители Константинъ и Меѳодій и ученики ихъ: они могли проповѣдывать на своемъ мѣстномъ нарѣчійи всюду, куда ни заходили, оставаясь всюду совершенно понятными. Вотъ почему и нарѣчіе это, разъ освященное Церковью, могло утвердиться какъ языкъ вѣры и науки

*) Башко, лѣтописецъ Польскій XIII в., говоритъ объ этомъ такъ: *Sunt autem Slavorum multi modo genera linguarum se mutua intelligunt, licet in quibusdam vocabulis et pronuntiatione verborum aliquantulum discrepare videantur, quae tam ab uno patre Slavo, unde et Slavi originem habuerunt, qui et huc usque isto nomine uti non obmittunt, videlicet Temislaus, Iaroslaus, Stanislaus, Venceslaus (Wiszn. VI, 360 pp. 486).*

всюду, гдѣ этому не помѣшали обстоятельства внѣшнія. Стоило примѣнить его къ требованіямъ того или другого мѣстнаго нарѣчія въ отношеніи къ употребленію нѣкоторыхъ, очень немногихъ звуковъ и нѣкоторыхъ, очень немногихъ формъ и словъ,—и между нимъ и этимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ не оставалось никакой разницы. Всего было легче утвержденіе Старославянскаго нарѣчія въ Русской письменности, потому что Русскій языкъ къ Старославянскому нарѣчію былъ гораздо ближе всѣхъ другихъ нарѣчій Славянскихъ и по составу, и по строю. Отъ этого, сколько ни мѣшались одинъ съ другимъ въ произведеніяхъ письменности элементы Старославянскій и чисто Русскій, языкъ этихъ произведеній сохранялъ свою правильную стройность всегда, когда вмѣстѣ съ элементомъ Старославянскимъ не проникалъ въ него насильственно элементъ Греческій—Византійскіе обороты рѣчи, Византійскій слогъ, и когда притомъ писавшій имъ былъ не чужестранецъ, не умѣвшій выражаться правильно по Славянски. Всего менѣе можно было ожидать полной стройности языка отъ переводовъ съ Греческаго и отъ сочиненій Грековъ; всего болѣе—отъ произведеній тѣхъ изъ Русскихъ, которые писали безъ старанія подражать языку переводовъ. Такъ какъ переводимо было болѣе, чѣмъ сочиняемо, и въ числѣ писавшихъ бывали нерѣдко Греки, то нѣкоторыя уклоненія отъ правилъ обще-Славянской стройности языка не могли не войти въ обычай и не утвердиться въ языкѣ письменномъ. Эти уклоненія, сначала касавшіяся только слога, потомъ и нѣкоторыхъ правилъ словосочетанія, положили первое начало отдѣленію языка письменнаго отъ языка народнаго. Столько же важно было въ этомъ отношеніи и введеніе въ языкъ письменный словъ чисто Греческихъ и взятыхъ изъ книгъ Греческихъ, или буквально переведенныхъ со словъ Греческихъ, для выраженія тѣхъ понятій вѣры и науки, которыя не могли быть извѣстны народу. Впрочемъ до тѣхъ поръ, пока въ языкѣ народномъ сохранялись еще древнія формы, языкъ книжный поддерживался съ нимъ въ равновѣсіи, составлялъ съ нимъ одно цѣлое. Другъ другу они служили взаимнымъ дополненіемъ.

Народная чистота одного и ученое богатство другого были въ противоположности, но не болѣе какъ языкъ людей простыхъ и людей образованныхъ. Дѣйствительное отдѣленіе языка книгъ отъ языка народа началось уже съ того времени, когда въ говорѣ народа болѣе и болѣе стали ветшать древнія формы, когда языкъ народа сталъ рѣшительно превращаться въ строй своемъ. Языкъ въ народѣ измѣнялся и весь на всемъ своемъ пространствѣ, и по разнымъ мѣстностямъ, развиваясь на говоры и нарѣчія; а въ книгахъ вольно и неволью удерживался языкъ древній, неизмѣнный языкъ вѣры и Церкви. Писавшіе по книжному, хотя и позволяли себѣ вводить въ него слова изъ языка народнаго, но характеръ его строя, кромѣ употребленія звуковъ, оставляли почти совершенно неприкосновеннымъ, нарушали его только нечаянно, случайно, по безотчетной забывчивости. Его чистоту берегло болѣе духовенство, потому что имѣло болѣе нужды знать его какъ языкъ вѣры; его чистоту нарушали болѣе люди свѣтскіе, менѣе къ нему привыкавшіе, но и они нарушали ее не по волѣ, чтили его какъ языкъ вѣры, какъ языкъ высшей образованности, отгѣняли имъ свой живой народный языкъ не только на письмѣ, но и въ изустномъ разговорѣ, и вмѣстѣ боялись отгѣнками народнаго языка портить языкъ книги — тѣмъ болѣе, чѣмъ важнѣе былъ предметъ, о которомъ писали, чѣмъ нужнѣе казалось поддержать важность рѣчи. Прочное начало образованію книжнаго языка Русскаго, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ, положено было въ XIII—XIV вѣкѣ, тогда же какъ народный Русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію древняго своего строя. До XIII вѣка языкъ собственно книжный—языкъ произведеній духовныхъ, языкъ лѣтописей и языкъ администраціи былъ одинъ и тотъ же, до того, что и слово Луки Жидаты, и поученія Иларіона, и Русскую Правду, и Духовную Мономаха, и Слово Даніила Заточника, и Слово о полку Игоревомъ, и Грамоту Мстислава нѣкоторые позволяли себѣ считать написанными одинаково на нарѣчіи не Русскомъ, а Старославянскомъ. Если бы языкъ народный въ то время, когда были пи-

саны всѣ эти вещи, отличался отъ книжнаго, то онъ не могъ бы не показать себя хоть кое гдѣ своими особенностями—по крайней мѣрѣ на столько, на сколько народные языки западной Европы въ то же время показывали свои особенности въ книжномъ Латинскомъ. Въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей, въ которомъ господствовалъ элементъ народный, уже примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ. Въ памятникахъ XV—XVI вѣка отличія народной рѣчи отъ книжной уже такъ рѣзки, что нѣтъ никакого труда ихъ отдѣлить. Эти отличія увеличивались сколько отъ удержанія въ книгахъ древняго строя языка, столько и отъ измѣненій, которымъ подвергался книжный языкъ независимо отъ народнаго. Не неподвижнымъ оставался языкъ книжный. Съ одной стороны, съ расширеніемъ круга литературной дѣятельности, трудно было писателю ограничиваться въ кругѣ понятій ученыхъ, для которыхъ прежде придуманы были приличные выраженія: по образцу не народному, а Старославянскому, хотя и съ примѣненіемъ къ языку Русскому, постепенно составлялись новыя слова производныя и сложныя,—и число этихъ словъ увеличило съ теченіемъ времени составъ книжнаго языка на третью долю, если не болѣе. Съ другой стороны, въ слѣдствіе связей съ иностранцами, занимаемы были все болѣе слова и обороты изъ чужихъ языковъ, особенно изъ Латинскаго — одни съ примѣненіемъ къ характеру Русскаго языка, другіе дѣликомъ. Въ слѣдствіе всего этого языкъ книжный окончательно отдѣлился отъ народнаго. Время отдѣленія книжнаго языка отъ народнаго составляетъ первый періодъ его развитія.

Прежде окончанія этого перваго періода начался второй періодъ его развитія — періодъ его возвратнаго сближенія съ языкомъ народнымъ. Чѣмъ болѣе превращался языкъ живой народный, чѣмъ болѣе исчезали въ немъ изъ обычая и сознанія древнія формы; тѣмъ болѣе подъ его вліяніемъ терялъ свою древнюю систему языкъ книжный. Въ XVI вѣкѣ языкъ древній въ отношеніи къ народному былъ уже на такой степени противоположности, что только очень образованные писатели умѣли

владѣть имъ, не смѣшивая съ языкомъ народнымъ. Чѣмъ болѣе умножалось образованіе и письменность, чѣмъ болѣе яснила мысль обобщенія литературы; тѣмъ болѣе элементовъ языка народнаго, часто противъ воли книжниковъ, заходило въ языкъ книжный,—и тѣмъ легче были эти заимствованія, чѣмъ менѣе отзывались простонародностью. Изъ народнаго языка вошло въ книги постепенно очень много словъ для выраженія тѣхъ понятій народныхъ, которыя трудно было передать словами языка церковнаго. Изъ народнаго языка въ книжный заходили тоже и многіе обороты, тѣмъ съ большей легкостью, чѣмъ мѣнѣе твердо было у писателя знаніе языка церковнаго. Тогда вмѣсто одного языка книжнаго явилось два: одинъ — древній, оставаясь ненарушимымъ въ своемъ строѣ, только нѣсколько отдѣнялся отъ первоначальнаго своего вида вліяніемъ народнаго; другой—новый былъ смѣсью Старославянскаго съ живымъ народнымъ. А такъ какъ народный языкъ уже дѣлился на нарѣчія, то и этотъ новый книжный языкъ не могъ быть вездѣ одинъ и тотъ же, и тѣмъ болѣе удалялся отъ Старославянскаго, чѣмъ болѣе рѣзки становились черты мѣстныхъ отличій народнаго говора. Временное отдѣленіе Руси западной отъ восточной не могло, между прочимъ, не наложить печати на мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ новаго книжнаго языка: въ XVI—XVII вѣкѣ его западное видоизмѣненіе, довольно ярко отдѣлилось отъ видоизмѣненія восточнаго. Потомъ, когда обѣ части Руси опять соединились въ одно цѣлое, когда почти вся масса Русскаго народа политически сосредоточилась въ Москвѣ, хотя и стали всѣ мѣстныя видоизмѣненія новаго книжнаго языка сближаться подъ однимъ вліяніемъ народнаго нарѣчія Велико-русскаго; но это сближеніе могло происходить только медленно, и столько же медленно пріобрѣтало свои права на ународованіе книжнаго языка господствующее нарѣчіе Велико-русское. Множество словъ и оборотовъ, хотя и образованныхъ Русскими, но по формамъ давно устарѣлымъ или по образцамъ чужимъ—Греческимъ, Латинскимъ, ино-Славянскимъ, успѣли укорениться такъ сильно въ книгахъ, что потомъ легче было

преврътъ равносильными имъ словами и оборотами живонародными, чѣмъ ими замѣнить вновь то, что было хотя и чуждо народу, но освящено давностью. Легче было дополнять языкъ книжный заимствованиями изъ языка народнаго, чѣмъ отвергать изъ книжнаго то, что уже считалось его принадлежностью. Побѣды народности шли и идутъ медленно: каждая отвергнутая форма, каждое отвергнутое слово стоило и стоитъ борьбы, иногда и долговременной и всегда болѣе или менѣе упорной. И между тѣмъ какъ все отвергнутое не трудно пересчитать, неотвергнутыми остаются цѣлыя громады. Было время, когда вопросъ о словахъ понеже, поелику, поколику и имъ подобныхъ дѣлилъ пишущихъ на двѣ противоположныя стороны, не шута спорившія между собою, быть ли этимъ словамъ или не быть,—и тогда же лучшіе писатели, отвергавшіе эти слова, въ число законныхъ «вольностей поѣтическихъ» позволяли себѣ включать употребленіе родительнаго падежа женскаго рода въ единственномъ числѣ на *яя*, *ія*, *ея* (напр. кичливыя жены супругъ, онъ силы своея не знаетъ), и другія столько же устарѣлыя формы. Недавно такой же вопросъ возбудили слова *сей* и *онъ*; а между тѣмъ тѣ, для которыхъ они сдѣлались совершенно невозможными, нисколько не задумываясь, употребляли слова, въ которыхъ, противно требованію языка народнаго, обычай книжный допустилъ *щ* и *жд* вмѣсто *ч* и *ж* или *ре* и *ле* вмѣсто *ере* и *еле*, *оло* (напр. рождество вмѣсто рожество, предъ вмѣсто передъ), и т. п. Въ такомъ родѣ были большею частью побѣды народности надъ языкомъ книжнымъ. Нельзя притомъ не замѣтить, что побѣды эти состояли болѣе въ отверженіи изъ языка книжнаго тѣхъ формъ и словъ, которыхъ не знаетъ народъ, чѣмъ во введеніи тѣхъ формъ и словъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись языкъ народный и которыхъ не достаетъ въ языкѣ книжномъ. Такъ, между прочимъ, до сихъ поръ еще остаются въ изгнаніи слова *и хный*, *неинъ*, хотъ ихъ и не чѣмъ замѣнить; такъ неправою считается сочетаніе дѣспричастія съ глаголомъ существительнымъ, столько употребительное въ сѣверномъ нарѣчій Велико-

русскомъ. Побѣды народнаго языка надъ ненародною частью книжнаго были и есть тѣмъ тяжелѣе, что имъ мѣшало и мѣшаетъ вліяніе языковъ западной Европы: вмѣстѣ съ образованностью западно-Европейской переходили въ языкъ нашихъ высшихъ классовъ и книгъ слова и обороты чужіе, нужные и не нужные, и затрудняли его сближеніе съ языкомъ народнымъ. Эта отдѣльность языка книжнаго отъ народнаго при развитіи нарѣчій и распространеніи письменности и любви къ занятіямъ литературнымъ пробудила охоту къ попыткамъ употреблять въ книгахъ языкъ чисто народный. Явились и продолжаютъ являться въ разныхъ краяхъ Россіи писатели, которые стараются выражаться совершенно такъ, какъ говорить простой народъ; но ихъ усилія на книжный языкъ произвели до сихъ поръ вліянія не столько, какъ бы можно было ожидать, по крайней мѣрѣ потому что ихъ самихъ было мало. Въ слѣдствіе ихъ вліянія вошло въ книжный языкъ нѣсколько словъ, большею частью техническихъ, и нѣсколько поговорочныхъ выраженій, — не болѣе. Сила старыхъ книжныхъ привычекъ до сихъ поръ такъ сильна, что даже писатели, старавшіеся употреблять чисто народный языкъ, не могли и не могутъ оставаться въ кругѣ, ими для себя назначенномъ, и чуть только перестаютъ говорить по-мужицки, какъ нечаянно, противъ воли мѣшаютъ въ свой языкъ разныя мелочи изъ языка книжнаго. Такимъ образомъ новый періодъ исторіи книжнаго Русскаго языка, представляя рядъ побѣдъ народности живой надъ тѣмъ, что уже отжило, далеко еще не окончилъ своего цикла. Цѣль впереди, — и видна, и далека.

И точно ли то цѣль, что ею кажется? То, что ею кажется, не косвенное ли только ея отраженіе?.. По крайней мѣрѣ, сомнѣваться можно въ томъ, что весь ходъ побѣдъ народнаго языка надъ письменнымъ долженъ состоять только въ отверженіи словъ и грамматическихъ формъ, отвергнутыхъ народомъ, или ему неизвѣстныхъ. Указаніе однихъ только составяній о словахъ и формахъ не можетъ наполнить всю исторію письменнаго языка въ его соотношеніи съ народнымъ. Она не мо-

жеть довольствоваться тѣснымъ кругомъ грамматики и лексикографіи; она должна обращать вниманіе на измѣненія языка письменнаго подѣ зависимостью слога народнаго: на постепенное усиленіе требованій народнаго вкуса, народной реторики и піитики, требованій, несравненно болѣе законныхъ и понятныхъ, чѣмъ всѣ требованія реторикъ и піитикъ, вымышленныхъ книжниками. Рядъ этихъ побѣдъ Русскаго языка народнаго надъ ненароднымъ гораздо важнѣе, занимательнѣе и даже утѣшительнѣе. Уже въ періодѣ древнемъ народность боролась со вкусомъ Византійскимъ все болѣе удачно. Въ XVI—XVII вѣкѣ бореніе съ Латинскимъ вкусомъ было еще удачнѣе. Въ XVIII вѣкѣ началось вліяніе Германское, а позже, во второй половинѣ вѣка, Французское. То и другое было сильно, но было уже въ то время, когда образованность привлекала къ себѣ людей изъ всѣхъ слоевъ народа, и, слѣдовательно, не могла не становиться все болѣе народною, своеобразно Русскою. То и другое вліяніе новаго запада довершило упадокъ вкуса среднихъ вѣковъ, освободило вкусъ отъ ига несовременности и этимъ возбудило силы его противъ себя, само стало упадать все болѣе.... Цѣль побѣдъ вкуса народнаго, полное образованіе своеобразнаго Русскаго слога въ книжномъ языкѣ еще впереди; цѣль эта далека, но видна, — и видна сама цѣль, а не призракъ. Глядя съ этой точки зрѣнія на исторію языка, нельзя не видѣть ея близкой связи съ исторіей литературы.

VII.

Съ судьбами языка всегда остаются въ близкой связи и судьбы словесности. Словесность народная, вездѣ и всегда составляющая принадлежность необходимую жизни народной у самыхъ необразованныхъ народовъ, хранимая памятью народа безъ пособія письменъ, принадлежащая къ преданіямъ народа какъ часть одной нераздѣльной единицы, неразрывно связана

съ языкомъ и народностью народа и совершенно зависеть въ судьбахъ своихъ отъ тѣхъ условій, которымъ подлежатъ и судьбы языка народа, и всѣ главныя черты его народности. Ея исторія, будучи разсматриваема отдѣльно отъ исторіи языка народа, всегда оставаться будетъ наборомъ отрывочныхъ замѣчаній, которымъ можно дать только внѣшній порядокъ повременный, но не общій смыслъ. Словесность письменная, книжная, литература—какъ ее обыкновенно называютъ,—принадлежа не всему народу, а только части его, въ своихъ направленіяхъ и измѣненіяхъ можетъ подлежать многимъ условіямъ постороннимъ, внѣшнимъ, независимымъ отъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ находится масса народа; но и она въ своемъ содержаніи и развитіи представлена быть не можетъ безъ языка, который избрала своимъ орудіемъ, и, если этотъ языкъ происходитъ отъ языка народнаго, можетъ быть разсматриваема исторически только вмѣстѣ съ исторіей языка. Старѣя по языку своему, она старѣетъ и по духу, и какъ бы ни были превосходятъ нѣкоторыя изъ ея созданій, на нихъ всегда остается отпечатокъ времени.

Тѣ же періоды, которые рѣзко отдѣляются въ исторіи Русскаго языка, нельзя не отдѣлить и въ исторіи Русской словесности. Періоду образованія народнаго языка Русскаго въ его древнемъ, первоначальномъ видѣ соотвѣтствуетъ періодъ первоначальнаго образованія народной словесности; періоду отдѣленія книжнаго языка отъ народнаго соотвѣтствуетъ періодъ отдѣленія книжной литературы отъ народной словесности; а періоду возвратнаго сближенія книжнаго языка съ народнымъ—періодъ сближенія книжной литературы съ народной словесностью.

Для исторіи древней народной словесности Русской прямыхъ, непосредственныхъ матеріаловъ менѣе, чѣмъ для исторіи народнаго Русскаго языка; тѣмъ не менѣе есть средства и пособія дать отвѣты по крайней мѣрѣ на главныя изъ ея вопросовъ. Одно изученіе тѣхъ памятниковъ народной словесности, которые записаны въ прежнее время или сохраняются доселѣ въ памяти народной, изученіе внимательное ихъ характера, со-

держанія и формъ, подерѣвленное знаніемъ древностей Русскихъ, представляетъ возможность уразумѣть главные черты древней народной словесности Русской. Доказательства и объясненія выводовъ, которые могутъ быть сдѣланы въ слѣдствіе этого изученія, находятся съ одной стороны въ памятникахъ древней и старой книжной литературы нашей, съ другой — въ памятникахъ книжной литературы и народной словесности нашихъ западныхъ соплеменниковъ. Особенно важно сближеніе фактовъ, представляемыхъ памятниками народной словесности разныхъ Славянскихъ народовъ: факты эти, нисколько не противорѣча одни другимъ, дополняются одни другими взаимно, давая возможность изучать исторію Русской народной словесности съ общей Славянской точки зрѣнія. Разсматривая эти факты въ отношеніи къ языку, ихъ можно раздѣлить вообще на два отдѣла: одни касаются гармоніи языка, другіе — слога.

— Требованія гармоніи языка всего болѣе отразились въ сочетаніи слоговъ долгихъ и короткихъ, съ удареніями и безъ удареній, въ мѣрности рѣчи. Образование мѣрной рѣчи должно отнести къ тому же отдаленному времени, когда языкъ у всѣхъ Славянъ, еще не переходя въ періодъ превращеній, продолжалъ развитіе своихъ первоначальныхъ древнихъ формъ. Это можно заключать отчасти по древнимъ Чешскимъ памятникамъ IX—XIII вѣка, отчасти по сравненію разныхъ Славянскихъ пѣсенъ позднѣйшаго времени. Въ тѣхъ и другихъ главная идея о размѣрѣ стиха и сочетаніи стиховъ повторяется одна и та же. Древнѣйшій и у всѣхъ Славянъ одинаково распространенный эпическій стихъ заключаетъ въ себѣ десять слоговъ съ двумя удареніями, такъ что или къ каждому слогу, обозначенному удареніемъ, относится одинаково по четыре слога безъ удареній (напр. ужъ какъ палъ туманъ — на сине море), или же къ одному изъ слоговъ съ удареніемъ относится три, а къ другому пять слоговъ безъ ударенія (напр. Aj Wl'tawo—še mutiši wodu — Два се вука—у брьлогу колју). Древнѣйшій и также у всѣхъ Славянъ распространенный лирический стихъ заключаетъ въ себѣ шесть или восемь слоговъ тоже съ двумя удареніями, такъ что

къ каждому принадлежить по два или по три слога безъ удареній. Позже появились стихи съ тремя удареніями въ двѣнадцать и болѣе слоговъ и съ однимъ удареніемъ на четыре и пять слоговъ. Каждая стопа, т. е. каждая часть стиха, отмѣченная отдѣльнымъ удареніемъ и заключающая въ себѣ опредѣленное количество слоговъ, должна была быть и по содержанию отдѣльною частью мысли или фразы; съ окончаніемъ стопы должно было оканчиваться и слово. Мѣсто для слога съ удареніемъ сначала едва ли было опредѣленное: удареніе не могло быть только на первомъ и на послѣднемъ слогѣ стопы. Впрочемъ къ древнимъ чертамъ развитія Славянскаго стиха должно отнести стараніе помѣстить удареніе какъ можно ближе къ серединѣ стопы: такъ въ Русскомъ эпическомъ стихѣ слогъ съ удареніемъ издавна ставится въ серединѣ между двумя парами слоговъ безъ удареній. На томъ же условіи соотвѣтствія, по которому въ одномъ и томъ же стихѣ могла быть одна стопа о четырехъ, а другая о шести слогахъ, образовалось также издревле сочетаніе паръ стиховъ, изъ которыхъ въ одномъ восемь, а въ другомъ шесть, или же въ одномъ семь или шесть слоговъ, а въ другомъ пять или четыре и т. п. Вмѣстѣ съ парованіемъ стиховъ положено начало куплетамъ: два равные стиха составляли сами по себѣ куплетъ, такъ что къ каждому стиху относилась половина музыкальнаго напѣва; два неровные стиха сочетались съ такою же другою парю неровныхъ стиховъ, и въ такомъ случаѣ на половину напѣва приходилось по два стиха. Дальнѣйшее развитіе формъ куплетовъ принадлежитъ къ позднѣйшему времени. Изъ этого надобно исключить только употребленіе припѣвовъ, которые издревле были въ обычаѣ не только при окончаніи куплета, но и каждаго стиха, и даже каждой стопы. Нѣкоторые изъ этихъ припѣвовъ сочетались послѣдними своими звуками съ послѣдними звуками той части стиха, за которою повторялись: это положило начало употребленію риемъ. Нельзя сказать, что риема *) есть изобрѣтеніе

*) Руд. Гольцапфель (Ueber den Gleichklang bei Homer v. Rudolf Holzapfel. Berlin 1851, 8: 41) доказываетъ, что Гомеру были

новое: въ древнѣйшихъ пословицахъ Славянскихъ, сохранившихся у многихъ Славянъ въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ видѣ, видимъ риемы; въ сказочныхъ присказкахъ, неизмѣняемыхъ по волѣ рассказчика, всюду повторяемыхъ дословно, тоже встрѣчаются риемы *). Тѣмъ не менѣе риемованіе стиховъ въ пѣсняхъ есть явленіе позднее: многіе Славяне до сихъ поръ или совсѣмъ не знаютъ обычая украшать стихи своихъ пѣсень риемами, или употребляютъ риемы очень рѣдко. У Великорусовъ и у всѣхъ югозападныхъ Славянъ употребленіе риёмъ очень мало обычно; у Малоруссовъ и у Славянъ сѣверозападныхъ, за исключеніемъ Сербовъ-Лужичанъ, риемы очень употребительны, но и у нихъ не вездѣ: такъ между прочимъ большая часть пѣсень обрядныхъ у всѣхъ народовъ Славянскихъ остается безъ риёмъ. — До какой степени въ древнее время имѣло участіе въ размѣрѣ употребленіе гласныхъ долгихъ, опредѣлить трудно; но сомнѣваться нельзя, что оно было издавна и въ послѣдствіи времени развилось очень сильно — и въ стихахъ, и еще болѣе въ мѣрной прозѣ. Это заключать можно по тому, что даже въ прежнихъ памятникахъ (напр. въ нѣкоторыхъ поемахъ Чешской Краледворской рукописи) вмѣстѣ со стихами правильно десятисложными попадаютъ довольно часто стихи менѣе и болѣе чѣмъ въ десять слоговъ: стихи менѣе чѣмъ въ десять слоговъ, перемѣшанные съ десятисложными, показываютъ, что въ нихъ слоги долгіе получали значеніе двухъ или трехъ короткихъ; а стихи болѣе чѣмъ въ десять слоговъ вмѣстѣ съ десятисложными могли быть допускаемы только въ такомъ случаѣ, когда нѣсколько слоговъ короткихъ можно было считать какъ бы за одинъ слогъ. Мѣрная проза старинныхъ сказокъ у всѣхъ Славянскихъ народовъ представляетъ столько же осязательное доказательство тому, что въ размѣрѣ у Славянъ издавна принято было въ расчетъ различіе слоговъ дол-

риемы извѣстны, что риему должно считать одной изъ важныхъ принадлежностей всякой первообразной поэзіи.

*) Слав. риём. XI вѣка: Чьгдѣ кривата главо пиши право. Сл. Григ. Наз. 101 л. об. подъ страницю.

гихъ и короткихъ; на основаніи возможности уравнивать по нѣскольку слоговъ короткихъ съ однимъ долгимъ, образовывались мѣрныя фразы сказочнаго разсказа, равныя одна другой по размѣру, хотъ и очень различныя по количеству слоговъ. Различеніе короткости и долготы слоговъ развилось мало по малу въ языкѣ такъ же какъ и въ музыкѣ, гдѣ одинъ и тотъ же отдѣльный звукъ можетъ имѣть значеніе и цѣлаго такта, и четверти его, и шестнадцатой доли, и болѣе. Такую мѣрную прозу, въ добавокъ еще и риемованную и правильно подчиненную музыкальному напѣву, видимъ въ Малорусскихъ «думахъ», въ Сербскихъ «нарицаньяхъ» надъ умершими, въ нѣкоторыхъ Хорутанскихъ «пѣваньяхъ» и пр. — Свобода не соблюдать въ стихахъ пѣсень опредѣленнаго количества слоговъ на опредѣленное количество удареній вмѣстѣ со свободой не соблюдать мѣрной рѣчи въ пересказѣ сказокъ, увеличивалась все болѣе, увеличивалась одновременно съ отдаленіемъ языка отъ своего первообразнаго древняго вида, — и языкъ народной словесности, удаляясь отъ древнихъ условій гармоніи, все болѣе сближался съ языкомъ простого, обыденнаго разговора. Въ слѣдствіе этого сдѣлались возможными такіа народныя пѣсни, которыя отличаются отъ обыкновенной разговорной рѣчи только музыкальнымъ напѣвомъ, и въ которыхъ выраженія по своей формѣ такъ мало зависятъ даже отъ напѣва, что одну и ту же пѣсню можно прилаживать къ напѣву и такъ, и иначе, и вставляя слова, и выпуская, и мѣняя ихъ порядокъ. У Хорутанъ между прочимъ нѣкоторые «пѣванья» поются такъ произвольно, что самыя напѣвы отъ этого теряютъ свою мѣрность: одинъ тактъ поется скорѣе, другой медленнѣе, иные такты опускаются, другіе прибавляются. То же самое видимъ и въ пѣсняхъ нашихъ Русскихъ слѣпцовъ: въ нѣкоторыхъ остаются едва замѣтные остатки прежней стройности напѣва; въ другихъ на память о ней осталось только то, что онѣ не просто говорятся, а напѣваются, между тѣмъ какъ въ этомъ напѣваніи нѣтъ уже ни малѣйшихъ слѣдовъ мелодіи.

— Подобное превращеніе замѣчаемъ и въ слогѣ произве-

деній народной словесности. Разсматривая ихъ, въ отношеніи къ слогу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ содержанію, въ томъ видѣ, какъ они представляются теперь у разныхъ Славянскихъ народовъ, замѣчаемъ, что ихъ вообще два рода: одни отличаются эпической важностью изложенія, художественнымъ достоинствомъ образовъ и выраженій, другія напротивъ того—шутливостью, нерѣдко переходящею всѣ границы приличій, какъ ихъ понимаетъ самъ народъ, или даже безобразностью образовъ и выраженій. Тѣ первыя остаются собственностью всего народа, обоихъ половъ, и повторяются или слушаются стариками всегда одинаково, съ такою же любовью, какъ и молодежью; эти вторыя слышны болѣе тамъ, гдѣ народъ позволяетъ себѣ не соблюдать привычныхъ условій приличій выраженія. У нѣкоторыхъ Славянъ болѣе первыхъ и менѣе послѣднихъ, у другихъ напротивъ; но не всегда такъ было. Чѣмъ гдѣ болѣе первыхъ, тѣмъ тамъ болѣе процвѣтаетъ народная словесность, все болѣе обогащаясь памятниками достойными вниманія образованныхъ людей, и съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе удержались вообще нравы и обычаи старой народности; а гдѣ ихъ менѣе, тамъ народъ менѣе любитъ свою народную словесность, бѣднѣе въ ней памятниками, нелишенными художественнаго смысла, и сохранилъ менѣе чертъ своей племенной обще-Славянской народности. Изъ этого одного можно заключать, что прежде, когда всюду у Славянъ народные нравы и обычаи не были подвержены вліянію чуженародности, всюду у Славянъ господствовало эпическое достоинство въ произведеніяхъ народной словесности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народная словесность была богаче, необходимѣе для народа. То же самое доказывается и уцѣлѣвшими древними памятниками народной словесности Славянской, и историческими напоминаніями о нихъ. Такъ изъ лѣтописей Чешскихъ и изъ памятниковъ Чешской письменности IX—XIII вѣка знаемъ, что Чехи были въ то время богаты народными эпопеями, въ которыхъ эпическое достоинство содержанія и изложенія своею художественностью во всякое время могло бы удовлетворить самому прихотливому требованію образованнаго

художника; теперь же Чехи въ отношеніи къ народной словесности бѣднѣе всѣхъ другихъ Славянъ: Чехъ мало и поетъ, мало и рассказываетъ, мало припоминаетъ и пословицъ, и тѣмъ, что поетъ и припоминаетъ въ разсказѣ, рѣдко можетъ порадовать художественный смыслъ и свой, и другого Славянина. А между тѣмъ сѣверный сосѣдъ Чеха, Сербъ-Лужичанинъ, сохранившій болѣе народности, хотя и болѣе Чеха образованный, все еще любитъ свои поэтическіе напѣвы и разсказы, не можетъ жить безъ нихъ, и не смотря на то, что многое уже утратилъ изъ памятниковъ своей народной словесности, все еще богатъ ими, и дорожитъ въ нихъ эпическимъ достоинствомъ. Хорутанскій Словенецъ и Карпатскій Словакъ также дорожатъ остатками своихъ старинныхъ эпопей; по этимъ остаткамъ можно судить, что ихъ эпопеи были столько же прекрасны, какъ и древнія Чешскія. У Поляка уже нѣтъ ихъ и въ остаткахъ; но изъ лѣтописцевъ знаемъ, что онѣ были, и что въ нихъ сохраняла память народа были отдаленной древности. Сербъ богатъ эпопеями еще и теперь, изумляя множествомъ ихъ и художественностью содержанія и слога всякого, кто сколько нибудь привыкъ понимать значеніе народной словесности и поэзіи вообще. Эпическая народная словесность Русская достойна неменьшаго вниманія: теперь она не такъ строго подчинена условіямъ мѣры стихотворной, богаче произведеніями, сложенными мѣрною прозой, чѣмъ правильными стихами; но древній характеръ слога въ ней все еще виденъ, а содержаніемъ своимъ она обнимаетъ почти всѣ періоды исторіи народа. Какъ у Русскихъ, такъ и у другихъ Славянъ, сохранившихъ менѣе или болѣе любовь къ народной эпопее, сохраняется въ той же мѣрѣ достоинство эпического слога и въ другихъ пѣсняхъ. Напротивъ того, чѣмъ гдѣ менѣе любви къ эпопее, тѣмъ менѣе тамъ въ народной словесности и того достоинства изложенія, той отчетливости въ выборѣ словъ и выраженій, которою дорожитъ народъ, любящій свою словесность, какъ одинъ изъ необходимыхъ элементовъ своей нравственной жизни. Удаленіе языка народной словесности отъ условій, сохраняющихъ въ

немъ его эпическое достоинство, приближеніе къ обыкновенному простому разговору — такъ же важно, какъ и удаление языка ея отъ условій гармоніи, отъ правильности размѣра. Нельзя при этомъ не замѣтить факта, повторяющагося въ исторіи всѣхъ народовъ: народы, у которыхъ языки еще не пережили періода превращенія своихъ древнихъ формъ, сохраняютъ вмѣстѣ съ древними формами языка своего и мѣрность его, и важность изложенія даже въ простомъ разговорѣ. Въ послѣдствіи, съ утратами древнихъ формъ языка, тратятся постепенно и условія мѣрности, и тотъ важный слогъ, который, не смотря на различіе вліяній климата, народнаго темперамента и другихъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ на развитіе народа, вездѣ видимъ въ древнихъ памятникахъ словесности народной. Такъ и въ древней Русской словесности народной должно было господствовать эпическое достоинство слога, гармонировавшее съ правильностью размѣра. Оно выражалось, какъ и въ древней словесности другихъ Славянскихъ народовъ, живописностью, приличіемъ и отчетливою полнотою отдѣльныхъ выраженій; оно выражалось и плавностью общаго склада рѣчи. Свобода опущенія союзовъ, связывающихъ предложенія въ періоды, и свобода употребленія предложеній сокращенныхъ допускалась такъ же, какъ и передача словъ разныхъ лицъ, нестѣсняемая необходимостью обозначать, кто именно говорить то, что говорится; но и то и другое далеко не въ той мѣрѣ, какъ стало послѣ. Складъ рѣчи не представлялъ тѣхъ долгихъ періодовъ, которые потомъ вошли въ обычай въ языкѣ книгъ; но не было въ обычай вести рѣчь тѣми отрывочными предложеніями, которыхъ употребленіе сдѣлалось такъ обще тогда, когда плавность эпическаго слога подчинилась вліянію слога разговорнаго. До насъ не дошло — сколько до сихъ поръ извѣстно — произведеній древней народной словесности нашей въ неизмѣненномъ видѣ; но и изъ тѣхъ сокращеній ихъ, которыя сохранились въ лѣтописяхъ и повѣстяхъ, и изъ тѣхъ передѣлокъ ихъ, которыя сберегла память народная и старинные книжники, можемъ судить, что въ Русскомъ народѣ было умѣнье выбирать достой-

ные предметы и содержаніе для народныхъ эпосей, и что въ нихъ было гдѣ развиться искусству слога. Что это древнее основаніе было прочно, это доказываютъ и созданія народной словесности послѣдующаго времени—XVI и XVII вѣка, — Великорусскія «былины» о временахъ Іоанна Грознаго и Самозванцевъ и Малорусскія «думы» о событіяхъ Уніатской войны. Менѣе художественности изложенія и слога видимъ въ созданіяхъ новыхъ, также какъ менѣе и правильности размѣра.

Несомнѣннымъ считать можно, что въ то время, когда началась на Руси письменность христіанская и книжная литература, народная словесность Русская была столько же богата содержаніемъ и жизненной силой, сколько и языкъ—древними формами и силой выражать народныя думы и были словомъ мѣрнымъ и изящнымъ. И какъ не имѣла нужды письменность чуждаться формъ народнаго языка, такъ не имѣла она нужды чуждаться и формъ народнаго слога: слогъ и языкъ были одинаково сообразны съ требованіями ея приличій. Не только въ подлинныхъ произведеніяхъ Русскихъ книжниковъ, но и въ переводахъ, чѣмъ они древнѣе, тѣмъ болѣе видимъ народности въ выраженіи мыслей и образовъ. Менѣе всего была возможна народность слога въ переводахъ произведеній духовной литературы; но и въ нихъ встрѣчаются иногда покушенія сохранить ее. Болѣе народности слога видимъ въ поученіяхъ нашихъ древнихъ учителей — тамъ, гдѣ они не передавали дословно чужихъ мыслей и выраженій. Еще болѣе въ такихъ произведеніяхъ, какъ поученіе Владимира Мономаха, Слово Даниіла Заточника, Хожденіе Даниіла Паломника и т. п. Всего болѣе въ лѣтописяхъ и повѣстахъ. Въ лѣтописяхъ она тѣмъ болѣе сильна, чѣмъ подробнѣе пересказаны событія, чѣмъ болѣе могъ лѣтописецъ увлекаться своимъ рассказомъ. Тою же народностью проникнуть слогъ и Слова о полку Игоревомъ, хотя на него и налегла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рука книжника позднѣйшаго времени, какъ налегала она не разъ и на рассказы лѣтописные. Въ повѣсти о побойшѣ Мамаевомъ видимъ уже бореніе народнаго слога съ искусственнымъ книжнымъ, въ по-

вѣсти объ осадѣ Пскова—полную побѣду послѣдняго. Стараніе книжниковъ удержать въ книгѣ древній языкъ, поведшее за собою удаленіе книжнаго языка отъ народнаго, повело за собою и удаленіе отъ народнаго слога. А такъ какъ творенія отцевъ Церкви и Греческихъ богослововъ и ученыхъ не могли не цѣниться болѣе произведеній домашнихъ, такъ какъ образцовъ и языка и слога въ то время, какъ языкъ книгъ отсталъ уже отъ народнаго, не могли не искать въ переводахъ этихъ твореній, такъ же слабо отразившихъ на себѣ древнюю народность слога, какъ усиленно передававшихъ слогъ подлинниковъ; то въ книжной литературѣ Русской не могъ не укореняться все болѣе слогъ не-Русскій. Этимъ преобладаніемъ требованій литературы Греческой въ книжной литературѣ среднихъ вѣковъ, все болѣе утверждавшимся, объясняется и то отсутствіе въ ней стихотворнаго отдѣла, которымъ она такъ отличается отъ литературъ западныхъ того времени. Съ одной стороны, въ Византіи не цвѣло стихотворство, стихотворцевъ-художниковъ не было: не было ихъ между книжниками и тамъ, гдѣ господствовало вліаніе Византійской литературы. Какъ не было литераторовъ-стихотворцевъ на Руси, такъ не было ихъ и у Сербовъ православныхъ, и у Болгаръ, между тѣмъ какъ у Сербовъ въ приморьи Адриатическомъ разцвѣло стихотворство уже въ XV вѣкѣ. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, что и у Сербовъ, и у Болгаръ, и у насъ не было прежде любви къ стихамъ въ народѣ: пѣсни пѣлись болѣе чѣмъ послѣ, въ нихъ повторялись и дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой, и событія современныя; но книжной литературѣ, организованной въ своемъ составѣ по мѣркѣ Византійской, до нихъ не было дѣла. Съ другой стороны, — между тѣмъ какъ размѣръ Русскаго народнаго стиха не могъ въ ней казаться приличнымъ, не могъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе отдѣлялся языкъ и слогъ этого стиха отъ языка и слога книжной прозы, — не могли утвердиться въ ней и размѣры стиха, допущенные піитикой Византійской: они были слишкомъ не народны, слишкомъ дикі для смысла Русскаго человѣка. Какъ не могла Русская

литература. допустить изъ народной словесности ничего, что явно противорѣчило требованіямъ литературы Византійской, такъ не могла она допустить и изъ Византійской того, что явно противорѣчило народному вкусу. Были, правда, попытки подражать и Греческимъ стихамъ, но попытки слабыя, увлекшія очень немногихъ. До XVI — XVII вѣка литература Русская оставалась безъ стихотворнаго отдѣла. Только съ ослабленіемъ Византійскаго вліянія на нашу литературу могло прекратиться въ ней отреченіе отъ стихотворнаго лада: только въ слѣдствіе сближенія Русской литературы съ западной Европейской, гдѣ господствовали размѣры стиховъ болѣе сходные съ нашимъ народнымъ, и гдѣ болѣе было развито искусство пользоваться ими для произведеній поэзій, могло возродиться стихотворное направленіе въ нашей литературѣ.

Непитаемая народной почвой, литература Русская, вмѣстѣ съ языкомъ своимъ, отчудилась отъ народа; удаленная отъ современности въ отношеніи къ развитію понятій о требованіяхъ вкуса, оставаясь неизмѣнно при однихъ и тѣхъ же образцахъ, и вмѣстѣ съ твореніями, которыя навсегда сохраняютъ свое художественное достоинство, считая за образцы такіа произведенія, въ которыхъ изложеніе и образъ выраженія только въ силу давней привычки могли казаться достойными подражанія, она остановилась въ своемъ развитіи. Такъ долженъ былъ окончиться для нея первый періодъ, вмѣстѣ съ первымъ періодомъ исторіи книжнаго языка...

И какъ для языка, такъ и для литературы, прежде окончанія этого періода, начался новый — періодъ ея возвратнаго сближенія съ народнымъ вкусомъ, съ условіями народной словесности. Между тѣмъ какъ въ народѣ все болѣе распространялась образованность,—все болѣе пробуждалась и потребность литературы, которая была бы народу своя и по духу и по языку. Безсознательно стали нѣкоторые ученые вводить народный элементъ въ языкъ книжный; такъ же безсознательно вводили вмѣстѣ съ народнымъ языкомъ въ литературу и народную мысль. Тому и другому мѣшало отчасти сближеніе съ за-

падомъ... Вліяніе Византійское еще не окончилось, какъ началось вліяніе западной литературы: сначала новая Латинская, позже Нѣмецкая, еще позже Французская и Англійская литература подчинили нашу литературную дѣятельность своимъ требованіямъ до такой степени, что не только въ XVII — XVIII вѣкѣ, но даже и позже, даже еще и недавно считалось у насъ необходимымъ слѣдовать этимъ требованіямъ, какъ безусловнымъ законамъ, и считать въ литературѣ дозволеннымъ только то, что не нарушало ихъ, и все, что ими дозволяемо было. Какъ прежде не могло не казаться дикимъ и противозаконнымъ всякое нововведеніе, нарушавшее силу вѣками утвержденныхъ правилъ изложенія и выраженія; такъ послѣ дико и противозаконно стало — не измѣнять своихъ понятій объ искусствѣ писать, сообразно модѣ, на короткій срокъ утверждавшей свое господство на западѣ. Это пристрастіе къ модамъ литературнымъ, раждающимся и умирающимъ внѣ всякаго соотношенія съ развитіемъ нашихъ домашнихъ понятій о народности и условіяхъ вкуса или нашей народной образованности, это пристрастіе къ чужому западному въ литературѣ остается у насъ еще и теперь. Но и теперь, и прежде оно мѣшало развитію народнаго вкуса только до нѣкоторой степени. Во вліяніи запада и то уже было въ пользу развитія нашей литературы, что оно утверждало въ ней силу современности. При томъ же это не было вліяніе одного какого нибудь народа, а соединеніе нѣсколькихъ различныхъ вліяній, взаимно одно другое ослаблявшихъ. Съ развитіемъ образованности народной, каждое изъ нихъ все болѣе примѣняемо было ко вкусу народному и вызывало его коситѣвшую силу къ дѣятельности. Новая мода убивала силу вліянія, защищаемаго прежней модой, но убивала только силу изучаа пришедшую, а не ту долю народнаго вкуса, которая пробуждена была ею къ жизни. По этимъ частнымъ долямъ вкусъ народный проникалъ все болѣе въ литературу, такъ же какъ по частнымъ долямъ, медленно и однако все болѣе проникалъ въ книги языкъ народный. Усиленіе народности языка и слога, вкуса и понятій было въ литературѣ

нашей одновременно. И какъ ни далеки другъ отъ друга кажутся вопросъ о развитіи литературы и вопросъ о развитіи языка, тутъ они сходятся въ одинъ нераздѣльный. Главныя эпохи нашей новой литературы, эпохи Прокоповича и Кантемира, Ломоносова и Сумарокова, Державина и Фонъ-Визина, Карамзина и Крылова, Жуковского и Пушкина—это эпохи развитія народности въ книжномъ языкѣ болѣе даже чѣмъ эпохи усовершенствованія литературы по ея содержанію, эпохи развитія народности литературнаго языка въ отношеніи къ словамъ и оборотамъ, къ складу и слогу и т. п. Переходя съ одной изъ этихъ эпохъ на другую, наша литература восходила какъ по ступенямъ все выше къ своей цѣли. Цѣль еще впереди,—и далека, но видна. Увлеченіе западомъ остываетъ; сознаніе своихъ собственныхъ силъ зрѣетъ все болѣе. Подражать чужому, какъ прежде подражали, мы уже не можемъ, не умѣемъ. Наша ученость и наша беллетристика, наши взгляды на предметы науки и искусства похожи на западныя, но отличаются отъ нихъ — такъ же какъ и народность наша отличается отъ западной. Часто противъ воли нашей, мы остаемся тѣмъ, чѣмъ созданы, бессильно стараясь быть инымъ, и возвышаемся къ самобытности, нисколько не поддерживая себя подпорой, на которую стараемся опираться. Еще народный Русскій складъ рѣчи не считается годнымъ для важныхъ истинъ науки, еще народный Русскій размѣръ слишкомъ простъ для высокой поэзіи; но и тотъ и другой уже получили законность въ литературѣ, уже стали необходимы. Достигнувши самобытности въ литературномъ языкѣ, мы достигнемъ самобытности и въ литературномъ вкусѣ, — и будемъ наконецъ имѣть свою Русскую литературу — не по одному звуку, но и по духу. Само собою разумѣется, что какъ странно, не возможно, не должно достигать въ книжномъ языкѣ полной простонародности словъ и оборотовъ, отвергая отъ него все, чего нѣтъ въ языкѣ простого народа, и вводя все, что въ немъ есть; такъ странно, не возможно, не должно ограничивать и кругъ литературныхъ идей только тѣмъ, что не чуждо въ

этомъ отношеніи народу. Останется и вновь прибавится въ нашемъ книжномъ языкѣ, чего не было и не будетъ въ языкѣ простого народа—и все таки онъ будетъ народнымъ по духу, вполне Русскимъ; останется и вновь прибавится и въ содержаніи литературы нашей, чего не было и не будетъ въ изустной словесности простого народа, — и все таки она будетъ народною по духу, вполне Русскою — будетъ, когда языкъ ея сдѣлается народнымъ.

Теперь мы въ счастливой порѣ пути къ этой желанной цѣли. Нѣтъ въ литературѣ нашей дѣятелей геніальныхъ, однако и сильно даровитыхъ, и образованныхъ, и неусыпныхъ къ труду, каковы были въ свое время Прокоповичъ, Ломоносовъ, Карамзинъ; но есть много дѣятелей, приготовляющихъ своею дѣятельностью поприще для преемника этихъ исполиновъ нашей литературы. Дѣятельность литературная все болѣе получаетъ характеръ отчетливости, сознательности, стройности. Стройности мѣшаетъ, конечно, съ одной стороны — вольное и невольное отрѣшеніе большей части ученыхъ литераторовъ отъ старанія привлекать къ себѣ общее вниманіе, съ другой стороны—вольное и невольное отрѣшеніе большей части литераторовъ-беллетристовъ отъ старанія писать не для одного дня, отъ увлеченія своимъ дѣломъ, какъ дѣломъ самаго тяжелаго изъ художествъ. Одни пишутъ менѣе и медленнѣе, чѣмъ бы должны были и могли, будто жалѣя разставаться съ трудомъ привычнымъ; другіе гораздо болѣе и скорѣе, торопясь оканчивать начатое и будто боясь не начать неначатого. Стройности мѣшаетъ и недостатокъ критики: кто бы могъ быть судьей, часто молчитъ; кто, безъ обиды себѣ, самъ себя можетъ считать виѣ права судьи, часто судить съ полною рѣшимостью рѣшать дѣло своимъ приговоромъ. Все однако нельзя не видѣть стройности въ дѣятельности литературной. Произведенія долготѣтныхъ трудовъ выходятъ одни за другими постоянно и все чаще; принимаются иногда холодно, оцѣняются иногда легкомысленно, но это не ослабляетъ дѣятельности преданныхъ

такимъ трудамъ. Произведенія легкія, какъ ни спѣшно пишутся, пишутся не рѣдко съ той внимательностью, которая не далека отъ художническаго навыка и старанія искать лучшаго. Пишутъ не всѣ, кто можетъ, и не всякій можетъ, кто пишетъ; но иначе и не можетъ быть тамъ, гдѣ въ обществѣ литература сдѣлалась потребностью, и вмѣстѣ развились литературныя понятія: сила потребности не можетъ не возбуждать охоту трудиться въ непризванныхъ, а сила требованій не можетъ не отвлекать отъ труда и призванныхъ, если они не увѣрены въ своемъ умѣньи угодить этимъ требованіямъ. Съ каждымъ годомъ выступаютъ на поприще дѣятельности литературной новыя ряды молодыхъ людей, у которыхъ дарованія подкрѣпляются основательной образованностью, знаніемъ языковъ и литературъ иностранныхъ... Литературныя мнѣнія въ обществѣ упрочиваются... Всего утѣшительнѣе въ нашей современной литературѣ направленіе ученое, все болѣе въ ней укореняющееся и помогающее развитію нашей народной науки Русской. Русская исторія, памятники Русской древности и старины, памятники Русской народности, народная Русская словесность, исторія Русской литературы несравненно болѣе всего другого обращаютъ на себя вниманіе и литераторовъ, и слѣдящихъ за литературой. Не могъ внѣ этого вниманія остаться и Русскій языкъ—для однихъ какъ орудіе литературы, для другихъ какъ предметъ науки. Академія не напрасно поспѣшила изданіемъ словаря, въ которомъ всѣ нуждались,—и дѣятельно продолжаетъ свои труды, зная, какъ они необходимы при современномъ состояніи литературы; а между тѣмъ постоянно появляются труды частныя, обогащающіе новыми матеріалами и изслѣдованіями науку Русскаго языка. Не забыта между прочимъ и исторія Русскаго языка. Карамзинъ первый указалъ на эту часть Русской науки. Востоковъ, Калайдовичъ, Грець, Рейфъ, Павскій, Давыдовъ, Полевой, Надеждинъ, Погодинъ, Шевыревъ, Снегиревъ, Сахаровъ, Березниковъ, Катковъ, Буслаевъ, Аксаковъ и другіе содѣйствовали къ развитію понятій о ней—одни изданіемъ памятниковъ языка, другіе замѣчаніями о развитіи его

строю и состава. Запасъ пособій для исторіи Русскаго языка уже довольно великъ; онъ все болѣе увеличивается подъ покровомъ правительства, заботящагося объ изданіи памятниковъ отечественной старины; — и въ то время, когда вся Русская наука вызывается къ свѣту постоянно возрастающимъ къ ней сочувствіемъ общества, исторія Русскаго языка, какъ необходимая часть Русской науки, не можетъ остаться въ тѣни. Время для ея обработки настало, — и не напрасны будутъ усилія всякого, кто съ любовью посвятитъ ей свое время, знанія и дарованія. Не напрасны, потому что для однихъ предварительныхъ трудовъ по исторіи Русскаго языка надо много времени и много дарованій. Труды эти разнообразны и не для всякого легки, требуютъ много навыка и терпѣнія, много внимательности и осторожности, много любви къ филологическимъ работамъ, хотя и важнымъ, но, повидимому, мелочнымъ, скоро утомляющимъ того, кто за ними забываетъ о цѣли, къ которой ведутъ онѣ. Для того, чтобы матеріалы для исторіи Русскаго языка были приготовлены вполне, нужно многое...

— Каждый изъ древнихъ памятниковъ языка долженъ быть разобранъ отдѣльно въ отношеніи лексикальномъ, грамматическомъ и историко-литературномъ. По сличеніи лучшихъ списковъ надобно составить для него особенный полный и подробный словарь, не пропуская ни одного слова, ни одного отѣнка его значенія, и особенную полную и подробную грамматику, не пропуская ни одной формы, ни одной особенности формы. Въ томъ и другомъ должно быть отмѣчено вліяніе чужестранныхъ языковъ. То же вліяніе иностранныхъ элементовъ должно быть отмѣчено и при историко-литературномъ разборѣ памятника со стороны его содержанія, изложенія и слога.

— По каждому изъ нарѣчій Русскихъ и ихъ мѣстныхъ отѣнковъ должны быть составлены отдѣльно словари и сборники образцовъ изъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ, разговоровъ и т. п. и для cadaго отдѣльно особенная грамматика съ разборомъ памятниковъ народной словесности въ отношеніи къ слогу, мѣрѣ, формамъ изложенія и содержанію. Развитіе языка въ мѣстныхъ

видоизмѣненія должно быть изслѣдовано въ частныхъ монографіяхъ такъ же отчетливо, какъ и развитіе языка повременное по памятникамъ, оставшимся отъ разныхъ вѣковъ. Вліяніе элементовъ иностранныхъ должно быть отлечено въ каждомъ нарѣчій и мѣстномъ говорѣ отдѣльно.

— Современный языкъ литературы и образованнаго общества должно разобрать также отдѣльно и подробно въ отношеніяхъ лексикальномъ, грамматическомъ, литературномъ, не забывая ни писателей образцовыхъ, заботившихся о своемъ языкѣ и слогѣ, ни писателей небрежныхъ, безсознательно повторившихъ худое и хорошее изъ привычекъ языка книгъ и общества, не забывая также вліянія иностраннаго, вольно и невольно проникавшаго въ составъ и формы языка, въ слогъ и т. д.

Только въ слѣдствіе такого отчетливаго монографическаго перебора памятниковъ языка стараго и современнаго, книжнаго и народнаго, возможно составленіе историческаго словаря и исторической грамматики, и только въ слѣдствіе соображенія матеріаловъ, собранныхъ въ такомъ словарѣ и въ такой грамматикѣ, возможно приступить къ полной и подробной исторіи языка. Не помѣшаютъ, конечно, попытки написать исторію языка и прежде полной обдѣлки всѣхъ этихъ матеріаловъ; но ранѣе или позже матеріалы должны быть приготовлены....

И всѣхъ этихъ матеріаловъ будетъ еще мало для того, кто займется исторіею Русскаго языка, какъ трудомъ, достойнымъ своего предмета по исполненію. Русскій языкъ не можетъ быть разсматриваемъ исторически отдѣльно отъ другихъ соплеменныхъ нарѣчій и сродныхъ языковъ: не смотря на множество филологическихъ трудовъ иностранныхъ, которые облегчаютъ сличеніе Русскаго языка съ другими, придется трудиться и самимъ Русскимъ, дополняя массу собранныхъ матеріаловъ. Такъ, между прочимъ, по нѣкоторымъ изъ нарѣчій Славянскихъ еще нѣтъ словарей и грамматикъ, годныхъ для филолога, — и едва ли кто другой, кромѣ Русскихъ филологовъ, можетъ за нихъ взяться. И общимъ сравнительнымъ словаремъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій заняться едва ли кому удобнѣе, какъ Русскому ученому,

который всегда может посвятить себя этому огромному труду подъ покровительствомъ просвѣщеннаго правительства нашего, благодѣтельно споспѣшествующаго всякой добросовѣстной дѣятельности въ области Русской науки.

Разнообразны и огромны труды, безъ которыхъ не возможно написать полную исторію Русскаго языка; но и сама она такъ важна, такъ необходима, такъ достойна общаго вниманія, что для трудовъ этихъ всегда будутъ люди съ умѣньемъ и охотой за нихъ взяться... И раньше или позже изъ подъ пера писателя, овладѣвшаго совѣстливо и отчетливо вопросами исторіи Русскаго языка и средствами для ихъ рѣшенія, она выйдетъ картиной, столько же богатой содержаніемъ, сколько и занимательной для всѣхъ насъ, любящихъ свое отечество и его прошедшее.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

I.

(Стр. 18).

„Первыя страницы нашей исторіи остаются ненаписанными. Онѣ останутся бѣлыми до тѣхъ поръ, пока не приметъ въ этомъ участіа филологія и пр.“

Не имѣя возможности дать обширнаго объема опыту, здѣсь представляемому на судъ любителей отечественной филологіи, я долженъ былъ ограничиться въ немъ только нѣкоторыми замѣчаніями объ измѣненіяхъ строя Русскаго языка, и не внесъ въ него никакихъ подробностей касательно состава языка, касательно исторіи словъ, а потому и мысль о необходимости участія филологіи въ дѣлѣ древней исторіи народа осталась безъ всякихъ объясненій. Представляю здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

Пользуясь матеріалами, которые доставить могутъ памятники Русскаго языка прежнихъ вѣковъ и современный языкъ народный, съ помощью сравненія нарѣчій Славянскихъ и языковъ, съ ними сродныхъ, можно составить словарь древнѣйшаго, первобытнаго Русскаго языка, если не совершенно полный, то по крайней мѣрѣ достаточно обильный и словами всякаго рода и объясненіями ихъ смысла. Каждое слово есть представитель понятія, бывшаго въ народѣ: что было выражено словомъ, то было и въ жизни; чего не было въ жизни, для того не было и слова. Каждое слово для историка есть свидѣтель, памятникъ, фактъ жизни народа, тѣмъ болѣе важный, чѣмъ важнѣе понятіе, имъ выражаемое. Дополняя одно другимъ, они всѣ вмѣстѣ представляютъ систему понятій народа, передаютъ быль о жизни народа—тѣмъ полнѣе, чѣмъ обширнѣе и разнообразнѣе ихъ собраніе, чѣмъ они подробнѣе объяснены филологически въ ихъ народномъ значеніи, чѣмъ разнообразіе сближены одни съ другими. Порядокъ азбучный или грамматическій въ такомъ

словарѣ можетъ быть только вспомогательный. Порядокъ систематическій, по предметамъ, по связи и соподчиненности понятій, выражаемыхъ словами, ведетъ къ цѣли прямо. Съ нимъ долженъ быть соединенъ порядокъ хронологическій, указывающій на повременность появленія словъ въ языкѣ. Этотъ словарь не будетъ еще изображеніемъ народа, но, включая въ себѣ всю лѣтопись своего времени, критическое сличеніе всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ, можетъ до нѣкоторой степени замѣнять его. Пусть тогда пользуется имъ историкъ, какъ художникъ: чѣмъ лучше владѣетъ онъ своимъ искусствомъ, тѣмъ выразительнѣе будетъ образъ времени, о которомъ онъ безъ этого пособія не могъ бы сказать ни слова, образъ тѣмъ болѣе важный и занимательный, что стоя въ повременномъ порядкѣ на первомъ мѣстѣ, онъ долженъ открывать собою весь рядъ послѣдующихъ изображеній, и что всѣ они должны быть только его видоизмѣненіями... Счастливъ будетъ, кому удастся овладѣть всѣмъ матеріаломъ для этой картины первобытнаго состоянія Русскаго народа и написать ее. Теперь пока понятна только возможность и важность этого труда и есть средства только начать его разборомъ частей матеріала. Самая легкая часть этого разбора есть объясненіе словъ, до сихъ поръ очевидно общихъ всѣмъ Славянамъ; самая трудная — рѣшеніе вопроса, на сколько проникнуть былъ древній языкъ Русскій элементами чужеземными. Рѣшеніе этого вопроса тѣмъ затруднительнѣе, что ему мѣшать можетъ не только недостатокъ знанія и соображенія, но самое пристрастіе, желаніе доказать ту или другую любимую мечту, желаніе, которому иногда ничего не стоитъ защищать чистую неправду и оспаривать чистую правду. Такихъ пристрастныхъ взглядовъ на составъ древняго Русскаго языка появилось въ разное время уже довольно. Замѣчательнѣе другихъ взгляды тѣхъ, которые въ древнемъ языкѣ Русскомъ искали доказательства вліянія на Русь Скандинавскихъ Варяговъ. Увѣренность, что это вліяніе непремѣнно было и было сильно во всѣхъ отношеніяхъ, управляла взглядомъ, и позволяла подбирать доказательства часто въ противность всякому здравому смыслу, нелишнему филологическаго образованія. Какъ необходимое предупрежденіе, считаю долгомъ сказать, что я не думаю ни мало оспаривать присутствіе Скандинавскаго элемента въ нашихъ Варягахъ; а только не вижу никакой возможности считать въ числѣ Скандинавскихъ большую часть тѣхъ словъ, которыми доказываютъ Скандинавское вліяніе на языкъ Русскій. За исключеніемъ очень немногихъ, эти такъ названныя Скандинавскія слова — или суть чисто Русскія, принадлежавшія къ составу Русскаго языка до прихода къ намъ Варяговъ Скандинав-

скихъ, принадлежавшія не однимъ Русскимъ, но и другимъ Славянамъ, или по крайней мѣрѣ сомнительнаго происхожденія. Представляю на судъ читателей нѣсколько замѣчаній объ этихъ словахъ:

— Бояринъ=боляринъ ¹⁾. Въ древнѣйшей формѣ—боляръ=боляръ (ъ=ъ) множ. боляре=боляре: такъ христіанинъ, Русинъ, властелинъ, господинъ въ древнѣйшей формѣ христіанъ, Русь, властель, господь. Этимъ словомъ играли многіе ученые: одни выводили его отъ болѣть или отъ бой ярый,—и сколько ни старались защитить свое мнѣніе, не убѣдили въ немъ никого; другіе выводили отъ бауег=burgi, или отъ bo и jarl, bol и jarl,—и убѣдили всѣхъ, кому нужно было и это для защиты своего убѣжденія въ силу Скандинавскаго вліянія на древнюю Русь. Что это слово не перешло отъ Скандинавовъ непосредственно къ Русскимъ, что первые наши боляре явились не изъ дружины Варяжской во второй половинѣ IX вѣка, это достаточно доказывается и тѣмъ, что боляре у Болгаръ были по крайней мѣрѣ за цѣлое столѣтіе до этого времени. О боярахъ Болгарскихъ упоминаетъ Теофанъ подъ 764 годомъ („Paganus Bulgarorum dominus accepta fide ipse cum suis bojladis —*μετὰ τὸν βοιλάδων αὐτοῦ*—et optimatibus ad imperatorem se contulit. Стриттеръ II. 525). Съ тѣхъ поръ осталось это слово извѣстнымъ при дворѣ Византійскомъ титуломъ вельможъ Болгарскихъ. Въ правила церемоніала вставленъ былъ между прочимъ вопросъ, который логоветъ долженъ былъ предлагать посламъ Болгарскимъ, когда они являлись ко двору: „Quomodo valet princeps Bolgariae? quomodo sex magni bojladades? quomodo reliqui intus et extus bojladades? quomodo commune populi?“ (Стр. 605—606). Позже видимъ съ такимъ же значеніемъ боляръ въ царствѣ Сербскомъ, подъ правленіемъ дома Нѣмани—не только въ Законникѣ Стефана Душана, но и въ древнѣйшихъ грамотахъ Сербскихъ. Такъ Дубровничане, заключая миръ съ королемъ Владиславомъ, обѣщали ему: „Ако ти се згоди кое насилие и прибѣжиши у градъ нашъ к намъ, да те примемо яко господина съ всаковъ почъстію и съ всакимъ прианнемъ съ всѣми твоими болгары и съ инѣми всѣми твоими... а вла да ти не учинимо ни котаре, ни тебѣ... ни болгаромъ твоимъ“ (Срб. Споменице. 5). У Сербовъ южныхъ, Хорватовъ и Хорутанъ слова бојар = војар, бојарин = војарин, бојарник=војарник, войничар живутъ до сихъ поръ въ смыслѣ господина вообще и военачальника; они повторяются въ

¹⁾ Байар (Тюрк.)— богатый мужъ, господинъ (замѣч. Казембека. Вѣст. Георг. Общ. 1852. I. VI: 3).

пѣсняхъ и въ простомъ говорѣ. Изъ Славянскаго источника заняли титулъ боярскій Молдаване и Валахи издавна, употребляя и теперь un boiarin въ смыслѣ *vir nobilis*, а *boeritia* = *boerese* какъ *patrona nobilis*. Отъ Славянъ же заняли его и Маѳьяры, на языкѣ которыхъ *bojar* означаетъ героя. Отъ Славянъ заняли, конечно, слово волѳар и Албанцы, придавъ ему смыслъ старѣйшины, сельскаго старосты и вообще всякаго богатаго человѣка, а новыя Греки—*μπαζάρης*, называя этимъ словомъ не только вельможъ Румынскихъ, но и между своими каждаго знатнаго и богатаго человѣка. Въ послѣднемъ смыслѣ это слово довольно народно въ Пелопонесѣ, гдѣ оно, какъ особенный почетный титулъ, прибавляется къ фамильнымъ именамъ. Изъ всего этого можно, кажется, безъ всякой натяжки заключать, что и у Русскихъ Славянъ могло существовать это слово прежде, чѣмъ ихъ языкъ подчинился вліянію Скандинавскому. Такое заключеніе тѣмъ позволительнѣе, что въ Германскихъ языкахъ нѣтъ ни одного слова, которое бы могло служить ему образцомъ: попытка производить боярина отъ *burg* = *baueg*, происшедшаго отъ *bu* = *bauep*, такъ же неудачна, какъ и мысль, что въ бояринѣ слились два корня *bo* или *bol* и *jarl*. Слово бояринъ, начиная съ самыхъ древнихъ памятниковъ, гдѣ оно встрѣчается, употреблялось какъ титулъ вельможи: только отъ однозвучнаго слова съ такимъ значеніемъ могло оно быть занято и въ Русскій языкъ, если бѣ было занято; и между тѣмъ ни *baueg* = *burg* не употреблялся въ этомъ смыслѣ, ни *bojarl* или *boljarl* не существовало ни въ какомъ смыслѣ нигдѣ, кромѣ воображенія этимологовъ. Гораздо болѣе позволительно и возможно считать слово бояръ = боляръ за чистое Славянское и искать корня его между Славянскими корнями. Такимъ оно и считается у Славянъ югозападныхъ: употребляя слово бояр = воар = воиничар, какъ однозначительныя, они (не филологи и этимологи, а простые люди) идею послѣдняго изъ этихъ словъ въ своемъ сознаніи не отдѣляютъ отъ идеи о воинѣ, боѣ, воеваньи. И дѣйствительно отъ раздвоившагося корня бой = вой легко могло съ прибавкой образовательнаго слога аръ = аръ произойти слово боі-ар (ъ = ь) = воі-ар (ъ = ь), такъ же какъ произошли слова писаръ, лѣкаръ, звонарь, бах(=бай)аръ, знах(=знай)аръ, ключаръ, и т. д., или какъ воинъ = воинъ = боянь = боець. Имя воина, члена военной дружины, не у однихъ Славянъ обратилось въ титулъ людей высшаго сословія (ср. кшатри, шевалье, риттеръ, и пр.). Но откуда же взялось л, которое съ давнихъ временъ слышно въ этомъ словѣ, начиная съ боляръ Болгарскихъ? Нельзя утвердительно сказать, что оно заступило здѣсь мѣсто j (боль-ар вмѣсто боj-ар), какъ въ словѣ ледва

вмѣсто 1-едва и немногихъ подобныхъ. И невольно припоминается другой корень боль=велъ (большой=велий): какъ Испанцы называютъ своихъ аристократовъ грандами, какъ Венгры — магнатами, какъ Сербы и Хорваты—великашами, какъ мы — вельможами, такъ въ древности всѣ Славяне или по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ могли называть ихъ боярами. Это столько же правдоподобно, какъ и то, что они могли назвать ихъ боярами. И едва ли какому изъ этихъ двухъ разныхъ производствъ можно отдать преимущество. А если нельзя, то почему нельзя допустить, что оба корня—и бой=вой, и боль = велъ одинаково участвовали въ образованіи слова, какъ названія первенствующаго сословія, что два слова, образованныя отъ двухъ разныхъ созвучныхъ корней, случайно совпали въ значеніи такъ же какъ и въ звукахъ? Такъ слово жатва, употребляемое у насъ только въ одномъ смыслѣ отъ корня жать — жну, произошло у Хорутанъ и Хорватовъ (по ихъ выговору жетва=жетъв) отъ двухъ корней (жать—жну и жать — жму), означая не только жатву, но и натискъ, давку хлѣба подъ жерновомъ, отъ чего произошло и слово жетка — шелуха. Такъ и нашъ коноводъ ведетъ свое начало отъ двухъ близкихъ по звукамъ, но очень разныхъ по значенію корней: конъ и конь, перемѣшавши въ себѣ ихъ значенія. Такъ и слова боянъ и баянъ можно считать за одно слово, хотя первое произошло отъ бой, а второе отъ баять. Такъ одно и то же божество у Славянъ называлось и Святovitъ и Свѣтовитъ, именами очень близкими по звукамъ и совершенно различными по значенію (сватъ—sacrus, свѣтъ—lux). Такъ и слово крестить образовалось отъ двухъ различныхъ словъ: какъ christianum facere отъ христосъ, а какъ осѣнять крестомъ отъ крестъ = крысть (Лат. crux, Нѣм. Kreuz, Kreis); противень въ значеніи копія образовалось отъ противъ, а въ значеніи особаго рода посуды — изъ Нѣмец. слова Bratpfanne (сковорода); присутственныя мѣста (отъ суть) не безъ смысла пишутся и присудственныя (отъ судъ, судить); больно (=очень) отъ болк, болѣе и вмѣстѣ отъ болѣть (ср. Нѣмец. sehr и sehren).

— Безмѣнъ напомнилъ своими звуками Скандинавскій besmer=bismer=besman, можетъ быть — и не напрасно; но нельзя опустить изъ виду, что не только въ Польскомъ есть bezmiań=przezmiań=przezmiań, гдѣ а правильно заступило мѣсто ѣ, но и въ Чешскомъ есть prezměn, употребляемое въ двухъ сходныхъ смыслахъ, — какъ statera, Schnellwage, безмѣнъ, и какъ Wippgalgen (zločince na prezměn vyhouprnouti — преступника повѣсить).

— Вєрвь=врѣвь. У Адама Бременскаго замѣчено, что *commune populum consilium a Sueonibus warph, a nobis thine vocatur*; слѣдовательно Свейская вервь была то же что у насъ въ старину вѣче; у Фризовъ словомъ *warf=werf* называлось мѣсто суда; Старо-Саксонское *huarab*, Англосаксонское *hyurft* значить *orbis, circuitus, ambitus*, Исландское *hvarf—discensus, refugium,—stimulus*. Такихъ указаній можно было найти слишкомъ довольно, чтобъ имѣть возможность и древнюю Русскую вервь отчислить къ словамъ, занятымъ отъ Германцевъ, принесеннымъ Скандинавскими Варягами. Тѣмъ не менѣе эта возможность представиться могла только тѣмъ, кто не хотѣлъ, или не могъ вникнуть въ данныя, возбуждающія мнѣнія противныя. Ни въ одномъ нарѣчїи Германскомъ нѣтъ одновучнаго и вмѣстѣ одновначащаго слова съ нашимъ словомъ вервь = вєрвь: гдѣ оно звучить сходно, тамъ не употребляется въ такомъ смыслѣ, а гдѣ близко по смыслу, тамъ иначе выговаривается; а между тѣмъ, если бы оно было занято, то вѣрно, съ занятымъ смысломъ перенесло бы и свой выговоръ, на сколько могъ его выдержать безъ измѣненія Русскій языкъ. И между тѣмъ, какъ остается еще темно, гдѣ бы можно найти слово совершенно близкое по выговору и смыслу съ древнимъ Русскимъ врѣвь=вервь, находимъ его въ разныхъ смыслахъ и выговорахъ въ разныхъ нарѣчїяхъ Славянскихъ: въ Сербскомъ врѣва—*turbo, multitudo, concursus, frequentia*, врѣвомъ (творительный отъ врѣва) -- *conglobatim, catervatim* (ходити врѣвомъ), врѣвив—*circumfluens* (војска врѣвива); въ Хорватскомъ врѣпа—*stimulus, aservus, congeries* (врѣпа дрѣва и врѣпа люди); оттуда врѣвити=врѣпити—*conглоbo, concurro, proturbo, conturbo*; врѣвлѣти—тоже; врѣвлѣнје—*turba properantium*. Вмѣстѣ съ этимъ во всѣхъ Славянскихъ нарѣчїяхъ вервью называется веревка, тесьма и т. п.: врѣвь (*virw*) въ этомъ значенїи (*reticula*) находимъ въ Чешскихъ глоссахъ Вацерада (XII вѣка) къ *Mater verborum*. Такъ старую Русскую вервь по смыслу первообразному и его соотношенїю съ первымъ переходнымъ смысломъ можно сравнить со словомъ союзъ, происходящимъ отъ уже—увъ, что значить тоже веревка. Въ древности назывались и родные снузниками, ужаками: въ Санскритскомъ тоже значить по смыслу и корню слово *bandhu*; въ Англосаксонскомъ *wedding* того же корня, значить бракъ; Нѣмецкое *Verwandt* того же корня—родственникъ. Такъ и врѣвникъ въ Сербскомъ значить родной, а въ Хорутанскомъ—свять, врѣвница—брѣвница—обрница—сваха. Слѣдовательно, первая идея о верви въ отношенїи къ людямъ могла родиться еще въ семействѣ, такъ же какъ въ семействѣ родилась и первая идея о союзѣ; потомъ уже перешло

слово вервь къ обозначенію общины; при третьемъ переходѣ смысла могло явиться со значеніемъ вѣча, народнаго собранія, при четвертомъ—съ понятіемъ о толпѣ, множествѣ вообще, и т. д. Такъ и громада, означая у Великоруссовъ множество чего бы то ни было, какъ у Хорватовъ връпа, у Малоруссовъ означаетъ только мирскую сходку. Почти въ такомъ же соотношеніи находятся значенія слова Германскаго *dorf*, *thorf*, *thorp*, *thorpe*, *turf*, Итальянскаго *torba*, Латинскаго *turba*, Кельтскаго *torf*, *trev*, *treubh*. Изъ всего этого скорѣе можно позволить себѣ заключеніе, что вервь занята Германцами у Славянъ, чѣмъ напротивъ.

— Вира = вѣра, откуда вирникъ = вѣрникъ: слова эти чаще встрѣчаются съ и, но есть довольно случаевъ, гдѣ вмѣсто и стоятъ ѣ, такъ же какъ и въ словѣ свидѣтель = свѣдѣтель (свѣдокъ). Въ Польскомъ въ смыслѣ виры = вѣры употреблялось *w aglielt* = *werglielt*: почему же ни у насъ, ни у другихъ Славянъ не было никогда этого Нѣмецкаго слова? Въ Сербскомъ и Болгарскомъ издавна и до сихъ поръ обычно вергија, какъ порѣза — дань. Въ Хорватскомъ вира значитъ вольная оцѣнка, вольный переходъ, а завирити — обязать задаткомъ или залогомъ къ покупкѣ и продажѣ, къ найму, къ исполненію обѣщанія и т. п. См. вѣровати — обвинять, въ Запискѣ о правахъ Дубровн. купцовъ. *).

— Верста = врьста — по мнѣнію Шафарика произошло отъ Скандинав. и Гот. *gasta* — *milliare*. Не отвергая сходства звуковъ и значенія этихъ двухъ словъ, нельзя однако не сомнѣваться, что одно изъ нихъ, какое бы то ни было, явилось въ томъ или другомъ языкѣ въ слѣдствіе заимствованія изъ чужого языка. Какъ у Гот. слова *gasta* есть свои сродины въ языкахъ Германскихъ (Англіиск. *rest*, Шведск. и Нѣмец. *gast* и пр.); такъ и въ Славянскихъ нарѣчіяхъ оно всюду дома, всюду занимаетъ мѣсто между многими производ-

*) Вира (Тюрк.) — дань, подаяніе: отъ глаг. бирмен, вирмен — дать. (Зам. Казембега. Вост. Геогр. Общ. 1852. I: VI: 3).

Варные деньги = *Wehrgeld* (Gr. R. A. 650 — 652). Юрид. Акты: № 275 (1642 г.) стр. 286. Въ Арханг. гов. вѣра — охота, желаніе. Ему не вѣра пойти, не вѣра встать.

Вѣра, вѣръяъ. Др. Н. *wār*. Др. С. *wār*. Лат. *verus*, *veritas*. Анг. С. *vēr-boch* — *fideijussor*, *sponsor*.

Вѣра = вира. Др. Нѣм. *wāra*. Анг. С. *vāre* — *foedus*, *pactum* (Grf. 920). Анг. С. *vēre* — *capitis aestimatio*, *pretium*; *veres veddjan* — *pretium spondere*; *verē bētan* — *capitis pretium solvere*; *ver gildan* (Ettmöl. Lex. 100).

ными того же корня. Самое общее значеніе слова верста есть рядъ, порядокъ, связь частей однородныхъ, сходство, сродство и все сходное, сродное: отсюда верстать, приверстать, наверстать, сверстникъ (Болгар., Сербск., Хорват., Хорут.: врьстникъ = врьсник; Чешск.: врьстевник). Частныя значенія:—въ Сербск., Хорват.: линия; въ Сербск., Хорват., Чешск.: родъ, племя; въ Хорут. и Чешск.: стихъ; въ Польск. и Чешск.: слой дерева, породы земли; въ Руск., Словац. и Польск.: мѣра пути.—

— Господь=господинъ. Слово это было производимо отъ Герм. *husfads*=*husbonda*—*Hausherr*, хозяинъ. Сходство звуковъ разительно; но слово это такъ же разительно сходно и съ Греческимъ *δεσπότης*—*hegus, dominus, possessor*. Новые Греки называютъ и теперь Божию мать *δεσποινά*, какъ въ старину у насъ придавалось ей имя госпожа (откуда госпожнинъ день, госпожники, спожинки; по Сербски: *господја* велика и мала, по Хорутански: *gosprodnica*). Въ старомъ Прусскомъ было *walspatti*—госпожа, а въ Санскритскомъ *wīcampatti*; въ Кельтскихъ нарѣчіяхъ до сихъ поръ сохранилось слово *dospra* въ смыслѣ хозяйства. Всѣ Славяне и всѣ сосѣди Славянъ имѣютъ слово *господь* или какое нибудь производное (*господ, господар, господа, госпа, госпон* и т. д.). Все это вмѣстѣ доказываетъ, что это слово столько же Греческое, Кельтское или Славянское, сколько и общее Индоевропейское и что оно менѣе всего Германское.

— Гость очень сходно съ Германскимъ *gast*. И между тѣмъ слово *гость* такъ же распространено во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, какъ *gast* въ Германскихъ. Въ смыслѣ купца слово это известно въ Хорутанскомъ (*gost, gostnic*) и Чешскомъ (*hosták*). Въ смыслѣ большой проѣзжей дороги гостиница (см. Русскую Правду) употребляется въ Словацкомъ и Польскомъ. Слово *гость* повторяется во множествѣ древнихъ собственныхъ именъ, напр. *Гостомысль, Гостимиръ, Гостиславъ* (Польск. *Goslaw*) и пр. Еъ тому же и въ Латинскомъ есть *hospes* и *hostis*, въ ст. Французскомъ *hoste*, въ Ирландскомъ *gazda*, и т. д. Слово *газда* известно такъ же во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ въ смыслѣ хозяина дома *).

— Гридь=гридинъ=гринь. Въ языкахъ Германскаго племени можно было найти нѣсколько различныхъ словъ, отъ которыхъ могло

*) См. о *гостѣ* у Reiske Comm. ad Const. Porphyrogen. De Cerim. Aul. bysant: 57.

Diefenbach Lex. Goth. II. 393. *Gasts*. Gof. IV. 268.

показаться удобнымъ производить это слово. Въ одномъ древнемъ Сѣверномъ есть *gridh*—миръ, волость,—и *grind*—чуланъ, затворы,—и *hird*—свита, дворъ, откуда *hirdir*—стража. Особенно послѣднее слово очень годилось по своему значенію. Не всѣмъ однако показалось возможнымъ производить нашу гридь отъ *hird*: мнѣнія раздѣлились,—и самое раздѣленіе мнѣній указываетъ на трудность доказать Германское происхожденіе гридина. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы не было совсѣмъ доказательствъ въ пользу Славянскаго происхожденія этого слова. Въ Малорусскомъ слово громада значитъ мирская сходка, по Великорусски тоже можно сказать громада людей, такъ же какъ по Сербски *врѣпа* люди (см. *врѣвъ*); атаманъ въ своей громадой—со своимъ народомъ, съ дружиной: то же значеніе въ Хорутанскомъ имѣетъ слово грида, и какъ съ громада одного корня громадить, сгромадить, скромадить, такъ съ грида одного корня Хорутанское же *grinitī*, *zgrinitī*, Польское *grzopać*, ср. *грянуть*, гдѣ буква *д* опущена такъ же какъ въ словахъ *принуть*, *вынуть*, *глянуть*, *стынуть*, и т. п. Можетъ быть отъ этого корня происходитъ и гридь=гридинъ (ср.: бояръ = бояринъ, господь = господинъ, людъ = людинъ, и пр.).

— Дума, думецъ=думца. Древнее Сѣверное *domg*, Готское *doms*, Англійское *doom*, безспорно, очень сходны по смыслу такъ же какъ и по звукамъ съ нашей думой; легко было слѣдовательно сравнить и думцевъ нашихъ съ Англійскими *doomans*. Но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что дума и думецъ=думца—слова заимствованные, принесенныя къ намъ Скандинавами. Корень этихъ словъ, равно и самыя слова эти и другія подобныя—общая принадлежность всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Въ нѣкоторыхъ нарѣчійхъ сохранилось и первоначальное значеніе корня: думать не только въ Болгарскомъ, но и въ Хорватскомъ, приморскомъ Сербскомъ, отчасти въ Хорутанскомъ (на сѣверѣ Истріи) значитъ говорить, сказывать. Въ старнхъ Русскихъ памятникахъ думати тоже не встрѣчается въ смыслѣ судить, разсуждать, а только въ смыслѣ совѣтовать, совѣщаться, сговариваться, такъ какъ употребляется и теперь въ Сербскомъ. Только въ новомъ Русскомъ и въ Сѣверозападныхъ нарѣчійхъ сохранилось оно въ одномъ переходномъ смыслѣ, равносильномъ слову мыслить, разсуждать. Въ Польскомъ и Чешскомъ оно перешло даже еще одну степень: дума значитъ въ нихъ между прочимъ высокомеріе, горделивость: думца—гордецъ. Въ переходныхъ смыслахъ сохранились слова этого корня и въ другихъ языкахъ Европейскихъ: Готское *domian*—*urtheilen*, *richten*, *κρίναι*, Литов. *domóju*, *dumju*—

значить *puto, consilior*, Латин. *damnare* (срав. Рус. наказывать, отъ казать—говорить). Дума въ смыслѣ совѣта, сейма и думецъ=думца въ смыслѣ совѣтника такъ же произошли отъ корня дум-ати—говорить, какъ вѣче (совѣтъ, сеймъ) и вѣтникъ=свѣтникъ отъ корня вѣт-ити (=вѣщати)—говорить.

— Князь=кѣнязь. Славяне—говорить Кругъ—въ древнѣйшее время князей не имѣли, слѣдовательно не могли имѣть и особеннаго названія для нихъ, а заняли они его у Германцевъ, которые издревле имѣли *Kong=King=Konung=Koning=König*. Удивительно слышать это отъ Круга, всю жизнь свою занимавшагося однимъ древнимъ періодомъ Русской исторіи. Говоря, что у Славянъ князей не было, Кругъ ссылается на Проконія и Константина Порфиророднаго; но ни Проконій, ни Константинъ II., не упоминая о князьяхъ, говорятъ, что у нихъ не было государей: для подтвержденія этого Кругъ могъ бы вмѣсто двухъ ссылокъ сдѣлать двадцать, и все таки не доказать, что у Славянъ не было князей. Не было у нихъ государей въ томъ смыслѣ какъ были они у Римлянъ, Византійцевъ, Арабовъ, Германцевъ времени Карла и послѣ, не было василевсовъ, цесарей, императоровъ, калифовъ — это ясно; но правители были, такіе же, какъ и на сѣверѣ Скандинавскомъ конры и конунгры, не важные по внѣшнему значенію, но съ правами власти въ своихъ волостяхъ, съ правомъ передавать свою власть по наслѣдству. Лѣтописи Византійскія, Арабскія, Латинскія называютъ ихъ по именамъ, приводятъ ихъ титулы въ переводѣ, пересказываютъ ихъ подвиги. Они были, и какъ нибудь титуловалъ же ихъ народъ, которымъ они правили. И почему же не князьями? Потому ли, что слово подобно звучащее есть въ языкѣ Германскомъ? Но оно есть и въ Кельтскомъ (*сип = сеап* съ значеніемъ вождя, воеводы), и въ Персидскомъ (*кеја = кеј* въ смыслѣ короля), и въ Осетинскомъ (*кен*—вельможа). И у Аваръ были каганы, и у татаръ ханы... Что же касается до Славянъ, то нѣтъ ни одной, самой малой отрасли ихъ, гдѣ бы слово князь не жило со своимъ особеннымъ смысломъ, узаконеннымъ издавна употребленіемъ народнымъ, гдѣ означая владѣтели (Серб., Хорут.: *кнез*, Чешск. *kníže*, Польск.: *książe*), гдѣ господина вообще (Серб. *кнез*, Лужиц *kněz*), гдѣ сельскаго старосту (Серб. и Хорв. *кнез*), гдѣ священника (Чеш. *kněz*, Польск. *ksiądz*), и т. д. Повсемѣстная народность слова въ цѣломъ племени, слова, притомъ выговаривающагося вездѣ совершенно правильно, сообразно съ требованіями мѣстной фонетики, не можетъ быть причислено къ числу заимствованныхъ. Славяне Русскіе, если только вѣрить лѣтописи, имѣли

своихъ князей, княжескіе роды и княжества гораздо прежде тѣмъ покорены были Козарами и Варягами, прежде перехода черезъ ихъ землю Болгаръ и Угровъ, прежде самовластия Обровъ. На правахъ древнихъ княжескихъ родовъ основано первое дѣленіе Руси на волости; въ родѣ Рюрика оно только повторилось, уже утвержденное древнимъ обычаемъ. То же самое видимъ и у другихъ Славянъ. Стараясь подтвердить свое мнѣніе о Германскомъ происхожденіи князя, Кругъ искалъ доказательства въ словѣ княгиня, по древнему выговору и правописанію — кѣнягыня: это слово, думалъ онъ, есть повтореніе Нѣмецкаго *Königin*. Безъ сомнѣнія, ему простительна такая ошибка: онъ не былъ ни Славянинъ, ни филологъ; тѣмъ не менѣе это ошибка: *ныня* = *нынн* есть обыкновенное окончаніе для обозначенія лица женскаго рода, наприм. рабыня, господинья, Чехинья, Грѣкыня, богинья, другинья и пр. Ему соотвѣтствующее окончаніе мужскаго рода есть *ъ*, *ь*, или *инъ* (напр. *господъ* = *господь* = *господинъ*). Если окончаніе муж. рода будетъ на *ь*, а это довольно часто бываетъ, то послѣдняя буква согласная должна смягчиться (*государь* — *государыня*, *господь* — *господинья*, *гусь* — *гусыня*), и если эта согласная будетъ гортанная, то смягченіе должно быть переходное (*г* въ *в*, *х* въ *с*, *к* въ *ц*): этотъ послѣдній случай представляется въ словѣ князь, гдѣ *з* замѣнило *г*, которое не могло опять не появиться, когда придано было слову женское окончаніе *ныня* = *нынн* для образованія слова кѣнягыня (*мы* теперь пишемъ княгиня по общему въ новомъ нашемъ языкѣ правилу замѣненія *н* въ *и* послѣ *г*, *к*, *х*). Окончанію *ныня* соотвѣтствуетъ въ Германскомъ *in*, и нѣтъ ничего страннаго, что отъ одного и того же корня, къ которому приданы въ двухъ языкахъ сходныя по звукамъ окончанія, произошли и въ томъ и въ другомъ языкѣ два слова очень похожія одно на другое: будь въ Нѣмецкомъ *sudar*, то и сударыня могла бы по Нѣмецки быть *sudarin*, какъ графиня — *gräfin*, танцорка — *tänzerin*. Впрочемъ не къ чему долго останавливаться на доказательствахъ Германскаго происхожденія князя. Увлекая пристрастныхъ и простодушныхъ, они не могутъ увлечь того, кто захочетъ вникнуть въ происхожденіе этого слова внимательнѣе. Замѣчено было, что словамъ князь = *König* есть соотвѣтствующія по значенію и звукамъ въ другихъ языкахъ Индоевропейскихъ: этого одного достаточно, чтобы позволить себѣ вопросъ, не принадлежать ли всѣ эти слова къ одному и тому же корню. И корень этотъ дѣйствительно найденъ. Въ древнемъ Сѣверномъ слово *konig* = *konung* значить не только король = *könig*, но и каждый благородный, и каждый потомокъ, а ему соотвѣтствуетъ женское *kona* = *qvan* = *quen*, Готское

gens—со значеніемъ вообще женщины, жены, γυνή; kun—Готеское kuni—того же корня, значить родъ, семья—γένος, genus; kUND—тоже родъ, семья, потомство, и т. д. Въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ княземъ и княгиней называются молодые мужъ и жена, княжкомъ (княжек—въ Сербск. примор. и Хорут.) — первородный сынъ, и пр. Не забудемъ при этомъ, что по древнему правописанію слова этого корня имѣли всегда з между к и н: кѣназь, кѣнагнии, кѣнажество и пр. Какъ въ Германскихъ нарѣчіяхъ, такъ и въ Славянскихъ г=в=ж суть звуки прибавочные: къ корню принадлежить только кѣн, что по новому выговору будетъ кон: это видно изъ нѣкоторыхъ словъ Германскихъ, это же видно изъ словъ Сербско-Лужицкихъ: kněpi—mađate, kninka—малютка, и пр. Въ этой формѣ корень очень употребителенъ и не отступаетъ отъ древняго своего значенія: въ Германскомъ его древнѣйшая форма—kan=kon. Слово конъ то же что начало (отъ кона суть: Іоаннъ экз. 190; коководъ—зачинщикъ. слово совершенно отличное отъ коневодъ). По соображенію словъ поконъ=почало, начало, зачало, зачинать, конать, (т. е. почало, начало, зачати и пр.) видно, что корень кѣн=кон могъ имѣть другую мягкую форму—ча, въ которой носовой звукъ а, упираясь въ гласную, долженъ превращаться послѣ ч въ ѣн=ин, такъ же какъ послѣ к въ ѣн=он. Какъ въ корняхъ жа—ти, ма—ти, та—ти было жѣн—ж, мѣн—ж, тѣн—ж, такъ и въ ча—ти—чѣн—ж, и какъ отъ жа=жѣн есть (по) жин—аж и гѣн—ж, такъ и отъ ча=чѣн есть (по) чин—аж и кѣн—ж. Отъ ча—ти произошло чадо, такъ же какъ въ Германскомъ отъ kan=kon=kund, kind: чадо, чадъ и kind, челадо, челады и child равносильны по звукамъ и по значенію*) Отъ того же корня, съ удержаніемъ твердой формы, произошло и kong=кѣназь, въ Германскомъ съ удержаніемъ окончательной согласной твердой, въ Славянскомъ со смягченіемъ ея въ в по случаю соединенія съ ѣ т. е. по случаю требованія очень обычнаго мягкаго окончанія для образованія мужескаго слова. Такимъ образомъ древнѣйшее значеніе слова кѣназь=kong должно было быть родичъ (въ древнемъ смыслѣ), происходящій отъ рода, и потомъ — первый въ родѣ, начальникъ рода. Слово начальникъ собственно значить начинающій,—и теперь при-

*) Англ. child и Др. Герм. chint: l=n. Такъ Греч. λίτρον=νίτρον, πλεῖον=πνεῖμον; Лат. vallus=vannus, persolata=personata, numen=lumen (?), philomela=philomena. Итал. niuno=nullus, malinchonia=melanebolia, mulgere=mungere. Исп. mortandas=mortalitas. Фр. orphelin=orphenin—Ит. orphano, Исл. samla=samna, sol=sunna (Анг.-С. solen=Анг. sunny).

няло въ свое значеніе идею о правѣ, о владѣніи: такъ случилось и со словомъ кѣназь—kong. Съ этимъ словомъ соединилась еще идея о благородствѣ: такъ точно въ югозападныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ племячъ, племениташъ, происходя отъ племя—родъ, означаютъ благородныхъ, аристократовъ: такъ и Нѣмецк. adel, edel, ограничиваясь теперь при означеніи благородства, происходитъ отъ одного корня съ edli—родъ, племя, природа. Др.-в.-Нѣм. truhtin=Анг.-С. druhtin, drohtin=Др. С. drottin (dominus, herus)—одного корня съ truht (Др.-в.-Н.)=drauth (Гре.)=druht (Анг.-С.)=drött (Др. С.)—populus, familia. Греч. γενναῖος—nobilis, γενναίότης—nobilitas одного корня съ γένα—princeps, gentis auctor.

— Луда. У воеводы Варяжскаго, слѣпного Якуна—„луда бѣ золотомъ истыкана“, и онъ, послѣ неудачной битвы, бѣжа съ поля, „ту отбѣже луды златоѣ“. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ говоритъ о хитростяхъ бѣса, являвшагося „въ образѣ Ляха, в лудѣ и носяща в приполѣ цѣвѣтъкъ иже глаголется лѣпокъ“. Лука Жидята въ Поученіи говоритъ: „москохудство вамъ братія негѣно имѣти, ни молвити срамна слова“. Шафарникъ принимаетъ слово луда за Скандинавское и сравниваетъ съ lodhi, hlodha, lodha—sagum, chlamys. Но и въ западныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ есть слова этого корня: въ Чешскомъ есть luden—newalené sukno, въ Лужицкомъ есть lejdo=lejdnо —Frauenjасke, въ Хорватскомъ luda — покровъ и luditi—покрывать: уже-ли въ эти нарѣчія заняты слова отъ того же Скандинавскаго?

— Людѣ, людинѣ, люди такъ сходно звучать съ древнимъ Сѣвернымъ lodh=lyd=liud, что вѣлья было охотнику до подбора такихъ словъ отречься отъ удовольствія и ихъ причислить къ числу занесенныхъ къ намъ Варягами. И тѣмъ не менѣе слова эти и многія, отъ нихъ происшедшія, принадлежатъ къ числу народныхъ необходимыхъ словъ во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ безъ исключенія. Сохранились даже остатки отъ употребленія слова людѣ въ смыслѣ не собирательномъ, а единичномъ: ludek въ Польскомъ, ludk и ludzik въ Лужицкомъ значить человѣчекъ (маленькій, бѣдненькій, жалкій), карла; въ Польскомъ есть и odludek, podludек, ludkowie (popellus). Собственные имена: Людиша, Людмила, Людомиръ, Людмибора, Людевить и пр. принадлежатъ также къ доказательствамъ, что очень нѣдревне слово людѣ было собственностью Славянской. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Греческомъ есть λαός, λεώς—народъ, λαῖτον—люди, λαῖτακ — публично, мирски; въ Санскритскомъ

laukas — homines, и т. д. Гораздо справедливѣе, слѣдовательно, причислить слово людѣ къ словамъ общимъ Индоевропейскимъ, а не къ Германскимъ.

— Мечь. На Полянѣ „намоша Козаре и рѣша Козари: платите намъ дань. Съдумавше Поляне и вдаша отъ дыма мечь, и несомъ Козари ко князю своему и къ старѣйшинамъ, и рѣша имъ: се на-
лѣзохомъ дань ову. Они же рѣша имъ: откуда? Они же рѣша: въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрскою. Они же рѣша: что суть въдали? Они же показаша мечь. Рѣша старци Козарстѣи: не добра дань, княже. Мы ся доискахомъ оружіемъ одиною стороною рекше саблями, а сихъ оружіе обоуду остро рекше мечь; си имуть имати дань на насъ и на нѣхъ странахъ. Се же сбыться все“ (Пов. вр. л. 16 стр.). Не смотря, что это преданіе отнесено лѣтописью къ временамъ до-Варяжскимъ, и его и мечь считали вывезенными къ намъ изъ за моря Варягами, и въ подтвержденіе своей догадки приводили слово Скандинавское *thœkig*, какъ корень нашего меча. Впрочемъ, хотя это слово и распространено въ нарѣчіяхъ Германскихъ (срав. Ст. Сакс. *mâki*, Анг.-Сакс. *mése*—*mêche*—*mexe*, Гот. *meki*—*mekels*—*mycha*—*myha*); однако оно встрѣчается и въ другихъ языкахъ: въ Литовскомъ есть *mėzus*, въ Персидскомъ *mek* (а *javelin*, *spear*), въ Испанскомъ *machet* (сабля, кинжалъ), въ Латинскомъ *musco*, въ Греческомъ *μάχαρα*, въ Санскритскомъ *makha* (*macellum*). Находя одно и то же слово въ первообразѣ и въ производномъ видѣ во многихъ языкахъ Индоевропейскихъ, не мудрено ожидать его и въ нарѣчіяхъ Славянскихъ. И дѣйствительно мечи были у Славянъ издавна. Они были въ обычаѣ у Славянъ Дунайскихъ, нападавшихъ на Византійскую Имперію въ VI—VII вѣкѣ, и Лаврета, вождѣ Славянъ, не желая покориться Аварскому хану, отвѣчалъ посламъ его: „Мы привыкли у другихъ отнимать земли, а своихъ никому не позволимъ отнять, пока будутъ на свѣтѣ война и мечи.“ Мечами вооружены были Славянскіе оруженосцы калифовъ Кордуанскихъ (Conde, Hist. de la domination des Arabes en Espagne, I. 382), бывшіе у нихъ въ службѣ съ начала IX вѣка и вывезенные съ востока. Въ Старославянскомъ находимъ мечь въ древнемъ переводѣ Евангелія на мѣстѣ Греческаго *μάχαρα* (Лук. XXII. 52). Мечь былъ въ употребленіи у древнихъ Чеховъ, Поляковъ, Балтійскихъ Славянъ: такъ напр. въ Чешской пѣснѣ (IX—X вѣка) о судѣ Любуши упоминается *með křivdu kařajuci*, какъ орудіе суда. Лужицкіе Сербъ до сихъ поръ поютъ въ своихъ пѣсняхъ о мечѣ, какъ орудіи кавни и повторяютъ ту же пословицу, что и мы: „повинную голову мечъ не

сѣчетъ.* У Словаковъ, такъ же какъ у Русскихъ, рассказываютъ въ сказкахъ о чудесахъ меча-кладенца.

— Мыто такъ хорошо подошло къ Готескому *mota*, древне-Нѣмецкому *mutha*, нов. Нѣм. *Mauth*, и мытарь къ Готескому *mota-reis*, что и ихъ трудно было выкинуть изъ числа Германскихъ. И однако эти слова распространены по всему пространству земель, занятыхъ Славянами, и вовсе не съ тѣми только значеніями, которыя бы можно было ожидать отъ нихъ, какъ отъ занятыхъ изъ чужого языка. Въ однихъ Старославянскихъ рукописяхъ мыто встрѣчается какъ синонимъ словъ: иѣвникъ, приобретатель, жита, мзда, мышель, даръ; въ Сербскомъ и Болгарскомъ оно употребляется въ смыслѣ дара, поклона; въ Хорутанскомъ въ смыслѣ займа; въ Чешскомъ и Словацкомъ въ смыслѣ вознагражденія, процента и въ смыслѣ вѣски, лѣсной границы; въ Лужицкомъ — въ смыслѣ вынужденнаго дара, пошлины, и т. д. Въ словѣ мыто соединились значенія и древ. Германскаго *mota* = *mutha*, и Греческаго *μωτός*, и Готескаго *mirdo*, и Шведскаго *mutha*, и Халдейскаго *middah* (*tributum*), и Санскритскаго *mitis* (*limen*). Замѣчательно при этомъ, что вездѣ въ этомъ словѣ удержалось и (или и, его заимствованное), и что кое-гдѣ, напр. въ нарѣчіяхъ Хорутанскомъ, Хорватскомъ, Лужицкомъ, вмѣстѣ съ этимъ словомъ есть и Нѣмецкое *mutha* = *mota* въ смыслѣ *Mauth*, *Zoll*. Замѣчательно также, что въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, напр. въ Сербскомъ и Чешскомъ, отличаются мытъ и мыто. Въ Хорутанскомъ мытарь — наемный пастухъ; въ Словацкомъ и Чешскомъ мытникъ — сторожъ. Въ Литовскомъ есть также слово *mutas*, въ Летскомъ *mutha* и *metteklis*; въ Латинскомъ — *mutagium* = *muticulus*, и т. д. Нѣтъ почти ни одного народа Индоевропейскаго, въ которомъ бы не было корня слова мыто хоть съ однимъ изъ значеній, съ которыми оно попадаетъ въ Славянскомъ. Напрасно слѣдовательно относить это слово къ числу Германскихъ.

— Навъ, навье. Приведе Янка митрополита Іоана скопчину, его же видѣвшие люди вси рекоша: се навье (по другому списку: мертвецъ) пришелъ; отъ года бо до года пребывъ умре. (Пов. вр. л. 1089). Предивно бысть Полотскѣ: въ мечтѣ имъ бываше въ нощи тугѣнъ, станаше по улицѣ, яко чловѣци рещюще бѣси: аще кто выгѣваше ис хоромини, хотя видѣти, абѣ уязвенъ будяше невидимо отъ бѣсовъ яввою, и с того умираху, и не смяху излѣзати ис хоромъ; посемъ же начахъ в дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако

уязвляху люди Полоцкѣ... тѣмъ и челоуѣди глаголаху, яко навѣе бѣху Полоцѣани (Пов. вр. л. 1092). Яко и навѣ изъ гроба исходящи (Іоаннъ Экзархъ. 137)". Въ Готескомъ есть *paus pl. navcis*—мертвецъ, трупъ, *navis*—мертвый, *navistr*—могила, *gapanivist-gon*—погребать: слѣдовательно, заключено было, наши навѣ и навѣе взяты изъ Германскаго. Но и Германскіе филологи оканчивали до сихъ поръ свои изысканія о *paus* и пр. вопросами и сомнѣніями,—и въ Летскомъ есть *nahwe*—*mors*, *nahwigs*—*mortiferus*, *veneposus*, *nahvet*—*pesage*,—и т. д. Въ Чешскомъ нынѣшнемъ очень употребительно *upawiti se*—устать¹⁾; въ древнемъ Чешскомъ *upawiti* значило умертвить (*mlatem upawí. Star. Sklad. II. 225*), а *nawa* и *naw* смерть:—*jiti do nawy* или *do nawi*—умереть (*oba odesli do nawy a pohrebeni jsou. Hajek, 23; potom Krok jide do nawi. Dalimil, 3*). И *naw*, *nawa* значило то же что *lod'*—ладья, корабль, (сравни. Санскритское *nāus*, Греческое *ναῦς*, Латинское *navis*, Французское *nef*, Готеское *nota*, Кельтское *nawí*), такъ что *jiti do nawy*—умирать—употреблялось какъ будто въ переносномъ значеніи. Кстати вспомнить Русскій обычай погребенія, описанный Ибнъ-Фодланомъ: обрядъ сожженія мертваго, столь общій и у Славянъ, и на всемъ сѣверѣ, происходилъ въ лодкѣ²⁾).

— Нети. „Слуды (сълъ) Игоревъ нети Игоревъ... Прастѣнъ (сълъ) Акунь нети Игоревъ“ т. е. Слуды посолъ Игоря, нетія князя Игоря... Прастѣнъ посолъ Акуна, нетія князя Игоря. (Дог. Игоря): первый нетій, Игорь, поставленъ на четвертомъ мѣстѣ, послѣ в. к. Игоря, сына его Святослава и жены его Ольги; второй—на одиннадцатомъ, послѣ нетія Игоря, и какихъ то Володислава, Передѣславы, Сфандры, Турдуви, Фаста и Сфирька. Въ Никоновской лѣтописи объясненъ смыслъ слова: „Волкъ же служи царю Мусулемаку съ нетіи своими, рекше съ сестреничи“, по нынѣшнему съ племянниками. Въ Нѣмецкомъ племянникъ — *Neffe*; слѣдовательно, оставалось вѣрить, что нети есть слово, занесенное къ намъ съ Германскаго сѣвера. О томъ, что въ древнемъ Сѣверномъ слову нети соотвѣтствуетъ *nefi* со смысломъ *frater*, *ramus familiae* и *nift*—съ значеніемъ *soror*, *sponsa*, *puer*, *pupia*, *pupha*, не было думано. И между тѣмъ стоило подумать, а вмѣстѣ и о томъ, что Нѣмецкимъ *Neffe*, *Nichte*, соотвѣтствуютъ Французскія *neveu*, *niece*, Латин-

¹⁾ Унавестися кажется производнымъ отъ нѣти.

²⁾ Между языческими божествами Польскими у Длугоша стоитъ *Nia=Nya=Pluto*.

скія *peros*, *peris*, Греческія ἀναφίος, ἀναφία¹⁾, Санскритскія *parat*, *partri*, Русскія нева, невѣста, невѣстка. Не надобно было также забыть, что слово *нетякъ* живетъ до сихъ поръ на всемъ югозападѣ Славянскомъ, у Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ, Хорутанъ, означая племянника. Можно было также замѣтить, что *неги* = *не-теръ* (срав. *мати* — *матеръ*, *дочь* — *дочеръ*) въ женскомъ родѣ, какъ *filola*, записано въ Чешскія глоссы Вацерада (XII вѣка), и т. д. Здѣсь же кстати вспомнить и Рус. слово *нѣтчикъ*, употребляемое въ статейныхъ спискахъ въ значеніи чего то въ родѣ боярскаго сына. Соображая все это, нельзя было бы, кажется, не отречься отъ мысли, что *неги* зашли къ намъ съ Варягами, если бы даже и не помогло другое соображеніе, что въ языкѣ, ядревле богатомъ названіями разныхъ родственныхъ отношеній, еще не утратившемъ своего древняго богатства, не могло не быть слова для выраженія понятія о племянникѣ.

— *Обелъ* = *обль*, *обель* = *обль*, *обельный* = *обльный*. Слова эти встрѣчаются въ Русской Правдѣ: „аже закупъ (наемный слуга) бѣжитъ отъ господы (отъ хозяйки), то *обель* (= *обель* — прилагательное). Продастъ ли господинъ закупа *обель* (нарѣчіе), то наймиту (т. е. закупу) свобода во всѣхъ кунахъ“. Для объясненія значенія важно мѣсто объ *обельномъ* холопствѣ: „Холопство *обелное* трое: 1) Иже кто хотя купить до полугривны, а послухи поставить, а ногату дать передъ самимъ холопомъ. 2) А второе холопство: поиметь робу безъ ряду; поиметь ли съ рядомъ, то како ся будетъ рядилъ на томъ же стоять. 3) А се третье холопство: тивунство безъ ряду, или привяжетъ ключъ къ себѣ безъ ряду; съ рядомъ ли, то како ся будетъ рядилъ, на томъ же стоять“. Не трудно догадаться, что *обелъ* = *обль*, *обельный* холопъ значитъ полный, безусловный невольникъ. Слово *обль* и до сихъ поръ употребляется въ смыслѣ круглый и въ Русскомъ, и въ другихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ: по Хорватски слово *obel* значитъ не только круглый, но цѣлый, полный; въ Польскомъ *obel* есть нарѣчіе, означающее то же, что *zipełnie*, *całkiem* — вполне, совершенно. Смѣшеніе понятій о круглотѣ и цѣлости, полнотѣ очень естественно: такъ въ Русскомъ говорится и теперь круглый сирота — вмѣсто совершенный, полный сирота, кругомъ виновать — вмѣсто вполне виновать; такъ и въ Нѣмецкомъ *rund heraussagen* — высказывать все вполне, Англ. *all the year*

¹⁾ Ср. Готе. *nippis*.

round=круглый годъ. Тотъ же корень съ тѣмъ же смысломъ повторяется въ древнемъ Фривскомъ: beil, bele = нов. Фрив. bel ¹⁾).

— Огнищанинъ сравнивали съ сѣвернымъ Германскимъ Eigíngandin, Eíngandin — possessor, тогда какъ уже Карамзинъ замѣтилъ Русское слово, отъ котораго оно произошло: „Имя огнищанъ, сказалъ онъ, произошло въ глубокой древности отъ слова огнище или очагъ, знаменовало гражданъ домовитыхъ, и наконецъ образовалось въ названіе житыхъ людей (II, прим. 67). Слово огнище — огниско обще всѣмъ Славянамъ безъ исключенія: въ Польскомъ и Лужицкомъ оно значитъ, между прочимъ, домъ, жилище, какъ во Французскомъ foyer, въ Нѣмецкомъ Rauch (срав. дымъ вмѣсто домъ, хозяйство: вдаша Поляне Коваромъ отъ дыма мечъ). Въ Чешскомъ древнемъ было и слово огнищанинъ — ogníšćenín: Вацерадь, въ своихъ глоссахъ на Mater verborum (XII вѣка), объясняетъ его такъ: libertus, cui post servitium accedit libertas. Не то значеніе имѣлъ огнищанинъ въ древней Руси: въ Русской Правдѣ Ярославичей ему дано мѣсто рядомъ съ тѣми, за смерть которыхъ платилась полная вира 80 гривенъ, рядомъ съ княжимъ тивуномъ, старшимъ конюшимъ и т. п.; во всякомъ случаѣ это былъ свободный человѣкъ, владѣтель дома, хозяинъ (срав. Чеш. chasa, Итал. casa, Нѣм. Haus), то же, что Сербскій старшій кутянинъ (кутя=Старослав. куца—домъ) и доматинъ (отъ домъ).

— Оружіе производилъ Шафарикъ отъ Англо-Саксонскаго aghvus; но неправильность этого производства замѣтилъ даже нѣмецъ Дифенбахъ, полагая, что скорѣе aghvus есть Славянское, занятое Саксонами, чѣмъ напротивъ, и что для этого слова вѣрнѣе всего искать корня въ Славянскомъ рѣд = рад: рядить, орудовать, сооружать и т. д. (См. Vergleich. Wörterbuch der Goth Sprache. I. 72). Происходя отъ этого корня, оружіе (Пол. oręż) могло прежде означать всякій инструментъ вообще, всякое снадобье въ домашнемъ быту: такъ и посуда, выражая это общее понятіе, въ Бѣлорусскомъ употребляется въ смыслѣ ружья.

— Смердъ=сирьдъ—нашло себѣ подобное на сѣверѣ въ smaerd—homo pauci: smār значитъ малый, smaerri — меньшій; a smíðr — жиръ, масло, сало. Въ среднемъ Латинскомъ извѣстны smirdones, smerdones. Въ Кельтскомъ нарѣчій Валлисскомъ smírt и smílt—

¹⁾ Obelua. Maciejow. Dzieje pierw. 599—600.

нищій, попрошайка. Во Фріульскомъ *smarda smardina* — лѣнивая, неуклюжая служанка. Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ всюду извѣстенъ корень *смрьд*: между прочими словами отъ него произошло — въ Польскомъ Капубскомъ *smird* — бѣдный селянинъ, въ Чешскомъ *smrdoch* = *smrad'och* — скрота, въ Сербскомъ и Хорватскомъ *смрьдель* — *homo inurbanus, rudis*.

— Теремъ. Подъ 945 годомъ (во время Ольги) читаемъ въ лѣтописи „бѣ въ града (Кіевскаго) дворъ другой, идѣже есть дворъ Демьстиковъ, за святою Богородицею надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ камень“ (Пов. вр. л.). Подъ 980 (во время Владимира) упоминается и о дворѣ теремномъ Святослава: „Владимиръ вышедъ въ дворъ теремный отень, о немъ же прежде сказахомъ, сѣдѣ ту съ дружиною своею“ (Пов. вр. л.) и пр. Инымъ казалось, что терема занесены къ намъ Варягами, что теремъ то же, что *thurg, turn, torn, tower*. Что корень этихъ словъ одинъ и тотъ же, это допустить еще было возможно: его же встрѣчаемъ и въ Греко-Латинскомъ *turgis* = *tursis*, и въ Романскомъ *torre* = *tour*, и въ Кельтскомъ *tor* = *twr*; но изъ этого еще нельзя заключать, что куда бы то ни было занесли его Нѣмцы. Въ Русскомъ отъ Нѣмецкаго *thurg* произошла тюрьма, а не теремъ. Что же касается до слова теремъ, то, мнѣ кажется, оно должно быть отнесено къ числу самыхъ древнихъ принадлежностей языка Русскаго вмѣстѣ съ другими Славянскими нарѣчіями. Въ западныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ слово теремъ должно звучать *трѣмъ* = *тримъ*, *тремъ* — *трѣмъ*, по общему правилу равенства двухъ Русскихъ *е*, обставляющихъ *р* или *л*, одному западному *ѣ* = *и* = *е* = *ѣ*. И въ Сербскомъ нарѣчій, въ самомъ дѣлѣ, находимъ треме од сламе — *tuguria paleis tecta*, у Сербскихъ писателей *трѣмке* у три реда високе — *trichoga*, трехъ-ярусные домики. Кто усумнится въ томъ, что у древнихъ Славянъ были аданія болѣе, чѣмъ въ одинъ ярусъ, тотъ можетъ взглянуть въ лѣтопись Саксона Грамматика, современника разрушенія языческихъ храмовъ на островѣ Руянѣ, что нынѣ Рюгенъ, и тамъ найдетъ, что въ городѣ Кореницѣ, пустынномъ во время мира и наполнявшемся во время нападенія враговъ множествомъ народа, строимы были на скорую руку дома въ нѣсколько ярусовъ, такъ что они выглядели изъ-за городскихъ укрѣпленій. Теперь для насъ слово теремъ нераздѣльно съ воспоминаніемъ о жизни нашихъ царей въ Москвѣ Бѣлокаменной; но и теперь простой народъ еще строитъ свои теремки надъ клѣтками, никакъ не мечтая о Нѣмецкихъ турмахъ, такъ же, какъ не мечтавъ о нихъ и Владимиръ Мономахъ, желая

поставить надъ мошами Бориса и Глѣба среди церкви „теремъ се-ребренъ“ (Ипат. лѣт. 202), или архіепископъ Новгородскій Іоаннъ, поставя теремецъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ обыкновенно освящали воду (Новг. II-я лѣт. стр. 135).

— Якорь. Слово это считали перенесеннымъ къ намъ Вара-гами Скандинавскими, потому что въ Германскихъ нарѣчіяхъ есть *akkēri* = *ansog* = *onsg* = *ankar*, и т. п. Но почему же заняли мы его не у Грековъ, которыми ѿхора была не менѣе извѣстна, или не у Римлянъ, у которыхъ также *dente tepase ansoga fundabat naves* (Virg. VI. 3), или не у Литовцевъ, которыхъ боги сами себя ковали *enscuris*?.. Правда, что у Славянъ западныхъ слово якорь замѣнено теперь другими, каковы, напр., котва, мача, мачка, сидра = шидро; впрочемъ, не совсѣмъ забыто. Такъ, между прочимъ, въ Хорват-скомъ и Хорутанскомъ оно произносится съ привукомъ *l*: *lepgog*. У Сербовъ *јакра* отдалилась отъ коренного смысла, означая лотъ для удержанія глубины; но въ пѣсняхъ еще повторяется и *јекар*, въ смыслѣ якоря:

Паде магла у приморје равно;
А кад пала, ладју вила спрема,
Ладју спрема и јекар извади,
И напина једра од мараме
Те на море синје одкренула.

Слово *јекар* употребляется Сербскими и Хорватскими моряками еще въ смыслѣ каната для привязки судовъ къ берегу. —

Кромѣ словъ, здѣсь разобранныхъ, въ число занятыхъ отъ Вара-говъ Скандинавскихъ ставили еще городъ (срав. Западн. Слав. градъ, гродъ, Готл. *gards*, Греч. *χόρτος*, Лат. *hortus*, Армян. *ker*); грузъ (Западн. Слав. грѣз = граз = грѣз...); дружина (будто бы буквальный переводъ Норманскаго слова *fellag*, и между тѣмъ общее почти всѣмъ Славянамъ въ томъ же смыслѣ); колоколъ (отъ корня *кляк* = *клякъ*; срав. Серб. *клепати*, *клекало* — *tabula sam-рапае лосо*, Чеш. *klekani* — звонъ, и пр.); котлы (общее всѣмъ Сла-вянамъ; срав. Греч. *κοτύλη*, Лат. *catillus*); купецъ (общее всѣмъ Славянамъ; срав. Греч. *καπηλος*, Лат. *сауро*); лодья = ладья (общее всѣмъ Славянамъ); мужъ (Старослав. *мѣжъ*, Польск. *meż*, Хорут. *шоѣ*, Болгар. *мѣжъ* въ тѣхъ же смыслахъ что и по-Русски); стягъ (въ Западныхъ Слав. нарѣчіяхъ *стагъ*, *стегъ* то же что и по Рус-ски *хоругвь*, знамя; холопъ (общее всѣмъ Славянамъ въ формахъ *хлѣпъ* = *хлопъ* и т. п.; срав. Лит. *kalps* — слуга, *klapas* — паренъ;

а въ древнемъ Сѣверномъ kalfr то же что теперешнее Нѣмецкое kalb—теленокъ); цѣжъ (общее всѣмъ Славянамъ въ формахъ цѣд=цид=цад, и пр.); челядь (общее всѣмъ Славянамъ), и т. п. Я позволилъ себѣ не останавливаться на нихъ, какъ на не требующихъ объясненій въ защиту ихъ не Германскаго происхожденія. За исключеніемъ всѣхъ этихъ словъ, останется около десятка словъ, происхожденія сомнительнаго, или дѣйствительно Германскаго, каковы напр. тивунъ, шильникъ, ябетникъ, и если по нимъ однимъ судить о степени вліянія Скандинавскаго на нашъ языкъ, то нельзя не сознаться, что это вліяніе было очень слабо, почти ничтожно. Да если бы принять въ расчетъ и всѣ слова, ставимыя въ число Скандинавскихъ, то и тогда бы нельзя было назвать этого вліянія важнымъ: полъ сотни словъ въ языкѣ, гдѣ было ихъ по крайней мѣрѣ десять тысячъ, такая небольшая доля, которая можетъ перейти отъ одного народа къ другому даже и безъ непосредственныхъ ихъ связей, а черезъ постороннихъ сосѣдей...

II.

(стр. 28).

«Особенно поучительны для Русскаго филолога памятники Чешскіе, Хорватскіе и Сербскіе XIII—XIV вѣка, какъ памятники нарѣчій, до сихъ поръ живущихъ и уже однако во многомъ измѣнившихся: изъ нихъ ясно видно, что значить смѣшеніе формъ древнихъ и новыхъ и постепенное угасаніе первыхъ. Сравните формы этихъ памятниковъ съ формами памятниковъ позднѣйшихъ, — и увидите, какъ наконецъ многія древнія формы совершенно угасли» и пр.

Представляю здѣсь нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе этого замѣчанія.

А. Памятники Чешскіе.

I. Отрывокъ изъ Чешскаго Евангелія (по Сторѣльскому списку IX—X вѣка)—въ подлинникѣ и въ чтеніи, сравнительно съ Старославянскимъ переводомъ (по Остромировскому списку XI вѣка) и съ позднѣйшими Чешскими переводами: а) XIII—XIV вѣка (по Дрезденскому списку) и б) XVI вѣка (по Библии Чешскихъ братьевъ, 1593 года).— Іоанна XII: 19—28.

— 19. Parisgi se rehu c zobezim uđdite iaco nice ne sprinithom ai mir uez po nem ide.

Парисем же рѣху к собѣсимъ: видѣте, іако ниче не прочиниѣмъ, аи миръ <i>весь</i> по нѣмъ иде.	Фарисем...прекошахъ себѣ: видѣте, іако никака же польза естъ, се въсьмиръ по нѣмъ иде.
---	--

a) Tedy duchownyci mluwiechu sami k sobie: widyte że *nycas* ne prospiegem, tot sie gest wesskeri swiet po nem obratili.

b) Tedy Faruzeowé prawili mezy sebau: widite, że nic ne prospwáte: ay wsecken swét postaupil po ném.

— 20. Behu bo pogane neteri iz nih ise ustupihu abihu ze polonili u den zlawě.

Бѣху бо погане нѣтери изъ нихъ, <i>иже</i> вступиху, абыху съ поклонили въ день славенъ.	Блахъ же Елини нѣци отъ въшьдѣшнихъ, да поклонатъсѣ въ правдыниѣхъ.
--	---

a) Y biechu tu nyekterzy pohansszy z tych gessto biechu przissli na den slawni poklonu.

b) Byli pak některj R'ekowé z těch, kterjž přichnazýwali, aby se modlili w swátek.

— 21. Zi se pristupihu c Pilippu ien se be ot Bethsaini Galiled i prozihu iei recuce pē hcemi ihs uideti.

Си же приступиху къ Филиппу, <i>иже</i> бѣ отъ Беосанды Галилеѣ, и просяху кѣ рекуце: пане, хцѣмъ Іесусъ видѣти.	Си же пристѣпиша къ Филипу, <i>иже</i> бѣ отъ Видѣсанды Галилеискыѣ, и молахъ и глаголахъ: Господи, хощѣмъ Иісу видѣти.
--	---

a) Protoż ty przistupichu k Philipowi *genz* biesse z Bethzaydy Galileyske, y prosiachu geho rzkuce: Pane rady bychom Gyezysse widyeli.

b) Ti také přistaupili k Filipowi, kterjž byl od Betsaidy Galilegské, a prosili ho řkauce: Pane, chtěli bychom Gežjse widěti.

— 22. Jde Pilipp i rece Andreiu. Andrei paki i Pilipp recosta Jhu.

Иде Филиппъ и рече Андрею, Андрей <i>намы</i> и Филиппъ рекоста Іесусу.	Приде Филипъ и глагола Андрею, и пакы Андрей и Филипъ глаголаста Иісови.
---	--

a) Przissed Philip powiedye Ondrzeegewi. Pak Ondrzyey y Philip powiedyesza Gezyssowi.

b) Prišel Filip a powěděl Ondřegowi, Ondřeg pak a Filip powěděl Gežjśowi.

— 23. Ihs otucece ima reca pride godina at ozlani zę zin chlouech.

Иесусъ отвѣща има река: приде година ать ослани сѣ сынъ чловѣчъ.

Иісъ же отвѣща има глагола: приде година да прославитьсѣ сынъ чловѣчскыи.

a) Tehdi Gezyss odpowledye gym rzka: przissla gest hodyna aby byl ozraczen syn czlowiecsy.

b) A Gežjś odpowědel gim rka: Prišlat' gest hodina, aby oslawen byl syn člowěka.

— 24. Ueru ueru prauu uam ach zreno sitno padse u zemu umo-relo bude ze zamo ostanet ach li umrelo bude uele ploda prineze.

Вѣру, вѣру, правю вамъ, ачъ зръно житно падше въ землю умрѣло (не) буде, се само остане; ачъ ли умрѣло буде, веке плода принесе.

Аминѣ, аминѣ, глаголю вамъ, аще зръно пыщеннично падѣ въ земли не оумрѣть, то кдино прѣбываетъ; аще ли оумрѣть жьного плодъ сътворить.

a) Wiernye, wiernye, prawi wam, gedyne acz zrno obilne padna w zemi ne umrze samo gedyne ostane, a pakli umrze mnohy uzytek przinese.

b) Amen, amen, prawjm wam, zrno pšenické padna w zemi ne umře li, ono t' samo zustane; a pak li t' umře, mnohy užitek přinese.

— 25. Cto lubi dusu zwoiu preda iu i cto ne nauidi dušę zwoie u zamzuete u sluot uecen strese iu.

Ето люби душу свою, прѣда ю, и кто ненавиди душе свои въ семь свѣтъ, въ животъ вѣченъ стрѣже ю.

Любан доушѣ свои погоубить и и ненавидан доуша свои въ мирѣ семь, въ животѣ вѣчнѣмъ съхранить и.

a) Kto swu dussi miluge, ztraty gi, a kto nenawidy swe dussie na tomto swietye, na wieczni zywt ostrzyeha gye.

b) Kto ž miluge duši swau, ztrati t' gi; a kdož nenáwidi duše na tomto světě, k životu věčnému ostrjha gi.

— 26. Ach cto mne zlusi mene zledui i idese iezū iaz tut i zluga moi bude, ach cto mne pozlusi pocesti iei otec moi.

Ачь кто мнѣ служи, мене слѣ-
дуй, и идеже ксѣмъ гдѣ, тутъ
и слуга мой буде; ачь кто мнѣ
послужи, почысти къ отецъ мой.

Аще кто мѣнѣ служить, по
мѣнѣ да ходитъ, и иде же азъ
къ мѣ, тж и слуга мой бждетъ;
аще кто мѣнѣ служить, почъ-
тетъ и отць.

a) Ktož mnye posluhuche nasleduy mne, a kde gsem ya
tudyez bude y moy sluha, ktož mnye posluhuche uczty gey moy
otecz.

b) Slauží li mi kdo, následug ž mne, a kdež gsem gá, tut' y
mug služebnik bude, a budeli mi kdo slaužiti, počtj' ho otec mug.

— 27. Nine dusa moja zmucena jesti i ce recu: otce zpaži mę iz
tej godini a proto prideh u tu godinu.

Нынѣ душа моя смущена ести,
и че реку: Отче, спаси ми изъ
той години? А прото придежъ
въ ту годину.

Нынѣ доуша моя възмжтеса и
что рекж: Отче спаси ма отъ
годиниы сѣя? Нъ сего ради при-
дохъ на годинж снж.

a) Gyz ma dusse zarmutila sie gest a cuso rzku: otcze spas
mie z teto hodyni, a proto gsem przissel w tuto hodynu.

b) Nynj duše má zkormaucena gest, a což djm: Otče, wys-
wobod' mne z této hodiny? Ale proto sem přišel k hodině této.

— 28. Otce, ozlaui zuote ime pride se glaz z nebe i ozlauih i
opeti ozlaui.

Отче, ослави свок имк. Приде
же гласъ съ небе: и ославилъ я
опкты ославю.

Отче, прослави има твою. Приде
же гласъ съ небесе: и прославихъ,
и пакы прославлю.

a) Otce ozracz swe gmię. Tehdi przygyde hlas z niebie: u
ozraczil gsem y gesscze ozraczi.

b) Otče, oslawiż gméno swé. Tedy přišel hlas s nebe, řkaucy:
y oslawil sem, y gęste oslawjm.

II. Чешская пѣсня «О robiti Sasikow» (изъ Бржезловской
рукописи XIV вѣка), сравнительно съ новымъ переводомъ
В. В. Ганки.

— Aj ty slunce, aj slunečko! ty listi žalostiwol!
Čemu ty swětis na nu, na bedne ljudi?

Aj ty slunce, aj slunečko, ty li jsi žalostiwol!
Čemu ty switiš na nas na bídné lidi.

— Kdě jest knez, kde ljuď nař branny? K Otě daleko zajel.
Kto *ny* wrahom wytře, *sira* vlastice!

Kde jest knĕze, kde lid nař branny? k Otě daleko zajel.
Kdo tě nam od wrahuw wytrhne, osiřela vlast.

— Dluhym tahem Němci tahu, a su Němci Sasici,
Ot Zhořelskych dřevnych hor w nař krajiny.

Dlauhym tahem Němci tahnou a jsou Němci Sasici,
Ot Zhořelskych dřevnych hor w nař krajiny.

— Dajte, nebožatka, dajte střebró, zlato, zbořice,
Paky wam *wyšehaju* dwory, *chyřice*.

Dejte nebožatka dejte, střebró, zlato, zbořice,
A pak wám wypaleji dwory, chalupy.

— A wřecko nam *wyšehachu*, střebró, zlato pobrachu,
Howědce *otehnachu*; dale k Troskam *idu*.

A wřecko nám wypálili, střebró, zlato pobrali,
Howada odehnali; dale k Troskám šli.

— Ne tuřte, kmetě, ne tuřtel juř wam trawicka wstawa,
Tako dluho stupana cuzim kopytem.

Ne tuřte, kmeti, ne tuřte, jiř wám trawicka wstawá,
Tak dlouho stupaná cizim kopytem.

— Wijte wěnce z polskych kwetow swemu wyprostiteľju!
Osenje sje zelena, proměnje sje *wsje*.

Wijte wěnce z polnich kwetuw swěmn wyprostiteli.
Oseni se zelená; proměni se wřecko.

— *Ruce* sje (wsje) proměniře. *Ajta* Beneř Hermanow
Tamo ljuď w hromadu zwe protiwo Sasikom.

Rychle se wřecko proměnilo. Ai tu Beneř Hermanuw
Tamo lid w hromadu zwe proti Sasikum.

— Shlučechu sje kmetsti ljuďe w lěse pod hrubu skalu.
Wřak za oruřje imě cep protiwo wrahom.

Shlukli se tu sedlřti lide w lese pod Hrubou skalou.
Kařdy za zbranĭ jal cep proti wrahum.

— Beneř, Beneř w předu jede. Za njem wes ljuď drařliwy
Pomstu, pomstu wola *wsjem* Sasom plenjućim.

Beneš, Beneš, w předu jede. Za nim wes lid dražliwy,
Pomstu, pomstu wola wšem Sasum plenicim.

— Ajta hněwi uchwatichu krutostju obě straně,
Wzburichu sje w utrobach rozezlených muž.

Ajtu hněwy uchwátilli krutostí obě strany,
Wzbouřili se w wnitřnostech rozezlených muž(w).

— Rozohnichu zraky jeju proti sobě strašiwu.
Wstanu kyji nad kyje, kopje nad kopje.

Rozohnili oči jeich proti sobě strašiwě.
Wstanou kyje nad kyje, kopí nad kopí.

— Srazistě tu obe straně, jakž by les w les sje walil.
Jak blesk hromu po nebi, tako blesk mečew.

Srazili tu obě strany, jakž by les se walil.
Jak blesk hromu po nebi, tako blesk meču(w).

— Wzezwuče skřek hrozonosny. Poplašil wes zwěr lěsky,
Wšě nebeska letadla až po třetí wrch.

Zezwučel křik hrozonosny. Poplašil wši zwěr lesní,
Wšěcko nebeské ptactwo až po třetí wrch.

— Rozleha sje po uwalech ot Skalnatých hor —
Tu raz kyjew tu mečew, jak kot wetchych dřew.

Rozleha se po údolích ad Skalnatých hor —
Tu raz kyju(w), tu meču(w), jak kot starých dřew.

— Tako stasta obě straně proti sobě bez hnutja
Na zasazenú patu, na pewnu lítku.

Takto staly obě strany proti sobě bez hnutí
Na zasazených patách, na pewných lejtkách.

— Obrati sje Beneš wzhoru, kynu mečem na prawo, tamo sje
sila hrnu,
Kynu na lewo, i w lewo buři se sila.

Obratil se Benes wzhoru, kynul mečem na prawo, tam se sila
hrnula.

Kynul na lewo, i w lewo bouřila síla.

— Ot zad na skalnaly lom,
Jz loma wšě kamenje na Němce wrhu.

Od zad na skalnaty lom.

A z lomu wšě kamení na Němci wrhou.

Jde potka s chluma w rownѣju, i by Němcem upjěti,
Bylo Němcem prnuti — i pobitje jim.

Jde putka s chlumu w rowni, i bylo Němcum upěti,
Bylo Němcum prchnouti — i pobití jim.

В. Памятники Хорутанскіе и Хорватскіе.

— Отрывокъ изъ Хорутанскаго Евангелія (по Любянскому глаголическому списку XIV вѣка) и Хорватскаго (по Задрскому списку XIV вѣка) сравнительно съ двумя переводами Трубера: а) Хорватскимъ Кириловскимъ (Тюбинген. печати 1553 г.) и б) Хорутанскимъ (Тюбинген. печати 1557 г.) и съ двумя новыми: 1) Хорутанскимъ Япеля и Кумердея и 2) Хорватскимъ Миклоушича. Луки, XXIV: 13—35.

— 13. Два ихъ въ онъ днь грѣста въ каштель, ки би шестдесеть стадий *въдалъ отъ* 'Ерусалима, кму же име Емаусъ.

— Д'ва оученика Исоусова бѣста идоуща в'днь ть в'всь от-
стокчу стадин 60 *въдалъ* от Еросолима, ки же име Емаоусъ.

а) Да удъ н'нихъ гредяхота шнь исти дан' в каштель, ки
бише далеко стадин шестдесеть ѿ крѣсолима, именовъ Ем-
маѹсъ.

б) Dua is-sh nich gresta na ta isti dan u en cashtel, kir se
imenule Emaus, kateri je bil od Jerusalema shestdeset moshkih
wshttrizhtekou delezh.

— 1) Dva is njih sta ravnu ta isti dan shla v'en tèrg s'i-
menam Emaus, kateri je bil shestdeset tekovnih ogradow od Je-
rusalema delezh.

— 2) Dva zmed vuchenikov Jesusseveh issli szu ov iszti den vu
kastel, kol na ssesztdeszset techajev dalko bil je od Jerusalema,
imenom Emaus.

— 14. Ино она говорѣста медъ собѣ о вьсемъ, каръ се к сьго-
дию.

— И она глаголахота мею собою о вьсемъ, ча се к припетяло.

а) И она говоряхота мею собомъ ота всихъ ки се бѣхоу
згодила.

б) Jnu sta vmei sebo perpouedala od vseh tich rizhi, kir so
se bile sgudile.

— Jnu ona sta med sabo govorila od vsiga tega, kar se je bilo zgodilo.

2) Y oni pripovedali su jeden drugomu od onih vszeh, koja su sje pripetila bila.

— 15. И би, да кадаръ она се себѣ говорѣста, ино се прѣпираста, самъ Исъ приближѣе шъ нима грѣде.

— И бистѣ, съговарающе се има мею собовѣ, самъ Исъ приближѣе нма иде ш нима.

a) И згоди се зговарающе тере мею собомъ ищѣи, да самъ Исъс приближавише гредише ш'нима задино.

b) Jnu pergudilu se ie, kadar sta taku marunovala, inu eden drusiga isuprashovala, Jesus se tudi k nima perblisha, inu gre sh nima.

— 1) Jnu pèrgodilu se je, kadar sta se pogovarjala, inu isprashovala, se je tudi Jesus k'njima pèrblishal, inu je s'njima shàl.

— 2) Y vchinyeno je, gda bi sje spomenykuvali, ter med szobum szpitavali, y szam Jesus priblisavajuchi issel je z s-pyimi.

— 16. Очи ста ю послѣни да га не спознаста.

— Очи же ю дрѣжаста се, да 'го не познаста.

a) И очи н'нихъ д'ржани бѣхоу, да га не познаста

b) Ampag nyu ozhi so bile dershane, de ga ne sta sposnala.

— 1) Nju ozhy pak so bile sadershane, de go nista sposnala.

— 2) A ochi nyihove zdersane su bile, dabi ga ne poznali.

— 17. И рече нма: кикъ суть бесѣде ваю, че имата медѣ себѣ грѣдѣчи, ино ста жалостна?

— И рече нма: чѣ соуть бесѣде си, ими же стезакта се мею собовѣ и кста дрѣсьма?

a) И рече к н'имъ: что сѣ ови зговори, ке мею собомъ складата ходещи, и кста жалостна?

b) Jnu on prau: k nima, kakoui so le ty vau sguuory, katere vmei sebo gredozh skladata, inu sta shalostna?

— 1) Jnu on je rekàl k'njima: kakushni so ti pogovori, katere imata med sabo na pòti, inu sta shalostna?

2) Y reche nyim: kakove szu to rechi, koje med vami imate, hodechi, ter szte shalosztni?

— 18. Отговоривъ едънъ, ки се зовеше Клеопа, рече кму: Ис-
сили ты тудънъ въ 'Ерусалими, имъ не чу, че се к въ нмъ те
дни сгодило?

— И отъвѣчъ едънъ, кмоужо име Клеопа, рече кму: ти ли
пришлъцъ кси въ Ерусалими и не чулъ кси о *бывшемъ* в немъ
в сик дъни?

а) И одговоривши едънъ ки се зовеше именоу Клеофасъ
рече кмѣ: ти самъ кси приш'лецъ въ крѣсолнмъ, и ниси по-
знал шна, ка чинкина ксѣ шндѣ ва овихъ днехъ?

б) Jnu ta eden odgovori, katerimu je bilu ime Cleofas, inu
pravi k nemu: Ti si sam vmei telmi ptulmi u tim Jerusalemt,
kir ne isti uedel, kakoue rizhi so se u tih dneih u nim sturile?

1) Edén pak, katerimu je bilu ime Kleophas, je odgovoril,
inu djal njemu: si ti sam en ptuj v' Jerusalmi, inu ni si sli-
shal, kaj se je te dni notri sgódlilu?

— 2) Y odgovorivssi jeden, komu ime je bilo Kleofas, rekel
je nyemu: Ti szi szam prihodnik vu Jerusalemu, y ne szi zve-
del, koja szu vu nyem vchinyena ove dneve?

19. Рече има: че? И рѣста кму: О Исусѣ Назарѣнинѣ, *имже*
бы прѣрокъ силнъ дѣломъ и словомъ прѣдъ богомъ и прѣдъ всѣмъ
людствомъ.

— Рече има: чѣто? Она же рѣста, *нже* о Исусѣ Назарѣнинѣ
не бистъ моужъ пророкъ, *силнъ дѣломъ и словомъ прѣдъ богомъ*
жп рѣдъ чки.

а) Кимъ шнъ рече: кага? и рекоше кму: шдъ Исуса Наза-
ранина, ки биеше мѣшъ пророкъ, могѣщъ дѣломъ и ричѣю прѣдъ
богомъ и прѣдъ всимъ пл'комъ.

б) Jnu on pravi nima: kakoue? Jnu ona nemu prauita: Od
Jesusa Nazarenskiga, kateri je bil en mosh prerok, mogozh s
teim dianem inu s to bessedo, pred Bogem inu pred usemi
ludmi.

— 1) On je rekal k'njima: kaj? Jnu ona sta djala: od Je-
susa Nazarenskiga, kateri je bil en prerok, mogozhen v'djanju
inu v'bessedi pred Bogam inu vsim ludstvom.

— 2) Kojem je on rekel: koja? Y rekli su: od Jesussa Nazarenskoga, koj je bil chlovek prorok zmosen vu chineh y recheh pred Bogom y vszem lyudztvom.

— 20. Како га прѣдаше архикрен и владыци наши на осужнѣнїи на смърть и пропеше га.

— Како и прѣдаше архикрен и кнези наши на осууженїи смърти и пропеше и.

a) И како га предаше архикрен и владавци наши на осуженїи смърти, и пропеше го.

b) Jnu koku so nega ty nashy visshi fari inu regenti isdali u tu ferdamnene te smerti inu so ga krysshali.

— 1) Jnu kakú njega vishi farji inu nashi oblazstniki v' obsojenje k' smerti isdali, inu so jega krishali.

— 2) Y ka su nyega prodali veliki popi y poglavuiki nassi na szkvarjenje szmerti, y raspeli su nyega.

— 21. Мы же упъвахомъ, яко онъ ксть, ки избави Израилѣ. Нъ за всемъ семъ третїи день к днѣмъ, каръ се к то съгодило.

— Мы же надѣвахомъ се, яко тѣ ксть хотѣи избавити Израилѣ. Нъ нинѣ надъ всемъ третїи юрь днѣ ксть чѣ се к било.

a) А ми се надѣвахомо, да к шнѣ ки имѣаше шдокупити Израела. А сада свѣрхѣ всихъ швихъ третїи данѣ к данасъ, да сѣ шва чиниша.

b) Mi smo pag se sauupali, de te on ta, kir bi imel ta Jsrael odreshiti. Jnu zhes letu use ie, danas ta trety dan, kar so le te rizhi sturiene.

— 1) My pak smo vupanje imeli, de bú on Israel odreshil: ali zhes vse tó je vse danas ta tretji den, ker se jetó sgodilu.

— 2) A mi szmo sze vufali, da bi on imel bil oszloboditi Izraela. Y vezda obérh vszh oveeh tretji je den denesz, da su ova vchinjena.

— 22. И жене мѣтере насъ всплахише ни, бывше утрѣ рано при гробу.

— Ну и жене ктерикъ ужасише ни, бывше рано оу гроба.

a) Да и нике жене шдѣ нашихъ омаише сѣ насъ, ке су биле въ утро рано при гробѣ.

b) Nas so tudi nekatere shene od tih nashih omamyle, katere so danas usgudobile per tim grobu.

— 1) So nass pak tudi ene shene is nashih vstrashile, katere so per grobi pred dnevam bile.

— 2) Da pache y nekoje sene zmed nassich jeszu nass pre-sztrassile, koje su pred szvetom bile pri grobu.

— 23. И не нашьдише тѣлесе нгговѣга, придоше говорѣице, яко и видѣньк аньель видѣше, ки говоре да живъ ксть.

— И не обрѣтъше тѣлесе нгговѣго предъ говореще, яко и видѣньк аньель видѣше, иже и говоритъ, да живъ ксть.

a) И не нападши тѣло нгово, придоше говорещи, да сѹ и ангелско виденьк видели, ки говоре да к ѿн живъ.

b) Jnu ne sso neshle nega telessa, te prideio inu prauio, de so one tudi enu videne tih angelou vidile, kateri so diali, de ie on shiu.

— 1) Jnu ker ni so njegovu telu neshle, so prishle inu rekle, de so tudi eno perkasen tih angelov vidile, kateri pravio, de on shiwy.

— 2) Y ne neyduche tela nyegovoga dossle su govoreche, da su y angyelszko vidyenye videle, kol su ga povedali da sive.

— 24. Идоше нектери насъ при гробу и наидоше тако, яко и жене рѣше, кю пакъ не видѣше.

— Идоше же ктерии насъ къ гробу, и обрѣту тако яко и жене рѣше, кю же не видѣше.

a) И поидоше никн ѿдъ напихъ ки с нами бѣхѹ ка гробѹ, тако ксѹ и ѿни напли, како жене бѣхѹ рекле, дали ннга ни сѹ видели.

b) Inu nekateri kir so s nami bili, ty so bili shli klakai h timu grobu, inu so neshli, koker so te shene prauile, ampag nega ne so vidili.

— 1) Jnu eni od nashih so h' grobu shli, inu so rawnu takó neshli, kakor so shene pravile, njega pak niso neshli.

— 2) Y odissi su neki zmed nasseh do groba, y onak su nassli kak su sene povedale, a nyega ne su nassli.

— 25. И тѣ рече има: О луда късьносръчне вѣрѹкче въ все, че говоре прѣроци.

— И тѣ рече к нима: О неспаметна и срцеѣмъ лѣна за вѣровати въ все, чѣ глаголетъ пророци.

а) А ѡнѣ рече к н'имъ: О ви безѣмни и лена с'рдца на вѣрованъѣ ва всихъ, ка сѣ пророци говорили.

б) Teda! on k nima reše: O ui neumni inu kasniga serza k uerovanu usimu timu, kar so ty preroki govorili.

— 1) Jnu on je djat knjima: O vy nespametni, inu kasniga serza k' verovanju v vsem tem, kar so preroki govorili.

— 2) On pak rekel je nyim: o norczy u kesznoga szerdcza na veruvanye vu vszeh oneh, koja szu govorili proroki.

— 26. Не ли было подобно, да утрпи Хсъ, и да тако възниде въ слава своя?

— Не тако ли подобаше, да пострадае Хсъ, нѣ да тако възниде въ славою свою?

а) Не бише ли потребно, да Кристоусъ ѡва трпи, тѣре в свое кралѣвство вниде?

б) Ne! li moral Christus terpeti lete rizhi, inu puiti noter u tu suie gospostuu?

— 1) Ali ny bily potrebnu, de je Christus to tēpēl, inu taku v' svojo zhasht shal?

— 2) Ne li bilo potrebno ova terpeti Kristussu, ter onak vleszti vu diku szvoju?

— 28. И придоше въ каштелъ, каморе идѣхста, а тѣ се чинѣше, да далеко иде.

— И придоше въ ѡсѣ, въ нѡуже идѣхота, и тѣ творѣше, да даль иде.

а) И приближашесе х каштелѣ, х кому гредиху. А ѡн се чинѣше дальк понти.

б) Jnu oni se perblishajo h timu cashtelu, kamer so shli, inu on se ie zhnil de hozhe dale poiti.

— 1) Jnu so se pērlishali k'tērgu, kamer so shli. Jnu on je dērshtal, kakōr de bi hotel dālej jiti.

— 2) Y prihadyali szu blizu k kastelu, kam szu issli, a on sze je yshnil dalye iti.

— 29. И просиѣ ста га говоречи: Остани съ нами яко при вечерѣ ти кѣтъ, ино дѣнь се вѣчь мнѣиде. И вѣиде Хсъ да шъ нима остаде.

— И поудѣахота и говоречи: *Влезѣ* съ нама, яко при вечерѣ кѣтъ, и прѣклониѣ се истъ дѣнь. И вѣиде Хсъ да съ нима *влезѣ*.

а) И присилише га говоречи: пребиваи с нами, кре се вечерѣ чини, и начинѣтъ кѣтъ данъ. И шъ вѣиде да шъ нима бѣде.

b) Jnu ona sta nega permorala, inu djala: ostanĭ per nama, sakai ushe na uezher gre, inu ta dan se ĩe naklunil. Jnu on gre noter de bi ostal per nima.

— 1) Jnu ona sta njega permorala, rekozh: Ostanĭ s'nama, kęř se mrazhy, inu se je vshe dan nanil. Jnu on je s'njima no-tęř shāl.

— 2) Y primorali szu ga govorechi: osztani z nami, ar vecher nasztaje, y den sze je yre nagnul Y issel je nuter s-nyimi.

— 30. И би, кѣда шъ нима сѣдѣ, въземъ хлѣбъ, благослови, и прѣломиѣ даѣше нима.

— И бистъ кѣда влезѣ съ нима въземъ хлѣбъ, благослови и прѣломиѣ даѣше нма.

а) И пригодѣ се, да за столомъ шъ нѣма сѣдѣщѣ вазѣ крѣхъ, и благослови га разломи, и даваѣше нѣма.

b) Jnu pergudilu se ĩe, kadar ĩe on per misi sh nima sidel, vsame ta kruh, inu sahualĭ, potle ga reslomĭ, inu ga nima poda.

— 1) Jnu pergodilu se je, kadar je on s' njima per mysĭ bil, je kruh vsęř inu ga je posvetil, inu slomil, inu njima dāl.

— 2) Y vchinyeno je, gda bi szedel s nyimi, vzел je kruha y blagoszlavil, y prelomil ga.

— 31. И се отвѣрзета се очѣ кю, и познаѣта нѣго, тѣ же ишѣзе съ очѣю кю.

— И отвѣрзета се очѣ нма, и познаѣта ѣ, тѣ же ишѣзе отъ очѣю кю.

а) И отворише се очѣ нѣхъ, тѣре познаѣше нѣго в разлом-ленѣю крѣха, и шъ ишѣзѣ отъ очѣю нѣхъ.

b) Jnu nyu ozhi so bile odperte, inu ga sposnata, inu on po-gĭne prozh od nyu.

— 1) Takrat so se niju ozhy odpérle, inu ona sta njega spoznala, inu on je ispred niju ozhy sginil.

— 2) Y odpérle szu ochi nyihove, y poznali szu nyega; a nyega je ne sztalo zpred ochih nyihovih.

— 32. Инѣ рѣста медѣ себѣ: Не ли бѣше нама срьдѣ горѣча въ наю, кѣда говорѣше къ нама на поту и кѣда съказоваше намѣ писъма?

— И рѣста медѣ собоѣ: срьце наю не вгараше ли се въ наю, кѣда глаголаше къ нама на поутѣ, и кѣда сказаше намѣ писъма?

a) И рекоше мею собомѣ: не згараше ли с'рдѣ наше в наю, кад нам' говораше на пѣтѣ, и писъма намѣ отвараше?

b) Jnu ona praula imei sebo: Ne! li nashe serze notri u nayu gorelu, kadar ie on s nama na tim potu gouuril, inu ie nama tu pismu odpiral?

— 1) Tedaj sta rekla med sabo: Ali ny bilú naju serze gorezhe v' nama, kadar je na póti govóril, inu nama pisma ràskladal?

— 2) Y rekli szu jeden drugomu: ne li goruche bilo szerd-cze nasse vu nasz, gda je govoril na putu, ter nam je pizma odpiral?

— 33. И въ тѣ часѣ вѣставѣша, възвратистасе въ 'Ерусалимѣ, и обрѣста кѣдѣнадесятѣ вѣкупѣ събрани, инѣ бивѣши съ ними.

— И въ тѣ часѣ вѣставѣше възвратиста се въ 'Ероусолимѣ и обрѣста съвѣкупѣшесѣ 11 и иже бѣхоу съ ними.

a) И вставши се ва ономъ ѿрѣ, вратиста се въ 'ерусолимѣ, и наидоста скѣпникнихъ кѣданѣсте, шнихъ ки ш я'ими бѣхѣ.

b) Jnu ona ustaneta gori to isto uro, inu se pouerneta spet u tu Jerusalem, inu naideta te ainaist u kupe sbrane, inu te kir so sh nimi bili.

— 1) Jnu sta ob tē jisti uri ostala, inu v' Jerusalem nasaj shla, ina sta neshla tē enaist inu tē, kateri so s'njimi bili, vkup sbrane.

— 2) Y gori sztavssi onu isztu vuru povernuli szu sze vu Jerusalem, y nassli szu jedenaist szkupa szpavlyeneh, y one kost szu s nyimi bili.

— 34. Говорече: рѣсно възкресе Хсѣ, и ѡи се Симону.

— *Глаголюще*: въ истинуу въскресе Господъ, и ꙗви се Симоуу.

а) Говорещи: в истинѣ вскрсѣль естъ Господиѣ, и приказал се естъ Симоуу.

б) Kateri so diali: ta Gospud ie risnizhnu gori ustal, inu se ie timu Simonu prikasal.

— 1) Kateri so rekli: Gospod je resnizhnu vstal, inu je 'Simonu pèrkasal.

— 2) Govoreche, da je gori sztal Goszpon do isztine, y szkaszal sze je Simunu.

— 35. Та ти повѣдаста, че би на поту, и како познаста га въ прѣломкнѣхъ хлѣба.

— Та те повѣдашета, ꙗже бѣше на поути, и како позната и въ прѣломкнѣхъ хлѣба.

а) А она правлѣзота, ка бѣхоу ѹчинена на пѣтѣ, и како га познаста в разломкнѣхъ крѣха.

б) Jnu ona sta tudi nim prauila, kai se ie bihu sgudilu na tim potu, inu koku ie bil od nih sposnan is tiga kruha lomlenia.

— 1) Jnu ona sta pravila, kaj se je bilú na pótí sgodilu, kakú sta njega v' lomlenji kruha sposnala.

— 2) Y oni povedali szu, koja bila szu vchinyena na putu, y kak szu nyega poznali vu lamanyu kruha.

В. ПАМЯТНИКИ СЕРБСКІХЪ.

І. Грамота бана Босенскаго Кулина 1189 года, (по подлиннику, напечатанному въ книгѣ: Сербски Споменици съ Латинскимъ переводомъ, приложеннымъ къ подлиннику).

У мене ѿца и сѣна и сѣаю дѣа, ѣ банъ Босъньски Кулинъ, присезаю тебѣ, кнеже крѣвашѣ, и всѣмъ грахамъ Дѣбровѣчамъ прави приѣтель быти вамъ ѿдѣ селѣ и до вѣка, и правъ юи дръжати съ вами и праву вѣру, доколѣ съмъ живѣи. *Вси* Дѣбровѣчане кире ходе по моемъ владанию, тръгуюке, годѣ си кто хове крѣвати годѣ си кто мине, правѣи вѣровѣ и правымъ сѣрьдцемъ дръжати е безъ *всѣако* злѣди, развѣ що ми кто да *своеи* волои поклонѣ. И да имъ не бѣде ѿдѣ моихъ чѣстниковѣ силе. И доколѣ ѣ мене бѣдѣ,

дати имъ съѣсть и помочь, какоже и себѣ, коликоже моѣ, безъ
всѣгда зѣлога примысла. Тако ми, Бже, помаган и сие сто еванъ-
гелие. Ъ Радое дѣвѣ банъ писахъ сию книгѣ повелѣхъ бановѣ,
ѡдѣ рождѣства ѿва тисѣца и съто и ѡсемь десетъ и деветъ *мѣтъ*,
мѣсеца августѣ ѡ двѣдесети и девети днѣ, усѣчение главе Иѡвана
крѣстителя.

(In nomine patris et filij et spiritus sancti amen. Ego banus Cu-
linus Bosnae juro Comiti Gervacio et omnibus Raguseis rectus amicus
fore perpetuo et rectam vobiscum pacem manutenere et amicitiam
veram. Et omnes Raguseos terram nostram ambulantes, mercantes,
seu habitantes, vel transeuntes recta fide et conscientia vera recipere
absque ulla datione, nisi quis suam per voluntatem mi donum dare
voluerit. Et apud nos dum fueritis manutenere et consilium eis prae-
bere, ut nostrae personae adn̄r' posse absque fraude et malo ingenio.
Sic me Deus adiuvet et haec sancta evangelia.)

II. Договоръ 1253 года общины Дубровницкой съ царемъ
Болгарскимъ Михаиломъ Асѣнемъ (по подлиннику напечатан-
ному въ Сербскихъ Споменицахъ).

Въ име Га Ба нашею Ис Ха. Аминь. Лѣта *ѡплъщинѣ* Га на-
шею Ис. Ха тисѣца с н г, мѣца июнѣ, на днѣ стою Вита он.
аі. Сего бѡ ради да бѣдетъ чистое прѣѣтельство и свѣршеніе чи-
стою любве, еже было исыпрѣва междѣ сто и прѣславаѣнога царства
ѡсе земле Българске и Гръчке Иѡваномъ Осѣномъ и междѣ ѡпъки-
номъ славнога града нашего Дубровника. Ъко сѣ жили *ѡ*
праѡдѣ и любве и *ѡ* истинѣ, да повеке растеѣ и плодъ исыне-
сете. Исыдаѣна *жѣдающе* тебе стомѣ и вѣрномѣ въ Ха Ба царѣ
самдрѣжавѣѣ *ѡсеи* земле Българске гднѣ Михаилѣ Асѣню, роже-
номѣ ѡдѣ благовѣрникъ и стѣмѣ цари, азѣ Марѣили Гешѣрги, по-
велеѣнемъ славнога дѣжа Венетѣчкого князѣ града Дубровника,
и все сѣдне и векъници, *ѡпъкина ѡса* прѣславаѣнога града нашего
Дубровника *маги* и велица, вѣрни прѣѣтеле стого ти царства
исыдаѣна вѣрмене любовь царства ти имѣти *жѣдающе* въ Ба
и въ стое евангелие Бже и въ свѣтѣю деѡѣ Марию мати кого и
въ честни животворещи крѣсть, и въ стѣю аплу Петра и Павла,
и блаженѣю четири евангелисте—Марѣка, Матеѣ, Лѣкѣ, Иѡвана, и
въ стѣю мѣченике гдѣе—Власѣѣ, Ловрѣнѣѣѣ, Петра и Анѣдрию, на-
шихъ свѣтителъ, и *ѡсемь* стинѣмъ, *выгодѣѣѣ* Богѣ Гдѣу клѣнемъ
се. Обѣщамъ се твоѣмъ великомѣ стомѣ царствѣ, дръжа(ти) врѣѣ зѡ-

творенѣ невѣрнѣго крала Чроша, и врѣху братѣю его и рода его, и врѣхѣ *всѣмъ живущимъ* въ землѣ нгоуѣ, и на тѣхъ, кои на нхъ землѣ биху дръжали некое владанье, ако бѣдѣ невѣрници ни приѣтеле твоѣмѣ стомѣ царствѣ, такожде да бѣде невѣрници и враговѣ нашѣмѣ градѣ Дюбровникѣ; ако ли *кто* удѣ сихъ прѣписанихъ или всѣхъ обратѣтсе стѣму ти царствѣ, и прѣславнѣо ти царство примѣть ихъ въ приѣтельство, а ми да е имамо за приѣтеле. Ако ли Чрошѣ али некто удѣ прѣписанихъ рода его бѣдетъ врагъ нашѣмѣ градѣ Дюбровникѣ, бѣдемъ врагъ стомѣ ти царствѣ; ако ли *кто* удѣ прѣписанихъ бѣдемъ приѣтель градѣ Дюбровчѣкомѣ, високо твое царство да га има за приѣтеле. И *еще* Богъ поможетъ стомѣ ти царствѣ испѣлѣдѣти врага твоего и нашего Чроша нсѣ Сръпскѣ землѣ и брата его Владислава и родъ ихъ, или дрѣзи властеле и прибѣгнѣ градѣ Дюбровникѣ, ми да ихъ не примѣмо, ни рѣчи ихъ; нѣ те да имъ пакостимо, колико можѣмо. И сто ти царство да не створитъ миръ безъ насъ съ Чрошемъ, и насъ съшъ нимъ не пу-
стити безъ мира. И *паче* да бѣдемо съ стѣмъ съ твоимъ царствомъ врѣхѣ Чроша, врага твоего и нашего, и врѣхѣ *всѣмъ* свога рода, и врѣхѣ многа, кои би билъ после на егоуѣ столѣ. И ратъ и миръ да имѣ съшъ ними наеднѣо въ *жизнѣ* стою ти царства и нашъ, и стомѣ твоѣмѣ царствѣ дамо помокъ *прокъ* мочи нашеи по поморью, по морѣ и по сѣхѣ. И ако Богъ поможетъ твоѣмѣ стомѣ царствѣ, и примѣшь Рашкѣ землѣ съ *всѣми* приделаи, и намъ Богъ да помокъ приети всѣе граде или костеле, ере сѣ приморьскѣ, и пристое Рашкѣмѣ столѣ, да ихъ придамо стомѣ твоѣмѣ царствѣ добромъ вероу, безъ *пропастѣ*, или шномѣ чловѣкѣ, кои би посланъ стою ти царства *прокъ* мочи нашеи. И кѣда ми *възѣмо*, ере твое сто царство *вълѣзе* въ Сръпскѣ землѣ; а ми да се *въготовѣмо*, навѣче за двѣ недеѣе удѣкова ми чѣеѣмо, съ *всѣмъ* нашѣмъ сѣломъ и моуѣю, и да поидѣмо по морѣ врѣхѣ граде поморьскѣ и землѣ, се *шлѣмъ* лѣдѣи, кои се шбрѣту то време въ градъ Дюбровчѣки, расъвѣ да шставѣмо толико зи лѣдѣи, колико да могѣ чѣвати града Дюбровкога. И ако Чрошѣ, или братъ его Владиславъ, или *кто* удѣ рода того, или властелинѣ би хѣтелъ *хѣтити* или би *шстабилъ* намъ, а твое сто царство да ни помага *прокъ* свою моуѣю врѣхѣ ихъ, и да имъ *шсхѣбѣишъ*. Людѣи и кѣпѣци удѣ стога свѣтѣго ти царства и удѣ Зѣта ти стога царства Петра сѣвастокрѣтора съ добитѣкимъ, ако придетъ въ нашъ градъ Дюбровникъ: да бѣдѣтъ *спѣсени* и варовани въ Дюбровникъ и въ прѣделъ его, *ѣко* и сами Дюбровкѣанѣ, и да стоѣтъ въ Дюбровникъ на свою сѣи воуѣ, и створѣтъ (сѣтворѣтъ свои трѣгъ, продавауѣе и кѣпѣуѣе безъ *всѣ*сѣакоѣ данѣе

и безъ нѣсакое пакости. И да имъ се не *везьметъ* никоре данье ни на вратехъ, ни на мосте, ни на броде, ни на пѣти, и *маче* да си кѣпѣю *сысяки* трыгъ, ко'имъ ꙗ на потребу: злато, сребро, свите и златыне поставѣ, или ино що имъ ꙗ *юдъ* расьвѣ пшенице, кою да не *исъносетъ* нѣс града Дюбровьчкого безъ повеленья князя, кон би билъ поврѣмене, въ княжество Дюбровьчко. Такоде и лѣдъ и кѣпци прѣславаго града Дюбровьника, еже приходить въ земле ст'аю ти царства и въ земле Зете ст'аю ти царства Петра севастократора, да си кѣпѣютъ и продаютъ *своботъно* въ прѣписаныхъ земляхъ безъ пакости, *сысякѣ* кѣпѣю на волѣ ихъ. И да имъ се не *везьметъ* кѣмерекъ ни никире данье ни въ граде, ни на соборе, ни въ селыхъ и кѣпцехъ, ни на мосте, ни на рѣкахъ, ни на пѣтехъ, кѣте (кѣде) да бѣдѣ *своботъни* на *сысяко* место, и *стоетъ*, и *поядѣтъ* на ихъ хѣтенье, и да се *шбрате*. И да бѣдѣ *спасени* и *стрезени* въ телыхъ и въ добиткѣхъ ихъ. И аще *кѣчнитъ* *сымрѣтъ* некому чловеку, или кѣпцу шдѣ твою стого ти царства, или чловеку или кѣпцу Петра високого севастократора, въ княжество Дюбровьчско, или съ *езикомъ* или безъ *езика*. И да бѣдетъ безъ *дрѣжине* да *весь* добит'кѣ шнога *мѣрца* чинимо написати, и *скѣда* твое сто царство за ихъ *пошлетъ* свое кнѣге, да дамо, а добиткѣ шнога *мѣрца* шдѣ насъ да не *погибне* *нищоре*. Такоже *людехъ* и кѣпцехъ Дюбровьчкимъ *годитъ* се *сымрѣтъ* или съ *кзикомъ* или безъ *езика* въ земляхъ стого ти царства и въ земляхъ високого севастократора гдна Петра, а *дрѣжничѣ* си не *бихѣ* имели. добитке шнога *мѣрца* бѣдѣ *спасена* за твое стое царство, да се *прѣдаде* оному, кон за добиткѣ прѣписанъ *мѣрца* съ *книгами* гдна князя Дюбровьчкого би билъ *посланъ*. И ако *людехъ* стого ти царства или Петрови високого севастократора *имѣтъ* *исъкати* некою *праванѣ* *врѣхъ* кога *годе* чловека княжества Дюбровьчкого да ми бѣдемо *дрѣжани* ш немъ *чинити* *правниѣ*, безъ *сѣдѣбине* и безъ *данье*, по *законѣ* *нашемѣ*, *сывѣршенѣ* *правдѣ*; и такоде *правда* да бѣде *нашимъ* *людехъ* въ земляхъ стого ти царства и Петровыхъ севастократора, по *ваше* сто царство и по *высокого* севастократора безъ *никире* данье и безъ *сѣтѣбине*. Никоре *емство* да не *медѣ* *стомѣ* царствѣ и насъ, докѣде се не *сѣди* въ *правдѣ*. И *ѣко* Богъ *поможетъ* *стомѣ* ти царствѣ, и *приметъ* земле Сръпске, да си *мамо* *шнѣзи* *стари* *законъ* *сыш* *нѣми*, кон е *имель* и *нашѣ* *градѣ* Дюбровьникѣ. И да *сгонимо* съ *всеми* *земли* и *гради* Сръпске и *поморьске* въ *шнѣхъ* *законехъ*. кое смо *имели* *сышѣ* *нѣми* *прѣжде* *юдичѣ* *петънадесете*, кон *сѣ* *исъшѣли* *досева*. И ако Богъ *поможетъ* *стомѣ* ти царствѣ, и бѣдешъ гднѣ *восени* *земле* Сръпске, да не *кѣто*

али людѣ медѹ стому ти царству и медѹ нашъ градъ ѹложе злетъ (зледѣ); паче да любовь *всего* вѣдъ добро *наиболше* расти. Земле и села, и дръжавѣ вѣдъ земле и съ сѹха, вѣдъ села, и дръжавѣ вѣдъ *внесъ* земле, и вѣдъ *внесъ* села, и дръжавѣ, кое господъ Богъ *помогаетъ* те брьво хоте бити прѣдане твомѹ велиству, хоемо е бележити. А прѣписане дединѣ наше земле и села и дръжавѣ *начинають* вѣдъ цркве стого Георгѣи врьхъ стари градъ Епитавръ, *имже* идѹтъ до цркве стого Петра, а вѣдъ цркве стого Петра идѹтъ до цркви стого Пократа, а вѣдъ цркви стого Пократа како дръже Горьре врьхъ Бѣлома и *слезѹтъ* до Млинехъ, а вѣдъ Млинехъ, како дръжѹтъ Горьре, кое *гредѹтъ* врьхъ Жьрьновниці дери до Влащице, а вѣдъ Влащице, како дръжетъ Горьре, кое сѹтъ врьхъ *шуме*—тъ, и *гредѹтъ* до Ока, а вѣдъ оне стране Ока, како дръжетъ Горьре, кое су врьхъ рѣке, и *сѹтегнѹтъ* се дери до Горьре, кое сѹ врьхъ Корила, а вѣдъ Корила, како дръже Горьре, кое сѹ врьхъ Затонъ и врьхъ Полице и врьхъ Орашѣцъ, и *сѹтегнѹтъ* се до цркви сте Текле. И *все* медѣ вѣдъ прѣписанехъ земле и села и дръжавѣ вѣдъ врьхе вѣдъ *все* прѣписанѣ Горьре *слезѹтъ* до мора, *все* сѹ наше дедине. И *шновъзи* законъ, коне естъ вѣдъ *кѹмерекъ* сольски медѹкраль Српски и градъ Дюбровъчки, да дръжи сто ти царство; а вѣдомо де вѣдъ *все* соли, коѣ се продае не вече *лѹдѹмъ* Рашькимъ половина вѣдъ добитѣ да има сто ти царство, а *дрѹгѹ* половинѹ да има *шпѣкина* Дюбровъчка, како било въ стари законъ; и сто ти царство да дръжи намъ стари законъ а вѣдомо вѣдъ рѣке Дриньске до Неретѣвѣ *кѹмерекъ* сольски да *несъ* на ино место расѣвѣ въ Дюбровъникъ. И ако Богъ *поможе* стомѹ ти царствѹ *приети* *все* граде поморьске, наша мати стаѣ цркви, мати *всеми* нашимъ црквамъ, да си дръжи то, що е дръжала, по *всехъ* градовѣхъ или по сѹхѹ, или пискѹпѣ или манастире или цркви или попови или няѹ *некою правдоѹ*, кою е имела вѣдъ *стрихъ* врьменехъ, да си има *своботно*, ѣко е писано въ *старихъ* *книгахъ* брѣвѣлеги. А ми *вса* *шпѣкина* града нашего Дюбровъника мали и велици да смо *дръжани* чинити клети *все* кнезовѣ, ки бѹдѹтъ по *врьменехъ* въ Дюбровъникъ, по хотеню *славнаго* дѹжа Бенетекького, дръжати си *шбѣтъ* въ врьме *свога* *кнежства*, ки да се *кѣне* въ *кнежство* Дюбровъчкѹ; и ако ми прѣстѹпимо сию *клетѣвѹ* и си *шбѣтъ*, да ни сѹди Богъ и сиѣ *клетѣва* и на *семъ* свѣте и на *шномъ*. И ми и дѣтъца наша да *имѹ* *везанье* и *гневъ* вѣдъ *високаго* *патѣ* Римьскаго ѹ веки ѹсе *сие* *приписанье*, да *имамѹ* и *хокемо* дръжати *спасающе* *клетѣвѣ* и *почетъ* и *слѹжбе*, кое смо дръжани чинити *гдѹ* Дѹжѹ и *шпѣкинѣ* Бенетчкои *доклѹ* бѹде сто ти царство и ми. И да *сие* *шбѣтѹванье* и *сие* *пи*

санъе дръжитъ повещѹ подтвержденъе, запечакено кстѹ печатѹ шпъкинськомъ и славнога Марьсилѹ Гешурьгѹ кнеза нашего града Дюбровника. А сѹ сѹтъ имена шнелѹ, ки се сѹ клели, да бѹде шбѹтътованъе твърдо и крепько. Прѹвославни властелинѹ гднѹ Марьсили Гешурьгѹ Кнезь Дюбровчѹки. (За тѹмъ подписаны *судѹе*: 5, *Вѹкмици* шдѹ малого *веча*: 6, шдѹ *отѹка* ѹмолени: 7, *Висѹрѹге* шпъкинсьски: 8, Прѹци градѹци: 2, Ки дръже добитѹкъ сте Боде: 2, *Вѹкмици* шдѹ вельега *веча*: 70). И врѹхъ всѹе шво писанъе Марьтодѹ Гѹлеривикѹ банѹ шдѹ кнеза Дюбровчѹкого и шдѹ всѹе шпъкине града Дюбровчѹкого с хотѹнъемъ гднѹ кнеза Дюбровчѹкого и всѹехъ властелѹ Дюбровѹ: сѹвономъ (звономъ) звонивѹше на съборе, ѹко е по законѹ Дюбровчѹкомѹ врѹхъ дѹше свое и всѹе шпъкине Дюбровчѹке си шбѹтъ подтвердилѹ дръжати и клелѹ се.

III Записка о правахъ купцовъ и поселенцевъ Дубровницкихъ (списана съ пергамѹннаго списка XIII—XIV вѹка).

Писано кстѹ въ старѹхъ книгахъ, какѹвъ кстѹ стари законѹ тръговѹдемъ Дубровчѹкамъ, да путове си и тръгове веду въ тудѹи земли и каку заклетѹе даше за тѹи дѹлѹи кнеземъ и властелемъ и *всѹеи* шбѹчинѹи градѹсѹи—цари и крали Рашьки и Бани Босънъски и ино владаѹщи Зетъски и Хѹмъѹски и Трѹвѹнъски и инѹи владаѹщи Сръбски и Влашьки и инѹи на сѹсѹи и на мору, съ своѹомъ воловѹ, съ правѹомъ вѹровѹ, да стоимѹ съшъ ними у любѹвь и у вечѹни и твърди мирѹ у всѹаѹи правѹдѹи, у си вѹкъ у бѹдѹчи. — Вѹсакѹ Дубровчанѹ да кстѹ добѹрь гостѹ. Да да доходи и преходи по градѹохъ и тръѹохъ, путѹи и тръгѹи, кѹде си кѹто хоке по *всѹеи* области свободѹно и *пространѹо* съ своѹими си рѹчѹи и тръгѹи. Да ксѹтъ отворѹене земли и море колѹи имѹ и дрѹвѹ и товарѹ. Да нѹ имѹ влѹди никѹѹре, нѹ да властелинѹи и кѹметнѹи и людѹе да ихъ хранѹтъ отъ зѹла и да имѹ дадеѹтъ помѹчѹ *прѹкѹювѹи* *и* *всѹакоѹе* пакѹсти. Да имѹ се дактѹ сръѹи и провѹдѹ отъ *всѹи* и у *всѹи*, да ихъ людинѹи провѹде, какорѹе приходе, и да тамо товарѹ растоваре, кѹдѹи имѹ *трѹбѹи* кстѹ или по кѹдѹи хоке. Да имѹ се царина не възѹмлетѹ ни одѹ мала ни до велиѹа: да се царина и всѹѹка правѹда платѹтъ шдѹ шпъкине; а тръговѹцѹи свобѹда. Ако ли да да кои поклонѹ кому кѹлюбѹ, да то *нѹтъ* по закону, нѹ добровѹо воловѹ: ако не хоче не да, и тако да иде. Де не възѹпрашаѹтъ га никѹто, ки онѹ тръгѹи имѹи камо иде, и да нѹ мѹ забаве на пѹтѹи никѹкре. У коновѹ ли *всѹи* забавѹтъ га на пѹтѹи и ѹ тръгѹи, та *всѹи* да оправи мѹ кривѹдѹ по законѹ. Билѹ би бѹдеѹтъ кривѹ тръговѹцѹи, да мѹ се *всѹеи* кѹпѹли и

добитѣхъ сѣдомъ, докѣ же не оправди да нѣ свободнѣ; брѣхъ сѣда да то нѣсть. — А за преселици Дѣбровѣчки, да кѣтъ имѣ свобода по закону: како гдѣ се посали у краи конѣ, тако да пребывахѣ свободнѣ, тѣкѣмо да дамъ доходѣхъ господѣски, кага кѣтъ сока и данина по законѣ; нѣ да дѣржитѣ ниве и трѣвы и шѣме, виноградѣ пуди, куки зида, люди сали, млины стави, по законѣ, жито и вокѣе и вино продавахѣ свободнѣ, тѣкѣмо да плати десѣщинѣ стомѣ Вла-сню. И ако се обрѣте кони дѣмѣ медѣ Влахомѣ и Срьблиномѣ, за мани дѣмѣ да има к сѣдѣ *поротѣ*: да кѣтъ сѣдѣца кѣдинѣ Срьблинѣ, а дрѣгѣи Дѣбровѣчанѣ, и що да *чсѣдѣ* то зи да к сѣврѣшено. А за велии дѣмѣ да идѣта прѣдѣ Краля, ако ли *отрѣхѣ* Влахѣ Срьблина; ако ли *отрѣхѣ* Срьблинѣ Влаха, да се идѣта прѣдѣ кѣнеза Дѣбровѣчкога, и да се оправѣ кровьда потѣмѣ, *кѣто к крѣвь*.

Сославшись на эту записку выше (стр. 109) по поводу слова *отрѣхати*, привожу это же слово здѣсь и изъ другихъ древнихъ памятниковъ Сербскихъ:—Грам. 1239. „И сѣ шче: ако *отрѣхѣ* Срьблинѣ Влаха, да се при предѣ кѣнеземѣ Дѣбровѣчкимѣ; и тако *отрѣхѣ* Влахѣ Срьблина, да се при предѣ Баномѣ.“ — Грам. 1280 г. „Коде *отрѣхѣ* да се кѣльне у стари законѣ, како к било за старихъ кѣнезѣ; коде не к кѣль да нѣсть мѣ дѣла шдѣ присѣда и *отрѣхати*“.

III.

(стр. 28 и 27).

„Такое переходное состояніе было и въ языкѣ Русскомѣ, и, кажется, въ то же время какъ и въ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ—въ XIII—XIV вѣкѣ“.

„Древнее мѣшалось въ немѣ съ новымѣ; формы древнія и новыя употреблялись все болѣе безразлично—новыя формы какъ выраженіе того направленія, которое языкъ долженъ былъ принять въ послѣдствіи, а древнія какъ голосъ еще не умершаго прошедшаго“.

Доказательства этому представляются во всякомѣ изъ памятниковъ Русскаго языка этого времени. Для примѣра выбираю нѣсколько небольшихъ отрывковъ.

Изъ лѣтописей.

(По Лаврентьевскому списку XIV вѣка, изд. проф. Тимковскаго, М. 1824).

Формы Старославянскія отиѣчены косыми буквами; подъ формами Русскими, замѣнившими формы древнѣйшія, помѣщено чтеніе, которое считаю болѣе сообразнымъ съ характеромъ древняго Русскаго языка.

— Въ лѣто 6367. Имаху данъ Варязи изъ заморья на Чюди
имаху заморья
и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ; а Козари
Словѣнѣхъ всѣхъ
имаху на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ и на Вятчѣхъ; имажу по
имаху имажу
бѣлѣи вѣверицѣ.
бѣли

Въ лѣто 6370. Изъгнаша Варязи за море, и не даша имъ дани,
изъгнаша Варязи даша
и почаша сами въ собѣ володѣти; и не бѣ в нихъ правды, и вѣста
почаша въ правды
родъ на родъ, быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся.
быша въ усобицѣ почаша
Рѣша сами въ собѣ: понщемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и
рѣша князя
судилъ по праву. Идоша за море къ Варягомъ к Руск: сие бо ся
идоша къ
зваху ты Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свое, друзии же Ур-
зваху ты зваются Свое
мане, Англыане, друзии Гѣте; тако и си. Рѣша Руса Чюдѣ, Словѣни
Гѣте рѣша
и Кривичи вся: земля наша велика и обильна, а наряда в неѣ нѣтъ,
вси: наша обильна въ неѣ нѣтъ
да пондѣте княжити и володѣти нами. И избраша ся 3 братья с
княжити володѣти избраша братья съ
роды своими, поаша по собѣ всю Русь, и придоша: старѣйшии Рю-
поаша всю придоша старѣи
рикъ (сѣде в Новѣрадѣ,) а другиѣ Синейсъ на Бѣлѣ озерѣ, а тре-
—
ти Изборьстѣ Труворѣ. Отъ тѣхъ прозва ся Руская земля Нову-
прозва Русская

городьци: ти суть людѣ Новугородьци отъ рода Варяжьска, прежде
 людик
 бо бѣша Словѣни. По дву же лѣту Синеусъ ѹмре, и братъ его Тру-
 бѣша дѣву его
 воръ; и прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому По-
 лотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣло озеро. И по тѣмъ городомъ
 лотескъ
 суть находници Варязи, а перьвици насельници въ Новѣгородѣ Сло-
 находници прьвици
 вѣнѣ, Полотьски Кривичи, в Ростовѣ Мера, въ Бѣлѣ озерѣ Весь, въ
 Полотьскѣ
 Муромѣ Муромѣ. И тѣмъ всѣмъ обладаше Рюрикъ. И бѣста ѹ него
 всѣмъ ободолаше бѣста нѣго
 2 мужа не племени его, ни боярина, и та испросиста ся ко Царю-
 мужа нѣго
 городу с родомъ своимъ. И поидоста по Дѣвѣру, и идуче мимо и
 съ родомъ своимъ Дѣвѣру
 ѹврѣста на горѣ градокъ и упращаста, рѣста: чин се градокъ? Они
 уврѣста въпрашааста,
 же рѣша: была суть 3 братѣ—Киѣ, Щекѣ, Хоривѣ, иже сдѣлаша
 рѣша братѣ сдѣлаша
 градокошь и изгнѣбоша, и мы сѣдимъ платяче дань родомъ ихъ Ко-
 городокошь съ изгнѣбоша
 варомъ. Асколѣдо же и Диръ остаѣта въ градѣ семъ, и многи Ва-
 Асколѣдъ многи Ва-
 ряги совокуписта, и начаста владѣти Польскою землею, Рюрику же
 ряги съвокуписта начаста
 княжащу въ Новѣгородѣ.
 княжащю —

— Въ лѣто 6387. Умершю Рюрикови предасть княженѣе свое
 Умершю княженѣе свое
 Олгови отъ рода ему суща, въдавъ ему синѣ свои на рудѣ Игоря;
 Олгови
 бѣсть бо дѣтескъ вельми.
 дѣтескъ

Въ лѣто 6389. Поиде Олегъ, поимъ воя многи Варяги, Словѣни,
 многи Варяги Словѣни
 Мерю, и всѣ Кривичи, и приде къ Смоленьску съ Кривичи, и прия
 всѣмъ — Смоленьску
 градъ, и посади мужъ свои. Оттуда поиде внизъ, и взя Любѣцъ и
 своимъ отътуда сѣмъ взя Любѣцъ

посади мужь свои. Придоста къ горамъ хъ Къневскимъ, и увидѣ
Къневскимъ

Олегъ, яко Асколдъ и Диръ княжита, похорони вон в лодяхъ, а
Олегъ Асколдъ княжита вон въ лодяхъ
другия повади остави, а самъ приде нося Игоря дѣтска. И приплу
други

подъ Угорское похоронивъ вон своя и присла ко Асколду и Дирови,
вон присла къ

глаголя, яко: гость есмь, идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря
Греки Олга

Бняжича, да придѣта к намъ к родомъ своимъ. Асколдъ же и Диръ
Бняжича, къ къ

придоста; выскаказ же вси прочии изъ лодья, и рече Олегъ Ас-
выскаказъ лодия Олегъ

колду и Дирови: вы нѣста Князя, ни рода Князя, но азъ есмь роду
Князя Князя

Князя, — вынесоша Игоря — и се есть сынъ Рюриковъ. И оубиша
Князя вынесоша съ убиша

Асколда и Дира, несоша на гору, и погребоша и на горѣ, еже ся
несоша погребоша

нынѣ зоветь Угорское, кде нынѣ Ольминъ дворъ; на тои могилѣ
нынѣ зъветъ кдѣ нынѣ Ольминъ могила

постави Олма церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою
цркъвъ святааго могила

Ориноу. Сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: се буди мати
Олегъ княжа рече Олегъ

градомъ Рускимъ.
Русскимъ.

— Въ лѣто 6453. В се же лѣто рекоша дружина Игоревъ: от-
Въ рекоша

роци Свѣнльжи изводѣлися суть оружьемъ и порты, а мы назн;
Свѣнльжи оружьемъ

пойди, Княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы. Послуша
княже съ въ послуша

ихъ Игорь, иде въ Дерева в дань, и примышляше къ первой дани,
въ примышляше первой

насылаше имъ, и мужи его; воеземавъ дань, поиде въ градъ свои.
насылаше воезказавъ

Идущѣ же ему въспять, размысливъ рече дружинѣ свои: идѣте съ
идущу въспять размысливъ рече

даню домови, а я воезвращюся, похожу и еще. Пусти дружину
даню изъ воезвращюся

свою домови, съ маломъ же дружины воезвратися, желая больша
маломъ воезворотися больша

имѣнья. Слышавше же Деревляне, яко опять идетъ, сдумавше со
 нѣмъ слышавше сдумавше съ
 Княземъ своимъ Маломъ: аще ся въвадитъ волкъ в овцѣ, то выно-
 кнѣземъ своимъ Малѣмъ влѣтъ въ овца
 сить все стадо, аще не убьютъ его; тако и се: аще не убьѣмъ его,
 все убьютъ такъ убьѣмъ
 то вся ны погубить. Послаша къ нему глаголюще: почто идаши
 всѣхъ послаша къ нему почто
 опять? поималъ еси всю дань. И не послуша ихъ Игорь, и выпедше
 всю выпедше
 изъ града Изъкорѣстѣна Деревляне убѣша Игоря и дружину его,
 Изъкорѣстѣна убѣша
 бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь: естъ могила его оу Ис-
 погребенъ могила Изъ-
 корѣстѣна града в Деревѣхъ и до сего дне.
 корѣстѣна въ дне

Вольга же быше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтскимъ
 Ольга бѣше въ сыномъ своимъ дѣтскимъ
 Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнолдъ, тоже
 Святѣславъ кормилецъ Свѣнолдъ, тоже
 отецъ Мистишинъ. Рѣша же Деревляне: се князя оубихомъ Рускаго;
 отъцъ Мьстѣшинъ князя Рускааго
 поимемъ жену его Вольгу за князь свои Малѣ, и Святослава, и
 Ольгу князя Святѣслава
 створимъ ему, яко же хоцѣмъ. И послаша Деревляне лучшиѣ мужи
 створимъ послаша лучшиѣ мужи
 числомъ 20 въ лодѣхъ къ Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ в
 числѣмъ лодѣхъ присташи въ
 лодѣхъ. Бѣ бо тогда вода текуши возлѣ горы Киевския, и на По-
 лодѣхъ тѣгда въздогъ Киевскимъ По-
 долѣхъ не сѣдяху людѣ, но на горѣ; градъ же бѣ Киевъ иде же
 долѣхъ сѣдаху людѣ въ Киевъ идѣ
 естъ нынѣ дворъ Гордѣтинъ и Нифовъ, а дворъ княжъ быше в го-
 Гордѣтинъ княжъ бѣ въ
 родѣ, иде же естъ дворъ Демѣстиковъ, за святою Богородицею надъ
 идѣ
 гороу, дворъ теремныи, бѣ бо ту теремъ каменъ. И повѣдаша Ользѣ,
 теремныи каменъ повѣдаши
 яко Деревляне придоша. И возва е Ольга к собѣ, (и рече имъ):
 придоша възва е къ
 добри гостѣ придоша? И рѣша Деревляне: придохомъ, Княгине. И
 гостѣхъ придохомъ рѣша Княгинѣ
 рече имъ Ольга: да глаголете, что ради придосте сѣмо? Рѣша же
 рече глаголете что рѣша

Древляне: посла ны Деревьска земля, рькуше снцѣ: мужа твоего уби-
хомъ, бѣше бо мужъ твои аки волкъ восхичая и грабя, а наши
бѣаше вѣлѣ възъимчашъ
Князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю; да поиди
князи оже распасли
за Князь нашъ Малъ. Рече же имъ Ольга: люба ми есть рѣчь ваша;
князь рече ваша
Ѹже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочу вы почитити на Ѹтриа
мнѣ въ почитити
предъ людьми своими, а ныне идѣте в лодью свою, и лязите в лоды
ныи въ лодю въ лодии
величающеся; азъ Ѹтро послю по вы, вы же рѣцѣте: не едемъ на
послаю ѣдемъ
конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны в лодѣ; и възнесутъ вы
въ въ лодии възнесутъ
в лоды. И отпусти я в лодю. Ольга же повелѣ ископати яму
въ лодии въ лодю
велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмъ виѣ града. И заѸтра Волга
вънз Ольга
сѣдѣши в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ глаголюще:
въ послаа придоша къ
зоветь вы Ольга на честь велику. Они же рѣша: не едемъ на ко-
звѣтъ чѣсть ѣдемъ по-
нихъ, ни на возѣхъ, понесѣте ны в лоды. Рѣша же Княне: намъ
нѣхъ въ лодии Княне
не воля, Князь нашъ Ѹбѣнѣ, а Княгини наша хоче за вашъ Князь.
Князь кѣсть убикнъ Княгини наша хочеть Князь
И понесоша я въ лоды. Они же сѣдѣху в перегбѣхъ въ великихъ
лоды сѣдѣху въ великихъ
сустугахъ гордящеся; и принесоша я на дворъ к Ользѣ; несѣше
грьдѣчеса къ
вринуша я въ яму и съ лодѣю. Приникъши Ольга и рече имъ
въринуша — лодю рече
добра ли вы честь? они же рѣша: пущи ны Игоревы смерти. И по-
чѣсть рѣша смѣрѣти
велѣ засыпати я живы; и посыпаша я. Пославши Ольга къ Дерев-
пославши
ляномъ, рече имъ: да аще мя просите право, то пришлите мужа
рече пришлите мужа
нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашъ князь, еда не пустятъ
въ чѣсти князь —
мене людѣ Киевьстии. Се слышавше Деревляне, собраша лучьшии
люди Киевьстии слышавше събраша
мужи, иже деръжаху Деревьску землю, и послаша по ю. Деревля-
мужа деръжаху послаша

номъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовѣ створити, рѣкуше сиче:
 пришѣдъшемъ створити рѣкуши
 измывъшеся придите ко мнѣ. Они же пережыгоша истопку, и влѣзоша
 измывъшеся къ мнѣ кельбѣку влѣзоша
 Деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобѣку, и повелѣ
 начаши запыроша кельбѣку
 важечи я отъ дверни; ту изгорѣша вси. И посла къ Деревлянѣмъ,
 ю изгорѣша вси посла
 рѣкуши сиче: се Ѹже иду к вамъ, да пристроите меды многи въ
 мѣногы
 градѣ, иде же Ѹбисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его,
 иде мужа гробѣмъ
 и створю трызну мужю своему. Они же то слышавше, съезвоша меды
 створю слышавъше
 многи зѣло, възвариша. Ольга же, поимши мало дружины, легко
 мѣногы поимши легко
 идущи, приде къ гробу его, плакася по мужи своемъ, и повелѣ лю-
 своимъ
 демъ своимъ съсуги могилу велику; яко соспоша, и повелѣ трызну
 могилу съсупоша
 творити. По семь сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отро-
 сѣдоша
 комъ своимъ служити предъ ними; рѣша Деревляне к Ольгѣ: кдѣ
 рѣша къ кдѣ
 суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя? Она же рече: идуть
 наша послахомъ рече
 по мнѣ съ дружиною мужа моего. Яко Ѹпиша ся Деревляне, повелѣ
 мнѣ мужа упиша
 отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дру-
 жинѣ сѣчи Деревляне. И истрекоша ихъ 5000; а Ольга возвратися
 Деревляны изстрекоша
 Къеву и пристрои вои на прокъ ихъ.
 Къеву вои

Въ лѣто 6454. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои
 сыномъ Святославѣмъ събра вои
 многи и храбри, и иде на Деревъску землю. Изидоша Деревляне
 мѣногы хоробрѣ изидоша
 противу. Сънемъшемъсѣ обѣма полкома накупѣ, суну копѣемъ Свя-
 сънемъшема полкома накупѣ копѣемъ Свя-
 тославъ на Деревляны, и копѣ летѣ сквоѣ Ѹши коневѣ, Ѹдари в
 тѣславъ копѣ въ
 ноги коневѣ, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнедѣ и Асмоудъ: Князь
 ногы дѣтескъ рече Князь

Ѹже почалъ; потягѣте, дружина, по Князѣ. И побѣдиша Деревляны.
поча дружино Князя.

Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ. Ольга

же Ѹстреми ся съ сыномъ своимъ, а Деревляне затворишася въ градѣ
устрѣни сыновѣ

и боряху ся крѣпко изъ града, вѣдѣху бо, яко сами Ѹбили Князя,
боряху крѣпко вѣдѣша убили суть Князя

и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, не можаше взяти града,
что передаша можаше взяти

и Ѹмысли сиче: посла ко граду, глаголющи: что хотите досѣдѣти?
посла къ что

а вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають
вси предашася мнѣ

нивы своя и землѣ своя; а вы хотите изъмерети гладомъ, не имучеса
земля

по дань. Деревляне же рекоша: ради ся быхомъ яли по дань, но
рекоша

хощеши мѣцати мужа своего. Рече же имъ Ольга, яко—азъ мѣстила
мужа рече

уже обиду мужа своего, когда придоша Князю, второе... и третье,
мужа кѣгда придоша Князю третикѣ

когда творихъ трынну мужеву своему: а Ѹже не хощю мѣцати, но
кѣгда въ

хощю дань имати помалу, смиревъши ся с вами понду опять. Ре-
смиривъши съ рѣ-

коша же Деревляне: што хощеши Ѹ насъ? ради даемъ медомъ и
коша что медомъ

скорю. Она же рече имъ: нинѣ Ѹ васъ вѣсть меду ни скоры; но
рече

мало Ѹ васъ прошю: дайте ми отъ двора по 3 голуби да по 3 воробьи;
воробьи

азъ бо не хощю тяжьки дани възложити, якоже и мужъ мой; сего
тажьки

(дѣла) прошю Ѹ васъ мало, вы бо есте изънемогли въ осадѣ, да сего

(дѣла) Ѹ васъ прошю мала. Деревляне же ради бывше, и собраша
бывше събраша

отъ двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша к Ользѣ с по-
воробьи послаша къ съ по-

клономъ. Вольга же рече имъ: се Ѹже есть покорилися мнѣ и
клонъ Ольга рече кте мнѣ

моему дѣтати, а идѣте въ градъ, (азъ заѸтра отѣстѸплю отъ града)

и понду въ градъ. И Деревляне же ради бывше внидоша въ градъ
бывше внидоша

и повѣдаша людемъ, и обрадоваша ся людѣ въ градѣ. Волга же
 повѣдаша обрадоваша людѣ Ольга
 раздая воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробѣви, и повелѣ
 воробѣви
 комуждо голуби и къ воробѣви привязывати цѣрь, обертывающе въ
 — воробѣви обертывающе
 платки малы ниткою, поверывающе къ комуждо ихъ; и повелѣ
 платки поверывающе
 Ольга, яко смерче ся, пустити голуби и воробѣи воемъ своимъ. Го-
 смерче воробѣи
 луби же и воробѣе полетѣша въ гнѣзда своя, ови въ голубники,
 воробѣе голубники
 врабѣе же подѣ стрѣхи, и тако възгараху ся голубники, ово клѣти,
 воробѣе стрѣхи такъ
 ово вежѣ, ово ли одрини. И не бѣ двора, иде же не горяще, и не бѣ
 вѣжи идѣ горяще
 лѣжѣ гасити, вси бо двори възгорѣша ся, и побѣгоша людѣ изъ
 вси възгорѣша людѣ
 града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати е. Яко вѣя градъ и
 и вѣя
 пожже и, старѣишины же града изънима, и прочая люди овыхъ
 изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави
 изби другия
 платити дань. И възложиша на ня дань тяжьку: 2 части дани идета
 възложиша части
 Киеву а третья Вышгороду к Ольгѣ, бѣ бо Вышегородъ градъ Воль-
 Кыку третина Вышгороду — Вышегородъ Оль-
 зинѣ. И иде Вольга по Деревьстѣи земли съ сыномъ своимъ и съ
 зинѣ Ольга сынѣмъ своимъ
 дружиною, ѹставляючи ѹставы и ѹроки, суть становища еѣ и ло-
 уроны, гдѣ суть ки
 вища. И приде въ градъ свои Киевъ съ сыномъ своимъ Свято-
 Кыкѣ сынѣмъ своимъ Свято-
 славомъ.
 славѣмъ.

И въ грамотѣ.

Ограничиваюсь на этотъ разъ только нѣкоторыми грамотами XIII—XIV вѣка, и для того, чтобы не могло быть сомнѣнiя къ выводамъ, беру только тѣ грамоты, въ которыхъ ясно выражаетъ себя фонетика Русская, а не Старославянская.

1. Вкладная грамота преподоб. Варлаама Хутинскому монастырю, послѣ 1192 года. (Дополненiя къ Акт. Истор. № 5).

— Се въдале Варламе стмоу Спсоу. землю и огородъ и ловища рыбная и гоголиная и пожни. 1. рьль противъ села за Волховомъ. 2. на Волхевца коле. 3. корь. 4. ловы. 5. волмина. 6. на островѣ и съ нивами. вхоу же тоу землю Хоутиньскоую въдале стмоу Спсоу. и съ челядию. и съ скотиною. а се.... 1. отрокъ съ женою. 2. вълос... 3. двѣйка Февронка съ двѣма сы..., 4. недачь. а конь. шестеро и корова. се дрѹгое село на Своудичи за... биею въдале стмѹ Спсоу и и божница въ немъ. стго Георгиа. и ниви и пожни и ловища и еже въ немъ. се же все далъ Варламъ Михалевъ снъ стмоу Спсоу. Аще кто днаводемъ наоученъ и злыми чѣвкы наваженъ цѣто хочеть ѿати ѿ нивъ ли ѿ пожнъ ли или ѿ ловищъ. а боуди ему противенъ стѣи Спсъ. и въ съ вѣкъ и въ боудущи.

Во всей этой грамотѣ случилось только два слова съ фонетической формой Старославянской; это—*аще* и послѣднее слово—*будущи*.

Въ правописаніи видимъ смѣшеніе *э, ѡ, е, ѣ*. Въмѣсто *э* употреблено *е*: въдале, Варламе, Волхевца; вмѣсто *е* употреблены *э* и *ѡ*: валось, рьль; вмѣсто *о* употреблено *е*: Михалевъ, днаводемъ; вмѣсто *ѡ* стоитъ *э*: вхоу. Такихъ случаевъ очень много въ грамотѣ 1229 года, (см. ниже: II.), и потому при ней удобнѣе говорить о причинахъ этого смѣшенія. Кромѣ того замѣчательны въ фонетическомъ отношеніи: отличеніе согласныхъ мягкихъ отъ твердыхъ (ловища, божница), въ слѣдствіе котораго и *вхоу* стоитъ вмѣсто *всю* (*х* и *с* противоположны какъ твердый звукъ и мягкій); употребленіе *и* вмѣсто *ы* (ниви) и вмѣсто Старосл. *а* (пожни); неопущеніе *и* (челядию) и т. д.

Въ отношеніи грамматическомъ замѣчательны: употребленіе двойственного числа (съ двѣма); отличеніе среднего рода во множеств. числѣ (ловища рыбная и гоголиная), краткій родительный муж. во множ. числѣ (конь шестеро) и т. п.

II. *Договорная грамота Смолен. князя Мстислава съ Рязюю и Готскимъ берегомъ, 1229 юда.* (Собр. Госуд. Гр. II. № 1).

Въ грамотѣ этой нѣтъ ни одного случая, который бы могъ подать поводъ думать, что она писана подъ вліяніемъ языка церковныхъ книгъ Старославянскихъ: фонетика вездѣ Русская.

— Что са дѣяетъ по вѣремьнемъ. то ѿидето по вѣрымьнемъ. приказано боудѣте добрымъ людѣмъ. а любо грамотою оутвѣрдать. како то боудѣте всемъ вѣдомъ. или кто послѣ живыи ѡстанѣтса. Того лѣ, коли Алъбрахтъ. вѣдка Рязкий оумьрѣ. ѡздоумалъ князѣ Смольнескыи. Мьстиславъ Дѣдвъ снѣ. прислалъ въ Рязюу свойго лоучышего

попа. крьмея й съ нимъ оумьна моужа Пантелыя. и своего горда Смольнеска. Та два была послѣмъ оу Ризѣ. из Ригы ѣхали на Гочкын берьго. тамо твердити миръ.

И этихъ начальныхъ строкъ достаточно, чтобы составить понятие о правописаніи грамоты. Прочетши всю грамоту, можно только увѣриться, что особенности ея правописанія не могли не находиться въ связи съ особенностями выговора.

Между прочимъ это правописаніе допускало безразличность въ употребленіи *ъ, е, ѣ* и *э, о*. Такъ: *е, ѣ* очень часто употреблены одно вмѣсто другого: боудѣте, вѣрьемьнѣ, останѣтѣся, Смольнеске, — ѣхали, Ризе, березе, Немчину; вмѣсто *э* стоитъ *е*: боудѣте, оумрете, поуѣте, Тоумаше, Латинескому, Готескомъ, доконечано; вмѣсто *э* стоитъ *ѣ*: дѣѣте, свободѣнни, явыкомѣ, князѣ; вмѣсто *е* стоитъ *э*: вѣрьемьнѣ, крьмея, Пантелыя, берьго, берьгомъ, серьбра, пырьпрети; вмѣсто *ѣ* стоитъ *э*: послѣ, мѣсто, тѣхъ, старость, оу Смольнескѣ; вмѣсто *э* стоитъ *о*: ѿидето, берьго, миро, дѣлго, Ролфо, оустоко; вмѣсто *о* стоитъ *э*: вѣдомѣ, дѣ вѣка, дѣбри, голъвоу, нѣга, холѣпъ, хѣлопоу, сѣрѣмъ, женѣю. Если можно было смѣшивать на письмѣ *э* съ *е* = *ѣ* и *э* съ *о*, значитъ и самыя звуки, ими изображенныя, смѣшивались въ произношеніи, т. е. что *э* и *э* произносились какъ гласныя звуки — *э* сходно съ *е* = *ѣ*, а *э* съ *о*. А что они выговаривались только сходно, но не всегда совершенно одинаково, это доказываютъ случаи пропуска *е* и *о* въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мѣсто ихъ заступать могли *э* и *э*: горда, серьбра, смрти, напсати и пр. вмѣсто города, серебра, смрти, напсати.

Отличены очень рѣзко *э* и *э* (*е* = *ѣ* и *о*); но есть уже случаи смѣшенія, замѣненія одного другимъ въ противность древнему употребленію: ѿидето вмѣсто отъидеть, Смольнѣскѣ вмѣсто Смольнескѣ.

Отличены также рѣзко *е* и *и*, *о* и *ы*; но есть и тутъ случаи смѣшенія: Іеремея, Пантелыя, оу Роусе, соудниамѣ, людѣи — и вмѣстѣ съ тѣмъ: люди, дни, Божи — и постоянно въ прилагательныхъ *и* вмѣсто *ом*: живѣи, свободѣнѣи, которѣи, правѣи и пр.

Смѣшивались *и* съ *ы*: Ризкия, княгини, Ризѣскими, хотя впрочемъ случаи правильного употребленія *ы* гораздо чаще: Смольнескими, Гочкын, Готскимъ, Латинескимъ, всякын, Ригы, пороукъ, погмнетъ и проч.

Равнымъ образомъ вмѣстѣ съ случаями несоблюденія правила смягчаемости согласныхъ (моужа, бирица, Смольнеске и т. п.), стоятъ часто случаи ихъ правильного смягченія (оу Ризѣ, березѣ = берьзѣ, послоуси, послоустѣхъ, платежѣ, княжѣю, вѣсѣю, Волоитъ, Немчино и проч.

Изъ числа другихъ случаевъ употребленія согласныхъ можно замѣтить постоянное удержаніе *л* въ окончаніи причастій прошедшихъ тамъ, гдѣ потомъ звукъ этотъ долженъ былъ исчезнуть: оумьрѣлъ, нальзѣлъ, потоплѣлъ, перевѣзѣлъ и пр.

Разсматривая языкъ грамоты въ отношеніи къ склоненіямъ и спряженіямъ видимъ, что хотя древнія формы языка въ ней уже не всѣ вполне всегда соблюдены, но многія употреблены совершенно правильно, однѣ всегда, другія очень часто.

Такъ употребленіе двойственного числа можно было видѣть и въ вышеприведенномъ отрывкѣ: та два была послѣмъ оу Ризѣ. Такихъ примѣровъ грамота представляетъ нѣсколько: Роусиноу не оупирати Латинина уднемъ послухоу, аже не боудѣтъ двою послухоу, удниного Немчича, а друого Роусина; — Латинескому дати ѿ двою капию въску въсцю коуна Смольнескаго; — та два была нѣ Жата; та два была нѣ Мюнѣстра, и пр.

Въ склоненіи единственного числа кромѣ отмѣченнаго уже обычая смягченія согласныхъ (*з*, *к*, *х*) передъ *ъ* и *и*, можно замѣтить еще родительный и винительный женскаго: родительный на *е* вмѣсто Старославянскаго *а*: волю, землю (вмѣсто: волѣ, землѣ), Бѣе, стое, иное, сего; винительный сравненный въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ именительнымъ:—дати емоу гривна серебра; такова правда оузати; дати емоу ѿ гривны серебра коуна Смольнескаго, и пр.

Въ склоненіи множественнаго числа ясно выказывается отлѣченіе мужескихъ окончаній отъ женскихъ. Въ мужескомъ именительный не на *и*, а на *и*, дательный на *емъ* и *омъ*, а не на *амъ*, предложный на *ѣхъ*, а не на *ахъ*: послуоуи, коупчи, дѣбри, — вѣрьемъ, коупчѣмъ, людѣмъ, Рижанѣмъ, Вѣгъчанѣмъ, — послуоуѣмъ; родительный на *ѣ* и *ѣ*: дворянѣ, купцѣ = купчѣ = купчѣе; творительный на *и*: Смолянѣи, коми, купци.

Въ спряженіи: — въ настоящемъ времени 3-е лицо и един. и множ. числа оканчивается на *ѣ* (или на *е* = *ѣ* вмѣсто *ѣ*) почти безъ исключенія: дѣѣтъ, боудѣте, останѣтѣся, оутвѣрѣдѣтъ, оубикутъ, боудутъ и пр. Есть однако: ѿидѣто. Очень часто употреблено прошедшее сложное (даже сокращенное безъ *есть* или *суть*) тамъ, гдѣ бы можно было ожидать простого; но и прошедшее простое было, напр. аж быѣмъ что тако оучинили.

Неопредѣленное наклоненіе почти постоянно на *и*, но есть уже и на *ѣ*: оусадитѣ, оузатѣ, битѣся; и вмѣстѣ съ этимъ есть случай соблюденія достигательнаго на *ѣ*: — Латининоу не звати Роусина на полѣ битоса оу Ризѣ.

Причастіе еще не превратилось въ дѣепричастіе; но въ муж. родѣ можно было сказать и заплативъ и явивъше.

Въ отношеніи къ словосочиненію грамота представляетъ 1) очень много случаевъ употребленія неопредѣленнаго наклоненія вмѣсто повелительнаго (Роусиноу не звати Латина на полѣ битъса—вмѣсто ать не зоветь Роусинъ), хотя есть случаи употребленія и повелительнаго (аже самъ въсхочете, тѣ тѣ идѣтъ; ате промѣжу събою оурадатеса; аже надобѣ кмоу болше помѣчи, то тѣ наймоу при послоу сѣхъ; что имъ посулишь то даи, а болѣ не даи). 2) Не менѣе случаевъ опущенія союзовъ (по оухоу оударите, 3 четвѣрти серебра—вмѣсто: аже по оухоу..., ино...; аже тиоунъ оуслышитъ, Латинескыи гость пришелъ—вмѣсто: оуслышать, оже пришелъ; приказано боудѣтъ добрымъ людѣмъ—вмѣсто: оже приказано боудеть). 3) Мѣстоименіе *ся* употребляется отдѣльно отъ глагола и передъ нимъ (что *ся* дѣктѣ; оу кого *ся* избиктъ оучавъ. И т. д.

III. *Та же грамота 1229 юда по второму изводу.* (См. Тобина, Die ältesten Tractate Russlands стр. 55 и слѣд.).

Языкъ этой грамоты—Русскій. Случаевъ Старославянскаго употребленія звуковъ очень мало: боудоушии, ходящимъ, нѣсколько разъ: *аше*. Изъ выраженій напоминаютъ церковныя книги развѣ эти: *аше князь възвержеть нтъвъ*, что въ первой грамотѣ: *аже рознѣвается князь; аже возмобитъ самъ*, что въ первой грамотѣ: *аже самъ въсхочете*.

— Что са въ которое (в кое) вѣрема (врем) начнетъ дѣяти то оутвържаютъ (оутверживаите) грамотою. а (да) быша са не забыли (забывали) познаите на (и) памать держите нтънѣшнии. и по сѣмъ веремени боудоучи (боудущи). къ комуу си грамота придетъ. Того лѣта. коли еипъ (пипъ) Алѣбрахтъ Рижскыи мъртъвъ (мртвъ). князь Мѣстиславъ Дѣдчъ (Дѣдвичъ) послалъ свое моуже (свои моужи). Геремей (кремѣй) попа Пантелея (Пантелѣя) сотьского Ѡ Смоленавъ въ (в) Ригоу. а из Ригы на Готьскыи берегъ. оутвърживати миръ.

По самому началу грамоты этой сравнительно съ предъидущей, можно судить о различіи ихъ правописанія. Впрочемъ это различіе болѣе кажется, чѣмъ есть въ самомъ дѣлѣ: главное различіе заключается въ томъ, что *э* и *ь* здѣсь гораздо чаще на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно ожидать ихъ, чѣмъ *о* и *е*, и не употреблены тамъ, гдѣ должны стоять *о* и *е*. Другіе случаи употребленія буквъ, обозначенныя въ обзорѣннй первой грамоты, повторяются и здѣсь, хотъ и не всегда на тѣхъ мѣстахъ. Такъ: *е* и *и* употреблены смѣшано (Гер-

мса, Пантелея, — жеребих, людей); есть случаи, гдѣ стоитъ и вмѣсто и (Немецкнх, детьскнх), но болѣе случаевъ, гдѣ удержано и (Рязьскнх, Русьскнхъ, Немецкнхъ, Книжных, всякнх); есть случаи не-смягченія з, к, х передъ и (Смоленскъ нѣсколько разъ), но болѣе случаевъ, гдѣ з, к, х смягченн правильно въ з, ц, с (въ Рязь, на березь, на Волоцъ); есть случаи, гдѣ ж. ч, ш и з, ц, с написаны такъ, какъ будто уже они утратили мягкій выговоръ (Немчича, роубежа, тяжа), но такихъ случаевъ менѣе, чѣмъ случаевъ противныхъ (межю, Немчичю, лицю, истцю, вѣсцю), и между тѣмъ однако почти постоянно послѣ ж, ч, ш стоитъ не е, а о (оутвържонѣ, тажю, ожю, должонѣ, жоню, съ жоною, соужою, разроушонѣ, купцюмъ, Немцюмъ и пр.). Въ причастіяхъ не опущенъ лъ (понецлъ).

Случаевъ правильнаго отличенія двойственнаго числа очень мало: по большей части употреблено множественное вмѣсто двойственнаго (дати тивоуноу Волочьскому роукавицѣ пьрстаты Готьскнх); но иногда удержано и двойственное (отъ двою капью).

Въ склоненіи повторяются тѣ же случаи, что и въ первой грамотѣ: Старославянское л замѣнено посредствомъ е, иногда впрочемъ и посредствомъ и (Бѣе и Бѣи), а въ винительномъ женскаго посредствомъ а съ удержаніемъ именительной формы для прилагательнаго (дати емоу коуна Смоленская). Замѣчательнъ дательный гостыи вмѣсто гостю, повторенный нѣсколько разъ (та же правда боуди Немецкскому гостыи Смоленскѣ). Другой дательный муж. на ови (послови, попови, Богови). Во множественномъ отличенъ мужескій родъ отъ женскаго (послоуси, добрии, Смольняномъ, купцомъ, моужикъ, коупчикъ) творительный множ. муж. на и и и (Смольняни, Немци, пенязи, мечи).

Въ спряженіи: — Настоящее въ третьемъ лицѣ удерживаетъ ть (боудеть, придетъ, соутъ, дадять); случаевъ несоблюденія этого очень мало (купить, оутвържають).

Прошедшее сложное очень часто и сокращенно (безъ есть, суть), такъ что причастіе мъртъ съ подразумѣваемымъ есть употреблено вмѣсто: умре; но есть и случаи употребленія формы простой: а (да) быша ся не забыли; и добросердье аби въ вѣки стояло и князю любо бы и всѣмъ Смольняномъ; а быша ся тои правде държали въ вѣки; а си грамота написана бысть.

Изъ формъ условнаго сложнаго употреблена и съ будетъ—будуть (боудеть соулигъ, оурядили боудуть).

Въ отношеніи къ формамъ будущаго сложнаго замѣчательны выраженія: или Немѣцкскнх гостъ иметъ са бити межю собою мѣчи; аще кѣторыи Роусинѣ или Немчичъ противити вѣсхочетъ сеи правде,

да тѣ противяъ Бѹ и сѣи правдѣ; никтоже (не) иметь имѣ пако-
стити.

Неопредѣленное наклоненіе постоянно на *а*.

Причастіе употреблено въ видѣ дѣепричастія: возма, изверяче,
извершивши.

Въ отношеніи къ словосочиненію представляются тѣ же случаи,
что и въ первой грамотѣ: есть случаи употребленія неопредѣленнаго
наклоненія въ смыслѣ повелительнаго (еще инѣи боудеть гость Роу-
скыи, тому поити позадоу); часто впрочемъ, гораздо чаще чѣмъ въ
первой грамотѣ, употреблено повелительное (напр. та же правда
боуди Смоленскѣ и въ Рязѣ, — а въ первой: оу Смольнѣскѣ тако
платити и оу Рязе; та же правда и Роусиноу боуди въ Рязѣ, — а
въ первой: тако оузати Роусиноу оу Рязѣ); есть и случаи опущенія
союзовъ, но не столь свободнаго, какъ въ первой грамотѣ, только
передъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ; есть и случаи свободнаго упо-
требленія *ся* (еще *са* воцѣны поудѣ исказити; или гость иметь *са*
бити). И т. д. Замѣчательны случаи употребленія предложнаго безъ
предлога (та же правда боуди Немцомъ Смоленскѣ; Роусиноу же не
лѣзъ позвати Немчица на поле Смоленске), хотя несравненно чаще
предложный употребленъ съ предлогомъ (въ Рязѣ, на Волоцѣ и пр.)
Также значительны случаи опущенія второго отрицанія (никако же
его въсадити въ дыбоу—вмѣсто: не въсадити; а никто же иметь имѣ
пакостити—вмѣсто: никто же не иметь).

IV—VI. Три договорныхъ грамоты Новгородскихъ. 1. 2. Дѣи гра-
моты Новгорода съ в. к. Тверскимъ Ярославомъ, 1264—1265 года, 3.
Д. грамота Новгорода съ в. к. Т. Ярославомъ, 1270 года. (Собраніе
Госуд. Грам. и Дог. I. № 1—3).

Выписываю первую изъ этихъ грамотъ:

— Бѣгословенимъ ѿ вѣдѣкы. поклананимъ ѿ посадника Ми-
хаила. и ѿ тысяцкаго Кондрата. и ѿ всѣхъ Новгорода. и ѿ
всѣхъ старѣишихъ. и ѿ всѣхъ меньшихъ къ кнзю Ярославу. На
семь, кнже, цѣлоуѣ ѣтъ. къ всѣмоу Новоугородоу. на цѣмъ то цѣло-
вали дѣди, и ѿѣи и ѿѣѣ твои Ярославъ. Новгородъ ти дѣржати
въ старинѣ. по пошлнѣ. Что волостни всѣхъ Новгородскихъ. того
ти, кнже, не держати. своими моужи. нѣ дѣржати. моужи Новгородь-
скими. а даръ имати тебе ѿ техъ волостни. А бес посадника
тобе волостни не раздавати. а комоу раздавалъ волости. братъ твои
Александръ. илѣ Дмитрии съ Новгородци. тебе техъ волостни безъ
винѣ не лишати. А что ти кнже пошло на Торожку. и на Волоцѣ.

тивоунъ свои държати. на свои части държати. а Новѣгородѣ на своихъ части държати. А въ Бежицахъ, кѣже, тебе. ни твои кнѣгини. ни твоимъ богаромъ. ни твоимъ двораномъ. селъ не держати. ни коупити. ни даромъ принимати. и по всей волости Новгородской. А се, кѣже, волости Новгородскихъ. Волокъ. съ всеми волостями. Тържкъ. Бежицѣ. городѣ Палицѣ. а то ксѣе дали Иванкови. потомъ. Мелѣча. Шилино. кѣга. Вологда. Заволоцкъ. Трѣ. Перемъ. Печера. Югра. А въ Роусоу ти кѣже кидити ѡсень. а лѣ не кидити. кидити на ѡзвадо. зѣри гонитъ. А в Ладогоу ти кѣже слати ѡсетриникъ. и медовара. по грамотѣ оца своего Ёрослава. А соудъ, кѣже ѡдалъ Дмитрии. съ Новгородци. Бежичаномъ и ѡбоничаномъ. на. 8. лѣ. суды не слати. А из Бѣжицъ кѣже. люди не выводити въ свою землю. ни изъ иной волости Новгородской. ни грамоты имъ дати. ни закладниковъ принимати. ни кнѣгини твои, ни богаромъ твоимъ. ни двораномъ твоимъ. ни смерда. ни коупити. А безъ вини ти моужа волости не лишити. а грамоты ти кѣже не посоуживати. А поже кѣже что пошло тебе и твоимъ моужемъ. то твою. а что былъ ѡдалъ брѣ твою Александръ. поже. а то ти кѣже не надобѣ. А что. кѣже братъ твой Александръ дѣлалъ насиле на Новѣгородѣ. а того са кѣже. ѡстоупи. двораномъ твоимъ. и тивоунимъ. погонъ имати како то пошло. А на томъ ти кѣже на всѣмъ ѣ дѣловати. бесъ перевода. прѣ нашихъ послѣхъ. а мы ти са ѣне кѣже кланамъ. А что, кѣже, мытъ. по твои земли и по иной волости. и по всей Суждальской земли. а то кѣже имати по. 2. векши ѡ лоды и ѡ воза. и ѡ лну. и ѡ хмелна. короба. А двораномъ твоимъ по селомъ оу коупцовъ повозовъ не имати. разве ратной вести. Тако кѣже ѣне. пошло ѡ дѣдъ и ѡ оца, и ѡ твоихъ. и ѡ нашихъ и ѡ твоего ѡца Ёрослава.

Признаковъ Старославянскаго влїянїя нѣтъ на этихъ грамотахъ.

Въ отношенїи фонетическомъ замѣчательны слѣдующіе случаи:— ѡ довольно часто употребленъ по древнему обычаю (сѣмѣ, дѣмѣ, държати, городѣ, осетриникъ, Новгородци, почнетъ), но часто и замѣненъ посредствомъ е (меньшихъ, отецъ, держати—държати, смерда) а кое гдѣ и пропущенъ (лну, хмелна); ѡ также кое гдѣ удержанъ (Тържкъ, нѣ, любви), а кое гдѣ замѣненъ посредствомъ о (Торожку, озвадо); и удержано послѣ з, к, х (кнѣгини, владикъ, Руськии, соцскихъ, Новгородскихъ). Удержаніе и почти постоянно (Дмитрии, волости, люди, судий, третью, третее, братиѣ, насиле); есть впрочемъ случаи опущенїя (нелюбе, свинѣ); е вѣсто Старославянскаго ѡ (люде, судѣ, поже, купче). Смягченіе согласныхъ представляетъ случаи довольно разнообразны (Волоцѣ, отъче, оти =

отца, Новгородца, Новоторжца, Бежича, Бежичномъ, члсти), хотя и не постоянны (Бежичахъ, отца, мужа).

Изъ формъ склоненія замѣтимъ: — Имен. муж. прилагательныхъ на *и* (Русьскими, Новгородскими, тысяцкими) и соотвѣтственный ему родительный на *аю* т. е. *ааю* (Тысяцкиаю); — дательный муж. на *ои* (Иванкови); — винительный женскаго на *а* (а та грамота дати ти навадъ; — звательный на *е* (господине, княже, отче); — предложный на *ъ* (Волоцѣ=Волочѣ); — именительный множ. муж. на *и* (дѣди); — родительный множ. муж. на *ъ* и *ь* (дѣдъ, Волочанъ, отецъ, мужъ); дательный множ. муж. на *омъ* и *емъ*, и предложный на *ьтъ* (бояромъ, селомъ, мужемъ, Новгородцемъ, — послымъ).

Въ отношеніи къ формамъ спряженія въ грамотахъ было не много случаевъ выказаться древнимъ формамъ. Неопредѣленное оканчивается постоянно на *и*. Есть и достигательное: ездити на озвадо вѣри гонитъ. Формы сложные: отступилъ есмь, посудилъ еси, далъ еси, пошло, далъ, есме дали, цѣловали, — былъ отьялъ, — еси отьямъ, — поворовавъ будетъ.

Неопредѣленное наклоненіе постоянно вмѣсто повелительнаго. Мѣстоименіе *ся* употреблено отдѣльно: а мы ти *ся* кланяемъ. И т. п.

VII—IX. *Дѣтъ грамоты князя Владимирскаго на Воини Владимира, 1286 юда, и грамота князя Владимирскаго на Воини и Дуцкаго Мстислава, 1289 юда.* (Собр. Госуд. Грам. II 4—5, 6).

— Во има Ѡца и Сѣа стго Дѣа. молитвами стѣа Бѣа и приѣвца Мрѣа и стѣа агглъ. Се гавъ князь Володимиръ. сѣъ Василковъ. вноукъ Романовъ. даю землю свою всю городы по своему животѣ. братоу своему Мстиславоу и столыны свои городъ Володимиръ.

— Въ има Ѡца и Сѣа и стго Дѣа мѣтвами стѣа Бѣа. и Приѣвца Мрѣа. стѣа агглъ. Се гавъ князь Володимиръ сѣъ Василковъ. вноукъ Романовъ. пишу грамотоу. Далъ есмь княгинѣ своей, по своему животѣ городъ свои Кобринъ и с людьми и з данью. како при мнѣ давали, тако и по мнѣ. атъ дають княгинѣ моеи иже далъ есмь. ей село свое Городелъ. и с мытѣ, а людѣе како то на ма страдалъ тако и на княгиню мою по моему животѣ. Аже боудеть князю городъ роубити и ни к городоу а поборомъ. и тотарыцною. ко князю. А садовою ей Сомино же далъ есмь княгинѣ своей. монастырь свои Аплъ же создахи ѣ своею силою. А село есмь коупилъ Березовичѣ оу (Ю)рьевича оу Давидовича Фодорка. а далъ есмь на немъ. 50. гривенъ коунъ а. 5. локоть скорлата. да бронѣ допатнѣ, а тое далъ есмь ко Апламъ же. А княгини мой, по моему животѣ. ѡже воско-

четь в черницѣ поити, поидеть. аже не восхочеть ити. а како ей любо. мнѣ не воставши смотреть что кто иметь чинити по моему животѣ.

— Се азъ князь Мьстиславъ снѣ король. вноукъ Романовъ. оуставлю ловчее. на Берестяны и вѣки за ихъ коромолоу. со ста по двѣ лоукнѣ медоу. а по двѣ швцѣ. а по патицать десяткѣвъ лноу. а по стоу. хлѣба. а по пати цевровъ швса. а по пати цевровъ ржи. а по 20. коурѣ. а по толкоу со всакого ста а на горожаныхъ. 4. гривны коунѣ. А хто мое слово пороушитъ. а станеть со мною передъ Бгѣ.

Вліянія нарѣчія Церковнаго на этихъ грамотахъ не замѣтно.

Въ правописаніи явно смѣшеніе формъ старыхъ и новыхъ. Такъ ѣ часто стоитъ и на ожидаемомъ древнемъ мѣстѣ (своемъ, на немъ, тотарщиною, пороушитъ, станеть); но есть и не на мѣстѣ (Володимерѣ), и опущено (Василковъ, столыци, людьми, по толкоу); такъ и ѣ часто на мѣстѣ (напр. десяткѣвъ); но иногда и противно требованію древняго языка, (напр. боудеть вмѣсто боудеть); есть и о вмѣсто ѡ (мытомъ, поборомъ). Есть случай употребленія ѡ послѣ ж: вѣки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вмѣсто ѡ послѣ з: княгини. Опущеніе и очень часто: Марья, данью, людѣ. Есть случаи употребленія ѣ вмѣсто и: страдаѣ, Березовичѣ; въ словахъ: бронѣ дошатые (винит. мн.) и въ черницѣ (имен. множест.) ѣ употреблено вмѣсто Старослав. а. Согласныя шипящія и свистящія употреблены безъ смягченія: Давыдовича, овса.

Въ отношеніи къ склоненіямъ замѣтитъ можно: — именительный женскій на и: княгини; родительный женскій на а: стѣа Бѣа и приснодѣвица Марья; родительный муж. множ. на оу или зѣ: цевровѣ, десяткѣвъ, и вмѣстѣ на ѡ: аѣгѣ, локотѣ; предложный муж. множ. на азѣ вмѣсто ѡзѣ: горожаназѣ. Есть примѣръ двойственнаго: по двѣ лоукнѣ.—Есть азѣ, язѣ и мя.

О формахъ глагольныхъ можно замѣтитъ слѣд.:—Есть неопредѣленное наклоненіе на ѣ и на и: смотреть, чинити. Есть прошедшее сложное: *далъ есмь, есмь коупилъ*, и вмѣстѣ простое: *создаѣ*. Есть повелительное съ *аѣ* и безъ *аѣ*: *аѣ дають* и *поидеть* вмѣсто *аѣ поидеть*. Есть будущее съ *иму*: *иметь чинити*. Есть условное съ *боудеть*: *аже боудеть чинити*.

Есть опущенія союзовъ: а поборомъ.. ко князю—вмѣсто: аже поборомъ, ино ко князю; поидеть — вмѣсто: аѣ поидеть. Неопредѣленное: мнѣ не воставши смотреть — вмѣсто: язѣ не востану смотрѣти:

Х. *Протѣзая Новгородская грамота Ганзейскимъ купцамъ 1301 г.*
(Дополненія къ Историч. Актамъ. I. № 6).

Ѳ великого кнава Анѣдрѣа. Ѳ посадника Смена. Ѳ тысяцкого Машка Ѳ всего Новгорода. се приѣха. Иванъ Бѣлѣи. из Любка. Адамъ съ Гочкого берега Инча Олчатъ. из Ригѣ. Ѳ свои брати Ѳ всѣхъ коупѣхъ. своихъ. Латиньского мѣзыка. и дахомъ имъ. 3. поутѣ горнин. по свои волости. а четвертии в рѣчкахъ гости кхати бесъ пакости. на божиѣ рочѣ. и на княжи. и на всего Новгорода. ѡже боудеть. нечистъ поутъ. в рѣчкахъ. князь велитъ своимъ мужемъ проводить сии гостѣ а вѣсть имъ пѣдати.

Въ отношеніи фонетическомъ эта грамота представляетъ слѣдующее:—ѣ (велитъ, Латиньского), смѣшавшійся съ е до того, что и е, выговариваясь глухо, могло быть опускаемо (Смена); ѣ (Анѣдрѣа); и передъ гортанными (Ригѣ); и удерживаемое (брати) и не перешедшее въ е (сии); смягченіе согласныхъ гортанныхъ (рочѣ).

Въ отношеніи къ склоненію:—Именительный муж. на ми (Бѣлѣи, четвертии); родительный множ. муж. на ѣ (коупѣхъ); дательный множ. муж. на емъ (мужемъ).

Въ отношеніи къ спряженію замѣчательно употребленіе прошедшаго простого: Се приѣха Иванъ; и дахомъ имъ.

Опущены союзы: князь велитъ—вмѣсто: ино князь велитъ. Неопределенное вмѣсто повелительнаго: гости кхати.

Привожу еще нѣсколько выписокъ изъ памятниковъ XIV вѣка, дошедшихъ въ подлинникахъ, ограничиваясь при этомъ отрывками болѣе любопытными въ филологическомъ отношеніи. Обозначаю новыя формы просто *курсивомъ*, а древнія *курсивомъ же*, но для отличія повторяя ихъ въ скобкахъ, равнымъ образомъ ставя въ скобкахъ и опущенныя слова.

XI. *Новгородская рядная 1314—1322 г.* (Акты Юридич № 257: 1).

— Се би (и) чоломъ староста Азика и Хараминецъ и Ровда и Игнатецъ, приѣхавъ отъ своей брати (къ) князю Оеонасю на Василѣа на Матееева.... А на то и рядци (и) и послуи (и): Леонтей Остафьевичъ, Еремѣй Кривцевъ.... А кто наступитъ на сѣи (ѣ) рядъ, дастъ князю и посаднику двадцать гривенъ золота.

XII. *Духовная в. князя Ивана Даниловича Калиты* (Собр. Госуд. Грам. I. № 21 и № 22).

— Се *язъ* (*язъ*) грѣшный (*и*) худый (*и*) рабъ Божий Иванъ пишу душевную грамоту, ида (*а*) въ Орду ни *кимъ* (*и*) не нуженъ, цѣлнымъ (*и*) своимъ (*и*) умомъ, въ своемъ (*и*) здорован. Аже Богъ что розгадаеъ о моемъ (*и*) животѣ, даю рядъ сыномъ (*омъ*) своимъ и княгини своей.... Се дагъ *есмъ* (дагъ *есмъ*) сыну своему болшему Семену: Можасскъ,... село на Сѣверьскѣ (*рѣцѣ*) Покрамьскомъ (*и*) уѣздѣ.... А къ тому еще дагъ *есмъ* (*есмъ*) ему два чума золота болшая (*а—а—ая*).... А се даю сыну своему Ивану: Звенигородъ,... Окатьева слобода (*а*),.... Тростна (*а*), Нѣгуча (*а* вмѣсто *я*)... А се дагъ *есмъ* (*есмъ*) сыну своему Андрѣю: Лопастну и пр. А изъ золота дагъ *есмъ* (*есмъ*)... 2 чумка золота меньшая (*а—а—я*)... А се даю княгини своей... 2 села (*и*) Коломенскихъ... А по моимъ грѣхомъ (*омъ*) цѣ имуть (*и*) нескати (*и*) Татарове (*ове*) которыхъ волостми (*и*), а отонмутъ вамъ сыномъ (*омъ*) моимъ и княгини моей, подѣлити вы *ся* (*ся* отдѣльно) опять тими волостми на то мѣсто... А что мои люди купленни (*и*) въ великомъ свертѣ (*и*), а тими *ся* подѣлять (*и*) сынове (*ове*) мои..., Андрѣю сыну моему бугай соболий (*и*) съ наплечки (*и* вмѣсто *и*, что послѣ *ами*)... Стады (*и*) мои подѣлятся сынове (*ове*) мои и княгини (*и*) моя. А опрочъ Московскихъ (*и*) селъ даю сыну своему Семену села моя (*я*) купленная (*ая*)... А что село Павлозское бабы наше (*е*) купля то даю княгини моей.... А что *есмъ* (*есмъ*) купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а дагъ *есмъ* Бориску Ворькову, аже *иметь* (*иметь с: буд.*) сыну моему которому служити, село будетъ (*и*) за нимъ (*и*); не *иметь* ли служити (*иметь с.*) дѣтемъ (*емъ*) моимъ: село отонмутъ (*и* вмѣсто *и*)... А на *се* (*се*) послуши (*си*): отецъ (*и*) мой душевний Ефрѣмъ, отецъ мой душевний Федосий (*и*), отецъ мой душевний поплъ Давыдъ.

XIII. *Договорная грамота в. князя Семена Ивановича съ братьями, 1340 года.* (Собр. Госуд. Грам. I. № 23).

— Се *язъ* (*язъ*) князь великий Семень Ивановичъ всея Руси съ своею братьею молодшею со княземъ съ Иваномъ и съ княземъ Андрѣемъ целовали *есми* (*есми*) межн собе крестъ у отня гроба. Быти *ны* (*ны*) за одинъ до живота, а брата своего старѣйшего имѣти *ны* (*ны*) и чтити во отцево мѣсто... А тобѣ, господине (*е*) князь великий, безъ насъ не доканчивати ни съ *кимъ*... А кто *иметь* (*иметь—буд.*) насъ

сваживати... исправа (а) ны учинити... а опрочъ того все на трое и бортники (ци)... А гдѣ ми (ми) *будеть* всѣсти (будеть в.) на конь (в) всѣсти *сы* (сы) со мною; а гдѣ ми *будеть* самому не всѣсти (будеть не в.), а *будеть* ми вась послати (будеть п.)...

XIV. *Договорная грамота Новгорода съ в. княземъ Тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ, 1375 юда.* (Собрание Госуд. Грам. I. № 13).

— Отъ посадника отъ Михаила, отъ тысяцкого отъ Матфея, отъ бояръ, и отъ житыхъ людей и отъ чорныхъ людей, и отъ всего Новгорода, послаше (аше) Новгородъ Юрья и Якима къ князю къ Михаилу на Тѣбѣрь, а велѣлъ (суть) миръ имати на семъ. Аже братью нашу (шу) попускати безъ окупа, Новгородскихъ бояръ и Новоторскихъ (ръ вмѣсто рѣжъ) бояръ, житыхъ людей и чорныхъ людей и сиротъ Новгородской волости и Новоторской волости, или кто данъ на порукъ Новгородѣчъ или Новоторжанинъ, а съ тыхъ порука на землю; или кого къ челованью привелъ (естъ), а съ тыхъ челованье на землю; или грамоты дерновати на кого пописалъ, а тѣ грамоты (ать) подереть. А что князь Михаилъ товаръ порубилъ братью нашей до Новоторского взятъ, а того товара весь Новгородъ велѣлъ (естъ) Юрью и Якиму отступитися; а что товаръ Новгородский и Новоторский въ Торышку (ъ) взять (естъ) въ полонъ, а того товара весь Новгородъ велѣлъ (естъ) Юрью и Якиму отступитися. А землѣ и водѣ старей (ы) рубежъ по старымъ грамотамъ. А намѣстники свои съ Торышку (ъ) (ать) сведетъ. А на семъ повелѣше (тше) весь Новгородъ Юрью и Якиму миръ взяти (и) съ княземъ (ъ) съ Михаиломъ; а повелѣша (тша) печати приложити изво всехъ пяти концевъ къ сей грамотѣ. Аже князь Михаилъ почне(тъ) пословъ (ове) свои слати въ Новгородъ, Новгородъ повелѣ (тъ) Юрью и Якиму пословъ (ове) Михайловъ (ове) повяти въ Новгородъ.

XV. *Новгородская купчая половинъ XIV вѣка.* (Юрид. Акты № 71. 1).

— Се купи (и) Окинфо (о=ъ). и Евантъ, и Марке (е=ъ=ъ), и Оедоро (о=ъ), у Жирятиничей: у Гошкуя, и у Якова, и у Бориса, и у в. Югната, Разувѣ острова (о=ъ), у Пикиничѣ земли; и даша (ша) на немъ рублей гривну на 70 лѣтъ, а отъ того лѣта коли Ю. князь мертвъ (естъ) Ивановиче (срав. выше съ грам. 1229 юда: коли епѣтъ Алъбрахтъ мертвъ); а боля Жирятиничамо (о=ъ) не надобѣ;

у Пикиничѣ земли, увидаются Гошкуй, и Яково (о=ъ), и Борисъ, сами съ своимъ племенемъ; а у томъ острови Окинфу 2 чѣсти (чѣ) а Евану и Марку и Ѳеодору 3 чѣсти (чѣ). А на то послухо (о=ъ род. множ.): Дрочила Олексино (о=ъ), попь Сменъ святаго Спаса, Созонъ Илеѣно (вм. Ильинъ). А псало (о=ъ) Олуферій передо (о=ъ) обима (има) истчи; а стояло (о=ъ) у печати (чѣ) Гошкуй ото всего племени.

Сличая всѣ памятники нашей Русской письменности XIII—XIV вѣка, нельзя не придти къ заключенію, что смѣшеніе формъ древнихъ и новыхъ, въ нихъ замѣчаемое, не есть смѣшеніе двухъ разныхъ нарѣчій, книжнаго и народнаго, а признакъ переходнаго состоянія языка: вотъ почему формы древнія встрѣчаются все рѣже и рѣже, новыя все чаще и чаще, пока наконецъ одні совершенно смѣняются другими. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, что въ памятникахъ XV вѣка и слѣдующихъ уже вовсе нѣтъ древнихъ формъ; напротивъ того, нѣкоторые изъ нихъ уцѣлѣли и до сихъ поръ; тѣмъ не менѣе справедливо, что съ XIV вѣкомъ время господства большей части древнихъ формъ совершенно прошло, и что съ XV вѣка начинается рѣшительное преобладаніе формъ новыхъ, изъ которыхъ большая часть уже выказалась прежде, въ XIII—XIV вѣкѣ только въ смѣшеніи съ формами древними. Въ XIII—XIV вѣкѣ еще можно было воздерживаться отъ употребленія формъ новыхъ; позже это стало невозможно. Въ книгахъ и въ грамотахъ воздерживались отъ нихъ уже только тѣ, которые знали языкъ книгъ; народъ зналъ только ихъ, и все болѣе удалялся отъ разумѣнія формъ древнихъ.

Остальные дополнительные примѣчанія не помѣщаются здѣсь потому, что вновь пересмотрѣнные и передѣланные они войдутъ въ особенное сочиненіе о нарѣчіяхъ Русскихъ.

